
ГЛАВА III

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВО ВРЕМЯ «ШТУРМА ВЛАСТИ»

Конституционная монархия требует самоограничения не только властей, но и граждан. Она не дает простора необузданным честолюбиям. Поэтому она не приходится народу, который предпочитает анархическое своеволие разумному порядку. Если она при таких условиях падает, то это происходит оттого, что народ, не умеющий поддерживать умеренное правление, его не стоит.

Борис Чичерин. «Политика»

1. «Для умиротворения Думы».

Казус А.Д.Протопопова (сентябрь — ноябрь 1916 г.)

Осенью 1916 г. отношения бюрократической элиты и Думы зависели от расклада сил в кабинете.¹ К началу осени 6 министров составляли прогрессивную группу и столько же — группу их оппонентов. В сентябре последовало увольнение министра внутренних дел А.А.Хвостова и назначение управляющим МВД товарища председателя Думы А.Д.Протопопова.

Кроме того, в сентябре кабинет пополнил назначенный член Государственного совета Г.Е.Рейн. Он возглавил новое ведомство — главное управление государственного здравоохранения. Мысль о создании этого ведомства принадлежала царю. В отличие от Николая, верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П.Ольденбургский выступал за создание подобного управления после войны. В споре царя с принцем царица заняла сторону мужа.²

В сентябре дуалисты приобрели над парламентаристами большинство в один голос. Сохранение Николаем прогрессивной группы доказывало, что достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов было, с точки зрения царя, как и прежде, главной задачей внутренней политики. Но самым ярким доказательством этого стало появление в

кабинете А.Д.Протопопова. Он являлся левым октябристом и сторонником Прогрессивного блока.³ Тесные отношения А.Д.Протопопов поддерживал и с парламентаристами, прежде всего — с фактическим премьером А.В.Кривошеиным, а также с министром иностранных дел С.Д.Сазоновым, министром торговли и промышленности князем В.Н.Шаховским и военным министром генералом Д.С.Шуваевым.⁴ Современники и исследователи разделяли мнение о назначении А.Д.Протопопова по выбору Г.Е.Распутина.⁵ Но это мнение совершенно неосновательно.

Зимой 1915—1916 г., проходя курс лечения в санатории доктора П.А.Бадмаева, А.Д.Протопопов познакомился там со старцем, которому понравился настолько, что тот, по просьбе П.А.Бадмаева, рекомендовал императору назначить А.Д.Протопопова председателем Совета министров. Однако Николай заявил, что А.Д.Протопопова «не знает», а потому «дело заглохло».⁶ Если бы Г.Е.Распутин действительно влиял на формирование правительства, то царь немедленно исполнил бы пожелание старца. Поскольку все обстояло иначе, возвышение А.Д.Протопопова предопределили другие факторы. Главным из них была Дума, которая выбрала А.Д.Протопопова в руководители заграничной делегации законодательных учреждений России.

Делегация в течение апреля—июня 1916 г. посещала союзные и нейтральные страны. Глава делегации буквально покорила иностранцев. Английский король Георг V написал Николаю письмо «с самой горячей рекомендацией» А.Д.Протопопову. Король подчеркивал, что думец «произвел как на него, так и на государственных деятелей Англии, впечатление человека, обладающего большой государственной мудростью».⁷ По признанию Николая, королевский отзыв оказался одной из трех причин выбора им А.Д.Протопопова. Другой причиной стало его выдвижение председателем Думы М.В.Родзянко на пост министра торговли и промышленности.⁸ Третьей причиной назначения А.Д.Протопопова были «хвалебные отзывы» о нем, исходившие от министра иностранных дел. Сообщив императору о возвращении делегации, С.Д.Сазонов рекомендовал «поближе познакомиться» с ее руководителем и «довериться» думцу, «как человеку, весьма подходящему для занятия ответственной государственной должности».⁹ С.Д.Сазонов исходатайствовал у Николая аудиенцию для А.Д.Протопопова, дав ему «наилучшую аттестацию».¹⁰

Встреча царя с думцем произошла 19 июля. Собеседник Николая произвел на него самое благоприятное впечатление.¹¹ После встречи монарх «лестно отзывался» о А.Д.Протопопове министру финансов П.Л.Барку.¹² Подразумеваемая А.Д.Протопопова, Николай сообщил Александре Федоровне, что «думает назначить его министром внутренних дел». «Тем более, что я, — подчеркивал император, — всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой».¹³ Мысль о переходе А.Д.Протопопова в МВД была не нова. Весной 1914 г., когда планировалось назначение преемником Н.А.Маклакова князя В.М.Волконского, А.Д.Протопопову, как другу князя, предназначался пост директора канцелярии министра внутренних дел.¹⁴

Летом 1916 г. старец, писал 2 августа дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову князь М.М.Андроников, относился отрицательно к мини-

стру внутренних дел А.А.Хвостову. Однако Г.Е.Распутин выступал за назначение вместо А.А.Хвостова не А.Д.Протопопова, а кандидата Б.В.Штюрмера — председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной князя Н.Л.Оболенского.¹⁵ Лишь после того как Александра Федоровна, находившаяся с 22 августа по 4 сентября в Ставке, узнала о желании супруга поставить во главе МВД А.Д.Протопопова и сообщила об этом Г.Е.Распутину, он тут же дистанцировался от кандидата Б.В.Штюрмера и всецело присоединился к царскому мнению.¹⁶ Поддержка, оказанная старцем замыслу монарха, могла не ускорить, а задержать его воплощение.

К осени 1916 г. Николай «более не доверял Распутину». Это продемонстрировало письмо царя супруге от 9 сентября.¹⁷ Но во время встречи с Николаем, состоявшейся 10 сентября, Б.В.Штюрмер сообщил о том, что 6 сентября лидеры оппозиции поручили М.В.Родзянко доложить императору «о необходимости образования нового кабинета в составе лиц, облеченных общественным доверием, а также о необходимости ускорить срок созыва Государственной думы».¹⁸ Следовательно, думцы по-прежнему настаивали на фактическом установлении парламентаризма. Чтобы нейтрализовать оппозиционность нижней палаты, не выходя за границы дуалистической системы, царь и пошел на назначение А.Д.Протопопова. «Я, — признавался сам Николай английскому послу 30 декабря 1916 г., — избрал господина Протопопова из рядов Думы с целью быть с ней в согласии».¹⁹

Сообщая Б.В.Штюрмеру 10 сентября о своем решении, Николай заявил: «Хвостов просил его уволить, так как я обещал, что он будет назначен временно министром внутренних дел. Я нашел ему заместителя — Протопопова».²⁰ Б.В.Штюрмер информировал о решении Николая товарища главноуправляющего Собственной канцелярией царя Н.А.Воеводского. Указы об увольнении А.А.Хвостова и назначении управляющим МВД А.Д.Протопопова Н.А.Воеводский представил Николаю 15 сентября, а 16 царь их подписал.²¹

Надежды Николая на то, что вручение А.Д.Протопопову министерского портфеля существенно улучшит отношения правительства и Прогрессивного блока, были тщетными. Назначение товарища председателя Думы руководителем МВД не понизило, а повысило оппозиционность нижней палаты, что вызвало у царя чувство искреннего недоумения. «Чего еще они от меня хотят? — говорил Николай по поводу реакции Думы на это назначение. — Я взял товарища председателя Государственной думы... Раз он был ими избран, значит, Дума ему доверяла и ценила его. Иностранная пресса в течение его поездки с Милоковым и другими думскими выдвигала его преимущественно. Союзники от него в восторге... Кого мне было еще искать? Они не знают сами, чего хотят!»²²

Свою реакцию на назначение А.Д.Протопопова оппозиционеры мотивировали причастностью к этому назначению «темных сил», которые якобы выдвинули думца как сторонника сепаратного мира. Ведь А.Д.Протопопов и его коллега по делегации, выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете граф Д.А.Олсуфьев, будучи в Стокгольме, беседовали с сотрудником посольства Германии в Швеции Ф.Варбургом, а он изложил германские условия мира. Но пресловутая встреча произошла по

инициативе не А.Д.Протопопова, а Д.А.Олсуфьева, разделявшего в годы войны германофильские и пацифистские взгляды.²³

Доказательством того, что при выдвижении А.Д.Протопопова мнение царицы и старца не имело значения, стала полная неудача, которую после появления А.Д.Протопопова во главе МВД потерпели попытки Александры Федоровны и Г.Е.Распутина повлиять на личный состав этого ведомства. Намерение А.Д.Протопопова уволить петроградского градоначальника князя А.Н.Оболенского соответствовало желанию царицы и старца. Вначале А.Д.Протопопов наметил на этот пост ялтинского градоначальника генерала А.И.Спиридовича, против которого выступила Александра Федоровна.²⁴ Она и Г.Е.Распутин хотели назначить бывшего московского градоначальника генерала А.А.Адрианова. Но против него выступил Николай.²⁵ Тогда А.Д.Протопопов поддержал кандидата В.М.Волконского — военного губернатора Амурской области генерала К.Н.Хагондокова. В пользу его назначения высказались Александра Федоровна и Г.Е.Распутин. Однако царь игнорировал их рекомендации. Зараженный массовым психозом, В.М.Волконский ошибочно полагал, что причиной провала кандидатуры К.Н.Хагондокова были царица и старец.²⁶ На самом деле Александра Федоровна не поддержала кандидата Б.В.Штюмерера — градоначальника Ростова-на-Дону генерала П.П.Мейера. Кроме того, с подачи Г.Е.Распутина она настаивала на назначении А.Н.Оболенского товарищем министра внутренних дел.²⁷ Но 25 октября А.Д.Протопопов уволил А.Н.Оболенского, не дав ему нового назначения, а 1 ноября сделал его преемником помощника варшавского обер-полицейстера генерала А.П.Балка, своего друга по 1-му кадетскому корпусу.²⁸

Помимо царицы и старца состоялось и привлечение к деятельности по МВД другого друга А.Д.Протопопова, генерала П.Г.Курлова. Первоначально А.Д.Протопопов хотел назначить генерала командиром Отдельного корпуса жандармов вместо генерала Д.Н.Татищева, а им заменить финляндского генерал-губернатора генерала Ф.А.Зейна. Против такой комбинации высказался Николай.²⁹ Поэтому проведению П.Г.Курлова на место командира Г.Е.Распутин помогал А.Д.Протопопову «неохотно». Старец говорил управляющему МВД о П.Г.Курлове: «Там наверху не очень его любят, надо подождать».³⁰ Тогда А.Д.Протопопов решил назначить П.Г.Курлова исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел по Департаменту полиции. Доклад об этом император утвердил 23 октября.³¹

Единственный случай выполнения А.Д.Протопоповым рекомендации представителя «безответственных влияний» был связан с назначением минским вице-губернатором зятя П.А.Бадмаева, непрямого члена минского губернского присутствия Е.И.Вишневого.³²

Современники противоречили реальности, когда не только верили в то, что А.Д.Протопопов являлся ставленником «темных сил», но и считали, будто на посту руководителя МВД он поправел. Эволюция А.Д.Протопопова оказалась относительной. Получив министерский портфель, недавний оппозиционер по-прежнему выступал за проведение либеральных реформ. После своего назначения А.Д.Протопопов заявил М.В.Родзянко: «Я надеюсь, что мне удастся что-нибудь изменить в положении вещей. Я уве-

рю вас, что государь готов на все хорошее, но ему мешают».³³ А.Д.Протопопов, как руководитель МВД, не отказался от осуществления тех положений программы Прогрессивного блока, сторонником которых являлся, будучи в оппозиции. На посту министра А.Д.Протопопов стремился к установлению свободы печати³⁴ и торговли,³⁵ дарованию еврейского равноправия,³⁶ распространению местного самоуправления,³⁷ созданию волостного земства,³⁸ проведению земельной реформы.³⁹

Таким образом, эволюция, затронувшая А.Д.Протопопова, не уничтожила его либерализма. Впрочем, из-за нее оппозиционный либерализм левого октябриста превратился в либерализм охранительный, нацеленный на сохранение дуалистической системы. Поэтому единственным пунктом расхождения А.Д.Протопопова с Прогрессивным блоком был вопрос о «министерстве доверия». Оно являлось, по его мнению, «скрытой формой ответственного перед Думою министерства».⁴⁰ А.Д.Протопопов, как один из лидеров оппозиции, в истинном значении идеи «министерства доверия» разбирался вполне компетентно.

Более того, А.Д.Протопопову было известно, что некоторые оппозиционеры, и прежде всего — А.И.Гучков, «искренно увлечены мыслью о перевороте».⁴¹ А.Д.Протопопов принадлежал к числу «политических друзей» А.И.Гучкова.⁴² Поэтому А.Д.Протопопов отлично представлял себе «не только общую картину думского революционного заговора», но и «все нити этого заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению престола».⁴³ А.Д.Протопопов не сочувствовал заговорщикам. «Мысль делать переворот во время войны, — вспоминал он, — мне казалась чудовищной. Я надеялся, что это будет усвоено лидерами тех политических групп, с которыми я так много лет работал».⁴⁴ Надежда А.Д.Протопопова не оправдалась, особенно в отношении председателя ЦВПК. В конце июля 1916 г. А.Д.Протопопов дал А.И.Гучкову «весьма нелестную аттестацию», назвав его «великим разрушителем».⁴⁵

Поскольку введение парламентаризма радикальные оппозиционеры типа А.И.Гучкова рассматривали лишь как этап на пути к отречению Николая, А.Д.Протопопов находил образование «министерства доверия», а тем более «ответственного министерства», весьма опасным. По его мнению, создание «ответственного министерства», начав цепную реакцию, ведущую к дальнейшей внутренней дестабилизации, открыло бы двери революции.⁴⁶ Впрочем, неприятие А.Д.Протопоповым идеи «ответственного министерства» не было полным и абсолютным.

Возможность установления парламентаризма в иное время управляющий МВД допускал, думая, что сначала «весьма важно довести войну до конца», а затем «дать ответственное министерство».⁴⁷ Пока же, до окончания войны, ему «казалось полезным в известной мере развить существовавшую русскую конституцию».⁴⁸ Вместо введения парламентаризма А.Д.Протопопов хотел ограничиться другим: не политической, а судебной ответственностью министров по вотуму Думы «перед Сенатом или Особым присутствием Сената».⁴⁹ Теория государственного права начала XX в. трактовала введение судебной ответственности министров как переходный этап на пути к установлению их политической ответственности, т.е. парламентаризма. Про-

ект А.Д.Протопопова надо расценить как однозначно либеральный. Однако именно из-за либеральности проекта радикальная оппозиция, главенствовавшая в Думе, принять его не могла.

Несмотря на расхождение с нижней палатой по вопросу о парламентаризме, А.Д.Протопопов не терял надежды на соглашение с ней. Он попросил М.В.Родзянко устроить ему совещание с членами сеньорен-конвента Думы. Совещание состоялось 19 октября на квартире М.В.Родзянко. Его участниками стали, помимо А.Д.Протопопова и М.В.Родзянко, секретарь Думы И.И.Дмитрюков, кадеты П.Н.Милюков и А.И.Шингарев, прогрессист Б.А.Энгельгардт, октябристы граф Д.П.Капнист и В.И.Стемпковский, земец-октябрист Н.В.Савич, члены фракции центра Н.Д.Крупенский и Д.Н.Сверчков, прогрессивные националисты Д.Н.Чихачев и В.В.Шульгин. А.Д.Протопопов попытался придти к соглашению с бывшими коллегами. «Я сам член Думы и привык работать с Думой, — заявил он. — Я был и останусь другом Думы». ⁵⁰ Однако думцы проигнорировали примирительные жесты управляющего МВД. На совещании «надеждам Протопопова, — не без некоторого самодовольства подчеркивал П.Н.Милюков, — был нанесен жестокий удар. Он был жалок, но мы его не пожалели». ⁵¹ Причины такого отношения вполне понятны. Переход на сторону правительства сторонника Прогрессивного блока символизировал не только нарушение партийной дисциплины, но и опровержение разделявшегося оппозиционерами мнения о том, что достижение компромисса между царем и Думой в рамках Основных законов невозможно. Казус А.Д.Протопопова делал демонтаж дуалистической системы бессмысленным. Если власть готова идти на такие уступки, то стоит ли с ней бороться?

Именно потому, что ближайшая цель оппозиции состояла в замене дуалистической системы парламентаризмом, А.Д.Протопопов, сознательно препятствовавший этому, обрек себя на то, чтобы сделаться объектом организованной думцами кампании по тотальному дискредитированию. Ее венчало объявление А.Д.Протопопова сумасшедшим, хотя диагноз оппозиции и был шит белыми нитками. ⁵² Дискредитирование А.Д.Протопопова стало мстью за его переход на сторону власти. Кроме того, по сведениям товарища председателя Думы С.Т.Варун-Секрета, назначение А.Д.Протопопова «открывало путь к созданию правительства доверия, но без левых — Милюкова и других», почему они и «восстали» против этого назначения. ⁵³

В кадетях и А.Д.Протопопов, и Николай видели своих основных политических конкурентов. Не случайно, что 28 сентября во время первого всеподданнейшего доклада управляющего МВД его разговор с императором вертелся вокруг следующего тезиса: «Кадеты — главная опасность: умные и организованные». ⁵⁴ Вскоре после своего назначения А.Д.Протопопов сообщил М.В.Родзянко, что в Ставке, где находился Николай, планируется назначение председателя Думы премьером и министром иностранных дел. ⁵⁵ М.В.Родзянко отказался от этого предложения, выставив неприемлемые условия. Поведение председателя Думы кажется, на первый взгляд, непонятным. Ведь в начале осени он несколько раз говорил П.Л.Барку о необходимости «скорейшего образования» «министерства доверия», не скрывая своего желания стать во главе такого министерства. ⁵⁶

Отказ М.В.Родзянко объяснялся тем, что к концу сентября на идею соглашения с Николаем лидеры оппозиции окончательно поставили крест. Именно в это время у члена ЦВПК М.М.Федорова состоялись два совещания, участниками которых были руководители Прогрессивного блока в Думе (И.В.Годнев, В.Н.Львов, П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов, М.В.Родзянко, С.И.Шидловский и А.И.Шингарев) и Государственном совете (А.И.Гучков), а также товарищ председателя ЦВПК М.И.Терешенко. ⁵⁷ Участники совещаний решили низложить Николая и заменить его цесаревичем Алексеем, назначив регентом великого князя Михаила Александровича. Следовательно, с точки зрения участников совещаний, «министерство доверия» и «ответственное министерство», перестав быть самоцелью, превращались исключительно в средства свержения монарха.

Всю ответственность за разработку и выполнение плана переворота взял на себя А.И.Гучков, с тем чтобы «не подвергать риску других руководителей блока, присутствовавших на встрече, особенно Родзянко. Однако, — по сведениям А.Ф.Керенского, не заинтересованного в преувеличении революционности буржуазных политиков, — решение об осуществлении переворота Гучков принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями Блока». ⁵⁸

М.В.Родзянко, не будучи членом заговорщической группы А.И.Гучкова, посвящался им во все намерения группы. Сам А.И.Гучков относил председателя Думы к одному из главарей заговора. ⁵⁹ Идти в правительство царя, который намечался к устранению, М.В.Родзянко не имело смысла. Вернее, имело смысл, но только в том случае, если бы его нахождение на посту премьера могло быть использовано заговорщиками для свержения Николая. Между тем этому препятствовало пребывание в кабинете А.Д.Протопопова.

Не будь у управляющего МВД тесного общения с императором, отношение А.Д.Протопопова к заговору, вероятно, осталось бы нейтральным. Однако, подпав под силу личного обаяния Николая, недавний оппозиционер занял сугубо верноподданническую позицию. ⁶⁰ Именно она сделала для А.Д.Протопопова невозможным сотрудничество с участниками заговора. «Вы, — заявил он 19 октября лидерам оппозиции, — хотите потрясений, перемены режима — но этого вы не добьетесь, тогда как я понемногу, кое что могу сделать». ⁶¹ «Я не позволю, — говорил управляющий МВД Г.Е.Рейну, — чтобы моего царя поставили на колени в Успенском соборе и заставили отречься от престола». ⁶² Отказ А.Д.Протопопова от сотрудничества с лидерами оппозиции в подготовке свержения царя стал еще одной причиной разрывания ими кампании по дискредитированию управляющего МВД. Оппозиционеры боялись А.Д.Протопопова как «человека, знающего много лишнего». ⁶³ Поэтому они решили «затравить его, признав сумасшедшим, для того, чтобы обесценить его разоблачения». ⁶⁴

Антипротопоповская кампания вызывала у Николая возмущение. Однажды, ударив рукою по столу, он воскликнул: «Протопопов был хорош и даже был выбран Думой и Родзянко делегатом за границу; но стоило мне назначить его министром, как он считается сумасшедшим!» ⁶⁵ Отношение Думы к управляющему МВД не способствовало смягчению

отношения к ней Николая. Когда 9 октября Б.В.Штюмер зачитал императору посланное за три дня до этого письмо М.В.Родзянко премьеру, содержащее просьбу о созыве Думы «ранее 1 ноября», монарх ответил «категорическим отказом».⁶⁶

На представлении М.В.Родзянко об аудиенции Николай написал: «Поручаю председателю Совета министров передать председателю Государственной думы, что он может быть принят по возобновлении занятий Думы и только с докладом по вопросам, касающимся ее сессии».⁶⁷ Тем не менее в целом, невзирая на бескомпромиссность оппозиции, отношение к ней царя и правительства продолжало оставаться примирительным. Обрисовывая ситуацию, предшествовавшую ноябрьской сессии Думы, даже П.Н.Милюков указывал на то, что правительство «принимало те или другие меры к смягчению ожидаемого конфликта».⁶⁸

Примирительные настроения правительства имели тем большее значение, что премьер и его единомышленники хорошо понимали: в интересах отставания существовавшего порядка наиболее желательным исходом явился бы досрочный роспуск нижней палаты, произведенный до окончания войны. Мотивировку такого мнения содержала записка, написанная идеологом дуалистической системы И.Я.Гурляндом и датированная 5 сентября. И.Я.Гурлянд констатировал, что от отношений правительства и Думы «к моменту окончания войны зависит в огромной мере вопрос самого бытия государства: суждено ли России сохранить создавший ее самодержавный монархический строй или же ей придется вступить на чуждый ей путь парламентаризма с вытекающим из него распадением нашей разноплеменной родины». «Конечно, — отмечалось далее, — наиболее желательным и вернее обеспечивающим успех явилось бы производство выборов не в октябре 1917 г., а в январе 1917 г., т.е. преждевременный роспуск Думы».⁶⁹ Сознывая это, премьер, однако, был настроен умеренно.

Б.В.Штюмер отдавал явное предпочтение не роспуску нижней палаты, а объявлению закрытыми для публики тех заседаний Думы, которые грозили ознаменоваться оппозиционными выступлениями. «Правительство, — подчеркивал Б.В.Штюмер во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 9 октября, — располагает только одним средством для борьбы с необузданностью речей: оно может требовать слушания дела при закрытых дверях». Сообщив, что вопрос о закрытии дверей будет внесен на обсуждение Совета министров, Б.В.Штюмер заключал: «В случае невозможности этим путем удержать противоправительственные демонстрации в Государственной думе, останется прибегнуть к ее закрытию».⁷⁰ Теоретичность последнего вывода была очевидна не только для премьера, но и для других дуалистов. Некоторые из них, понимая, что мишенью оппозиционных выступлений окажется Б.В.Штюмер, намеревались использовать это в своих целях.

По окончании состоявшейся 6 октября беседы А.Ф.Трепова с Ж.М.Палеологом, который развивал тезис об «измене» Б.В.Штюмера, его сомнительный соратник не только не опроверг аргументы французского посла, но и заявил ему: «Через несколько дней я опять увижу императора. Разрешите вы мне передать ему наш разговор? Я повторю ему слово в

слово... Вы понимаете, как важно все, что мы сейчас говорили? Наша беседа будет иметь, может быть, важные последствия».⁷¹ Политическое поведение А.Ф.Трепова зависело не только от его личных воззрений, но и от наличия в кабинете прогрессивной группы. Ее члены сообразовывали свои действия не с премьером, а с оппозицией.

Дальнейшее усиление роли группы, происходившее параллельно с углублением раскола внутри прослойки ее оппонентов, содействовало парламентаризации верховного управления. Это показало рассмотрение кабинетом вопроса о передаче продовольственного снабжения из Министерства земледелия в МВД. На заседании правительства 15 октября против подобного решения, предложенного А.Д.Протопоповым, выступил только один член прогрессивной группы — министр народного просвещения граф П.Н.Игнатьев. Но вот начала свою работу бюджетная комиссия Думы, высказавшаяся, в пику А.Д.Протопопову, за сохранение прежнего положения, — и уже через неделю, на заседании правительства 22 октября, парламентаристы под влиянием Думы провалили предложение А.Д.Протопопова. «Бюджетная комиссия Думы, — вспоминал он, — высказалась против передачи; голосование Совета министров тоже изменилось, и в половине октября уже меньшинство министров было за передачу».⁷²

В пользу передачи, помимо А.Д.Протопопова, выступили четверо дуалистов (А.А.Макаров, Г.Е.Рейн, А.Ф.Трепов и Б.В.Штюмер) и один член прогрессивной группы (Н.Н.Покровский), против — семь министров, в том числе пятеро членов этой группы (П.Л.Барк, И.К.Григорович, П.Н.Игнатьев, В.Н.Шаховской и Д.С.Шуваев). Под влиянием Думы от передачи продовольственного дела в МВД отказались не только парламентаристы, но также А.Д.Протопопов и Б.В.Штюмер, несмотря на то, что с ними, вопреки мнению большинства, согласился Николай. Такая быстрая метаморфоза была вызвана нежеланием кабинета провоцировать нижнюю палату на антиправительственные выступления, которые могли поставить на повестку дня вопрос о роспуске Думы.⁷³

Принципиальное нежелание правительства воспользоваться роспуском Думы для борьбы с оппозицией заявило о себе и на исходе октября, когда П.Н.Крупенский сообщил Б.В.Штюмеру проект декларации Прогрессивного блока с обвинениями власти в «измене». Если бы премьер являлся сторонником роспуска нижней палаты, то не пытался бы препятствовать оглашению радикальной редакции декларации, поскольку эта редакция, развязывая правительству руки, давала ему моральное право для окончательного разрыва с оппозицией. Но поскольку подобного исхода Б.В.Штюмер не хотел, он повел себя иначе. Когда во время проходившего на квартире премьера заседании кабинета министры узнали содержание декларации, то она «всех возмутила»,⁷⁴ т.е. даже членов прогрессивной группы. Считая, что употребление слова «измена» сделает невозможными дальнейшие отношения правительства и нижней палаты, министры постановили просить М.В.Родзянко и лидеров оппозиции «вычеркнуть это слово, так как иначе бы пришлось Думу распустить».⁷⁵

Вести переговоры с председателем нижней палаты правительство поручило П.Н.Игнатьеву, а с лидерами оппозиции — Н.Н.Покровскому.⁷⁶

Встреча П.Н.Игнатьева с М.В.Родзянко произошла 30 октября. П.Н.Игнатьев сообщил о просьбе кабинета вычеркнуть слово «измена» во избежание полного роспуска Думы. М.В.Родзянко своему собеседнику «ничего определенного» обещать «не мог». Тем не менее в окончательном варианте декларации, зачитанном октябристом С.И.Шидловским 1 ноября 1916 г., это слово было опущено, хотя косвенное обвинение власти в «измене» думцы сохранили.⁷⁷

Н.Н.Покровский «от всей души» хотел наладить отношения с оппозицией.⁷⁸ Он встретился с прогрессистом А.С.Постниковым и кадетом А.И.Шингаревым. В ответ на слова государственного контролера о том, «какие ужасные последствия может вызвать революционный взрыв в такую минуту», они «обещали воздействовать» на своих коллег «в целях успокоения».⁷⁹

Параллельно Б.В.Штюрмер попытался воздействовать на М.В.Родзянко. В письме председателю Думы от 31 октября, подчеркнув, что «при исключительных условиях переживаемого военного времени возбуждение в открытом заседании Думы некоторых вопросов может оказаться противоречащим интересам государственной обороны», премьер «покорнейше просил» адресата, на случай, если он сочтет «оглашение таковых внеочередных заявлений допустимым, сделать распоряжение об объявлении заседания закрытым». Содержание послания было корректным настолько, что не давало никаких оснований для предположений о том, что его получение может хоть как-то задеть М.В.Родзянко. Однако подобные предположения все-таки возникли. Поэтому никакого письма от премьера председатель Думы не получил. Оно, согласно помете управляющего делами Совета министров И.Н.Лодыженского, «осталось не посланным».⁸⁰

Не желая раздражать М.В.Родзянко официальной просьбой о проведении заседаний Думы при закрытых дверях, Б.В.Штюрмер обратился к нему в частном порядке. Но во время встречи с М.В.Родзянко премьер услышал: «Имейте в виду: Дума не будет с вами работать!»⁸¹

Игнорируя отрицательное отношение к нему Думы, Б.В.Штюрмер по-прежнему стремился предотвратить окончательный разрыв между правительством и законодательными учреждениями. Доказательством этого явился его всеподданнейший доклад от 31 октября. Бескомпромиссность оппозиции заставляла Б.В.Штюрмера, несмотря на всю его «спокойную благожелательность», учитывать и в этом докладе, в качестве возможного исхода конфликта между правительством и Прогрессивным блоком, роспуск нижней палаты. Но примирительное настроение Б.В.Штюрмера, отразившееся даже в докладе от 31 октября, обусловило и примирительный характер наложенной на него царской резолюции: «Надеюсь, что только крайность заставит прибегнуть к роспуску Государственной думы».⁸²

Казалось бы, как неслыханную крайность можно было расценить выступление П.Н.Милокова, прозвучавшее 1 ноября, в день открытия сессии законодательных палат, и содержавшее безосновательное обвинение царицы, премьера и Г.Е.Распутина в измене. Выступление лидера кадетов имело тем большее значение, что содействовало радикализации габитусов не только депутатов, но и бюрократов. По причине взаимопр-

никновения бюрократической элиты и российской интеллигенции они к этому времени напоминали сообщающиеся сосуды, так что настроения первой отражали настроения второй.⁸³

Нежелание идти первым на окончательный разрыв с Думой было характерно для премьера даже тогда, когда невозможность его компромисса с оппозицией стала бесспорной. На состоявшемся вечером 1 ноября заседании правительства Б.В.Штюрмер заявил себя противником роспуска Думы. Премьер отметил, что «стесняется» (!) поднимать вопрос о роспуске, не желая давать повода «к упреку за то, что возбуждает этот вопрос из личных чувств».⁸⁴ Ментальность представителей правительства либерализма была такова, что даже в критические моменты государственной жизни соображения политической целесообразности не застилали перед ними правил элементарной порядочности, чего нельзя сказать о П.Н.Милокове. В своей ноябрьской речи, наполненной заведомо непроверенными данными, он обошелся с этими правилами намного более свободно.⁸⁵

П.Н.Игнатьев позднее вспоминал, что после выступления премьера только управляющий МВД высказался «решительно за роспуск Думы».⁸⁶ В действительности А.Д.Протопопов являлся противником роспуска. В конце октября он поручил генералу П.Г.Курлову выяснить состояние войск петроградского гарнизона. П.Г.Курлов переговорил с начальником войсковой охраны столицы генералом А.Н.Чебыкиным и его помощником полковником В.И.Павленковым. Военные заявили о «полном благополучии в войсках». Тем не менее П.Г.Курлов пришел к выводу, что «правительство рассчитывать на твердую поддержку гарнизона не может», поскольку в частях «почти не было кадровых офицеров, в рядах их находились в большом количестве распропагандированные местные рабочие и дисциплина соблюдалась крайне слабо». На совещании, в котором приняли участие А.Д.Протопопов, П.Г.Курлов, товарищи министра В.М.Волконский и В.А.Бальц, П.Г.Курлов заявил, что о роспуске Думы «не может быть и речи». Мнение генерала нашло полное сочувствие со стороны товарищей министра.⁸⁷ Поэтому вечером 1 ноября высказываться за роспуск нижней палаты А.Д.Протопопов не мог. Еще менее хотел роспуска премьер, который высказался за то, чтобы «сделать попытку склонить Думу к более спокойному настроению и уверить ее, что правительство искренно желает работать совместно с нею».⁸⁸

По предложению П.Н.Игнатьева, поддержанному А.Ф.Треповым, выступить от имени правительства в Думе было поручено И.К.Григоровичу и Д.С.Шуваеву, т.е. министрам, с которыми Дума «еще готова иметь дело».⁸⁹ Правительству казалось, что они «скорее других затронут патристические чувства членов Государственной думы и достигнут желаемого результата».⁹⁰ Предлагая И.К.Григоровича, П.Н.Игнатьев метил дальше, надеясь обеспечить назначение адмирала премьером. Из числа претендентов на наследие Б.В.Штюрмера — И.К.Григоровича, А.В.Кривошеина и А.Ф.Трепова — наиболее желательным кандидатом оппозиционеры считали первого из них.⁹¹ Выдвижение парламентаристами адмирала не ускользнуло от внимания царицы. «Григорович великолепен на своем мес-

те, — сообщала она мужу, подразумевая пост премьера, — другие и Игнатьев подстрекают его занять этот пост, для которого он непригоден».⁹² Сам И.К. Григорович полагал иначе, а потому в начале ноября, подготавливая почву для создания своего кабинета, заявил лидеру Прогрессивного блока Н.В. Савичу, что «громадное большинство министров не солидарно со Штюрмером, дни власти которого уже сочтены». Из беседы с адмиралом Н.В. Савич понял, что «возможно создание министерства, пользующегося доверием большинства Думы».⁹³

Помимо делегирования Д.С. Шуваева и И.К. Григоровича в нижнюю палату, Совет министров уполномочил Б.В. Штюрмера обратиться к М.В. Родзянко по поводу упоминания П.Н. Милюковым имени Александры Федоровны.⁹⁴ Одновременно Б.В. Штюрмер послал М.В. Родзянко другое письмо, в котором попросил доставить ему копию нецензурированной стенограммы речи П.Н. Милюкова. Она содержала, по мнению премьера, «личные выпады» против него, «закрывающие в себе явные признаки клеветы».⁹⁵ Б.В. Штюрмер хотел использовать копию для подачи на П.Н. Милюкова в суд. После революции М.В. Родзянко утверждал, что в ответном письме премьеру отказался от удовлетворения его просьбы. Позднее М.В. Родзянко признал, что вместе с письмом Б.В. Штюрмеру послал и «полную стенограмму речи Милюкова».⁹⁶

Получив письмо председателя Думы, премьер «очень обиделся».⁹⁷ Но не настолько, чтобы пойти на роспуск нижней палаты. Поэтому он выступил инициатором немедленного наложения репрессалий не на Думу, а лишь на одного М.В. Родзянко. Царице Б.В. Штюрмер заявил, что М.В. Родзянко, имевшего звание камергера, «следовало бы лишить придворного мундира», а министру двора графу В.Б. Фредериксу поручил вынести председателю Думы «выговор». Но граф «не понял» Б.В. Штюрмера и написал М.В. Родзянко, чтобы «он, — информировала царица мужа, — в будущем не допускал ничего подобного».⁹⁸ На самом деле посланное 2 ноября по соглашению с премьером официальное письмо министра двора председателю Думы было выдержано в просительных тонах.⁹⁹

Официальное ответное письмо М.В. Родзянко датировано 4 ноября. Как сообщал В.Б. Фредерикс во всеподданнейшем докладе двумя днями позже, оно было написано «в весьма резкой форме».¹⁰⁰ Одновременно с посылкой резкого письма, написанного для того, чтобы, по мнению В.Б. Фредерикса, «быть показанным в кулуарах Думы», ее председатель, как бывший подчиненный графа по Конногвардейскому полку, отправил ему частное письмо, содержащее оправдания.¹⁰¹

В итоге крайним оказался только лидер кадетов. На заседании правительства, проходившем 3 ноября под председательством А.Ф. Трепова, а не Б.В. Штюрмера (решившего снова продемонстрировать свою шепетильность), был принят особый журнал «О возбуждении уголовного преследования за клевету против члена Государственной думы Милюкова», утвержденный царем 9 ноября.¹⁰² Предположением о возбуждении против П.Н. Милюкова уголовного дела воинственность Б.В. Штюрмера себя исчерпала.

Во всеподданнейшем докладе от 3 ноября премьер уверял императора, что роспуска Думы возможно избежать. «Быть может, — писал Б.В. Штюр-

мер, подразумевая выступления военного и морского министров, — струя благоразумия возобладает в настроении Таврического дворца, и обращение правительства сплотит то меньшинство членов Государственной думы, которое стремится предотвратить необходимость в роспуске».¹⁰³ Надежды Б.В. Штюрмера на И.К. Григоровича и Д.С. Шуваева оказались напрасными. Выступая в нижней палате, они не сообщили, что делают это по поручению правительства. Генерал же, покидая кафедру, пожал руку П.Н. Милюкову.¹⁰⁴ Выступления И.К. Григоровича и Д.С. Шуваева думцы расценили не как благожелательный жест Б.В. Штюрмера, а как дистанцирование от него ориентирующихся на Думу министров.

Поведение парламентаристов не ослабило, а усилило радикальность оппозиции. Тем временем во всеподданнейшем докладе от 5 ноября Б.В. Штюрмер все еще выражал надежду, что 7 ноября, «быть может, установится тот желательный в настроении Государственной думы перелом, и она перейдет к работе законодательной».¹⁰⁵ Примирительное отношение Б.В. Штюрмера к оппозиции имело принципиальный характер. Именно в это время премьер не передал императору записку консерваторов. Она рекомендовала Николаю перейти в наступление на Думу. Б.В. Штюрмер «боялся», что записка «не отвечает тому либеральному настроению, которое было отмечено в его декларации».¹⁰⁶

Нежелание премьера пойти на роспуск Думы детерминировалось не только принципиальностью его позиции, но и трезвой оценкой политической ситуации. Б.В. Штюрмер был информирован о решении лидеров оппозиции «в случае роспуска Думы вызвать беспорядки среди рабочих, учащих и в войсках».¹⁰⁷ Он понимал, что роспуск окажется искрой, попавшей на бочку с порохом. Но главной причиной отказа правительства от роспуска стала примирительная позиция царя, которая лежала в основе его отношения к нижней палате и после выступления П.Н. Милюкова.

Желая добиться компромисса с оппозицией, через два дня после милюковской речи, 3 ноября, Николай послал Думе благожелательную телеграмму. В ней царь поблагодарил нижнюю палату «за ее приветствие, обращенное к нашим армии и флоту, и за ее пожелание успеха в нашей тяжелой борьбе, которая благодаря стойкости и героизму наших доблестных войск, с помощью Божьей, будет доведена до победного конца».¹⁰⁸

В отличие от мужа Александры Федоровны была настроена противоположным образом. «Не прикажешь ли, — писала она супругу по поводу М.В. Родзянко, — лишить его придворного звания сейчас».¹⁰⁹ Намерение царицы покарать нелюбимого камергера осталось невоплощенным.

Выступление Александры Федоровны против председателя Думы не означало того, что царица была противницей самой Думы. Как сообщал 6 ноября А.Д. Протопопову заведующий охраной Таврического дворца Г.П. Берггольдт, Александра Федоровна считала себя «сторонницей прогресса и нового режима». Ее любимой оценкой было выражение: «Этот человек — *du vieux regime* [старый режим. — С.К.]». Подобное суждение царица высказывала, в частности, об И.Л. Горемыкине.¹¹⁰ Позиция Александры Федоровны относительно Думы в начале ноября предопределялась не только ее взглядами, но и влиянием А.Д. Протопопова.

По степени своей близости к императрице управляющий МВД превзошел даже Г.Е.Распутина. «С конца сентября 1916 г., — подчеркивал П.П.Стремоухов, — императрица прислушивается уже не к одному Распутину, рядом с ним вырастает Протопопов, неизмеримо более тонкий и хитрый и ведущий свою линию». ¹¹¹ Степень близости А.Д.Протопопова к Александре Федоровне была такова, что в конце октября царица приказала своему камердинеру принимать от управляющего МВД телефонные сообщения «о ходе волнений» и докладывать их императрице. В начале ноября А.Д.Протопопов попросил по телефону сообщить Александре Федоровне, что в Думе «не благополучно: шум», поскольку там ругают «старика», т.е. Б.В.Штюрмера. ¹¹² Для смягчения внутривластной ситуации А.Д.Протопопов решил воспользоваться Г.Е.Распутиным, которому сообщил, как этого достигнуть.

Находя, что роспуск нижней палаты нежелателен, А.Д.Протопопов надеялся «успокоить» оппозицию. По его мнению, удаление Б.В.Штюрмера могло бы внести «некоторое успокоение». Выступая против полной отставки премьера, которая была бы истолкована как «уступка», А.Д.Протопопов хотел, чтобы Б.В.Штюрмер «заболел» и уехал на три недели из Петрограда. А.Д.Протопопов полагал, что эта болезнь будет истолкована Думой как шаг к отставке премьера. В результате наступит «успокоение, достигнутое без уступок». Г.Е.Распутин посоветовал А.Д.Протопопову рассказать об этом плане царице. На следующий день управляющий МВД сообщил Александре Федоровне «про настроение Государственной думы» и «опасность ее роспуска», а затем передал свои соображения о необходимости Б.В.Штюрмеру «заболеть». ¹¹³ После этого Александра Федоровна встретилась с Г.Е.Распутиным, который повторил ей доводы А.Д.Протопопова. Ссылаясь на управляющего МВД и старца, царица сообщала Николаю 7 ноября, что «для умиротворения Думы Штюрмеру следовало бы заболеть и отправиться в 3-недельный отпуск». Г.Е.Распутин, очевидно также с подачи А.Д.Протопопова, советовал уволить Б.В.Штюрмера с поста министра иностранных дел и назначить вместо него лидера правых в Государственном совете И.Г.Щегловитова или посла в Италии М.Н.Гирса. ¹¹⁴

Вопреки мнению царицы и старца 10 ноября Николай дал Б.В.Штюрмеру полную отставку, а в конфликте между В.Б.Фредериксом и М.В.Родзянко встал на сторону последнего. На докладе министра двора, в котором излагалась его переписка с председателем Думы, царь наложил 10 ноября резолюцию, созвучную намерению М.В.Родзянко лично доложить Николаю о проступке П.Н.Миллюкова: «Я поговорю с Родзянко, когда его увижу». ¹¹⁵

Согласие царя с М.В.Родзянко означало, что в достижимости компромисса с оппозицией Николай не разуверился даже после миллюковской речи. Между тем император имел право расценить ее как оскорбление чести жены и повод для роспуска Думы. Но монарх, объяснял князь Н.Д.Жевахов поведение Николая, «не желал обострять положения проявлением своей самодержавной воли и, уступая натиску революционной Думы, требовавшей, под разными предлогами, смены кабинета, снисходил к этим требованиям, надеясь уступками успокоить Думу и сосредоточить ее внимание на главном, на заботе об окончании войны». ¹¹⁶

Крупнейшей уступкой Николая Думе и стало увольнение Б.В.Штюрмера. «Это, — подчеркивал В.С.Дякин, — был первый в истории России случай, когда смена премьера произошла по прямому требованию Думы». ¹¹⁷ После увольнения Б.В.Штюрмера оппозиция получила прецедент, использование которого содействовало бы радикальной парламентаризации верховного управления.

2. «Бог интриги».

Премьерство А.Ф.Трепова (ноябрь — декабрь 1916 г.)

Преемником Б.В.Штюрмера 10 ноября стал министр путей сообщения А.Ф.Трепов. ¹¹⁸ Еще за два месяца до получения поста премьера он являлся одним из основных кандидатов на этот пост. «У нас, — писал 11 сентября из Петрограда князь М.М.Андроников дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову, подразумевая назначение Б.В.Штюрмера послом в Италию, — масса слухов об уходе в Рим Бориса Владимировича и назначении на пост председателя либо А.Ф.Трепова, либо А.А.Хвостова». ¹¹⁹

Назначение преемником Б.В.Штюрмера именно А.Ф.Трепова предопределялось тем, что в начале ноября отношение к нему Николая было в высшей степени благожелательным. Доказательством этого стало награждение А.Ф.Трепова званием статс-секретаря его величества, о чем Николай лично телеграфировал министру путей сообщения 3 ноября. ¹²⁰

Назначению А.Ф.Трепова премьером содействовал Б.В.Штюрмер, который при выходе в отставку рекомендовал императору назначить вместо себя своего конкурента. ¹²¹ Поступив так, Б.В.Штюрмер игнорировал отрицательное отношение к руководителю МПС со стороны Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Они выступили против назначения А.Ф.Трепова. ¹²² В преемники Б.В.Штюрмера с подачи журналиста Г.П.Сазонова Г.Е.Распутин безуспешно прочил И.Г.Щегловитова. ¹²³ Когда А.Ф.Трепов был все-таки назначен, императрица и старец настаивали на удалении его с поста министра путей сообщения и назначении вместо него начальника Северо-Западных железных дорог Ф.М.Валуева. ¹²⁴ Однако эту просьбу царь не исполнил.

При своем назначении А.Ф.Трепов получил от Николая указание «работать в единении с Государственной думой». ¹²⁵ Для выполнения царского указания предыдущая карьера А.Ф.Трепова давала все необходимое. Он был одним из отцов-основателей думской монархии. Подобно предшественнику, новый премьер принадлежал к числу умеренных дуалистов. ¹²⁶ Но, в отличие от Б.В.Штюрмера, соображениями прагматического порядка А.Ф.Трепов руководствовался гораздо чаще. «Стоило Трепову в ноябре 1916 г. получить пост председателя, — вспоминал В.Н.Шаховской, — как он тотчас же отказался от своих убеждений». ¹²⁷

Прежде всего А.Ф.Трепов солидаризировался с пожеланием Думы об увольнении А.Д.Протопопова. Когда 10 ноября Николай предложил А.Ф.Трепову премьерство, тот поставил «существенным условием» своего согласия отставку управляющего МВД. ¹²⁸ Мотивируя необходимость его ухода, А.Ф.Трепов, этот, по выражению А.В.Кривошеина, «бог интриги», ¹²⁹ поддержал версию

думцев о сумасшествии А.Д.Протопопова. Она вызывала возмущение со стороны Николая. В ответ на сделанное 6 ноября протопресвитером Г.И.Шавельским заявление о сумасшествии управляющего МВД царь, «несколько волнуясь», возразил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как я его назначил министром? Ведь в Государственную думу выбирал его не я, а губерния. В губернские симбирские предводители дворянства его избрало симбирское дворянство; товарищем председателя Думы, а затем председателем посылавшейся в Лондон комиссии его избрала Дума. Тогда он не был сумасшедшим? А как только я выбрал Протопопова, все закричали, что он с ума сошел».¹³⁰

Доверие Николая к А.Ф.Трепову было столь велико, что с поддержанной им версией о сумасшествии управляющего МВД царь как будто согласился.¹³¹ Новый премьер поставил вопрос об увольнении не только А.Д.Протопопова, но и других министров, не пользовавшихся популярностью у оппозиции. По сведениям В.М.Волконского, А.Ф.Трепов намеревался сменить 6 «наиболее ненавистных» министров.¹³² Несмотря на то, что планировавшиеся кадровые перемены фактически были вызваны влиянием нижней палаты, действовавшей в данном случае как парламент, Николай и А.Ф.Трепов хотели, чтобы при их совершении дуалистическая система сохранялась хотя бы в виде фикции. Допуская влияние Думы на формирование правительства, царь одновременно пресек попытки царицы воспользоваться советами старца.¹³³

Немедленно по возвращении из Могилева А.Ф.Трепов, уже в качестве премьер-министра, встретился с М.В.Родзянко. А.Ф.Трепов уверял собеседника, что «желает работать рука-об-руку» с Думой и «сумеет побороть влияние Распутина». В ответ М.В.Родзянко порекомендовал уволить, помимо А.Д.Протопопова, умеренного дуалиста графа А.А.Бобринского и умеренного парламентариста В.Н.Шаховского.¹³⁴ Со своей стороны М.В.Родзянко не дал премьеру «никаких обещаний».¹³⁵ Тем не менее ради достижения компромисса с оппозицией А.Ф.Трепов был готов пойти вплоть до фактического установления парламентаризма хотя бы на время. Выступая за образование кабинета по списку, премьер намеревался раздать министерские посты «лицам, пользующимся доверием общественности и Думы».¹³⁶

Для развития неформальных отношений между министрами и оппозиционерами А.Ф.Трепов отпустил 75 000 рублей Клубу общественных деятелей П.Н.Крупенского.¹³⁷

Перед новым докладом императору А.Ф.Трепов подготовил указы об отставке четырех министров, а потому расценивал этот доклад как «решающий».¹³⁸ Казалось бы, все благоприятствовало успеху треповского плана. Несмотря на резкий рост оппозиционности Думы, Николай по-прежнему стремился к соглашению с ней. Когда 12 ноября Д.С.Шуваев, принятый царем «как никогда ласково»,¹³⁹ сообщил ему содержание своей думской речи, доказывая, что «министры должны работать рука об руку с Государственной думой и Государственным советом», Николай «поблагодарил» генерала.¹⁴⁰

Встреча царя с премьером состоялась 14 ноября и длилась полтора часа. Во время нее «разговор шел о Протопопове».¹⁴¹ А.Ф.Трепов умолял Ни-

колая дать управляющему МВД отставку. Взяв у премьера проект указа об этом, император заметил: «Оставьте его мне. Я вам его пришлю еще сегодня вечером или завтра утром».¹⁴²

Переданную А.Ф.Треповым просьбу М.В.Родзянко об увольнении А.А.Бобринского царь исполнил. Оно произошло вопреки мнению царицы.¹⁴³

Положительный результат имела также попытка премьера добиться усиления своего влияния на министров. Эта попытка была направлена против А.Д.Протопопова, стремившегося проводить собственную политику, в частности по продовольственному вопросу. Напомнив императору содержание статьи 19 учреждения Совета министров, которая предписывала каждому министру предварительно знакомить премьера со всеподданнейшими докладами, имеющими общее значение, А.Ф.Трепов указал, что она «не всегда соблюдается на практике». Признавая «неуклонное соблюдение установленного в сем отношении законом порядка имеющим существенно важное значение», премьер испрашивал у Николая разрешения на преподание министрам соответствующих указаний. Предложение А.Ф.Трепова удостоилось утверждения.¹⁴⁴

Столь же успешно для премьера был решен и вопрос о результатах деятельности Верховной комиссии, расследовавшей дело В.А.Сухомлинова, которого царь и царица считали невиновным. Именно поэтому Николай по просьбе супруги телеграфировал 10 ноября министру юстиции А.А.Макарову: «Ознакомившись с данными предварительного следствия Верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а поспею дело прекратить».¹⁴⁵ По докладу А.Ф.Трепова это повеление было оставлено «без исполнения».¹⁴⁶ Тогда же осталось неудовлетворенным и ходатайство царицы о прекращении дела И.Ф.Манасевича-Мануйлова, которого Александра Федоровна и Николай также считали невиновным.¹⁴⁷

Подписания царем указа об отставке А.Д.Протопопова так и не последовало, чему способствовал, не желая того, А.Ф.Трепов. Через начальника канцелярии Министерства двора А.А.Мосолова премьер предложил Г.Е.Распутину 200 000 рублей, если А.Д.Протопопов «будет уволен», а старец откажется от вмешательства «в назначение министров и высших чинов управления».¹⁴⁸ А.Ф.Трепов соглашался лишь на влияние Г.Е.Распутина в церковной сфере. Старец не только отказался от денег, но и сообщил о предложении премьера Александре Федоровне. Царица приехала в Могилев 14 ноября, предварительно информировав об интриге А.Ф.Трепова супруга.¹⁴⁹ Премьер явил себя перед Николаем как человек, безосновательно верящий во всеиллие старца и не гнушающийся ничем ради достижения своих целей. В результате положение управляющего МВД упрочилось. Император, императрица и Г.Е.Распутин заняли сторону А.Д.Протопопова.

Во время аудиенции, данной М.В.Родзянко 16 ноября,¹⁵⁰ в ответ на его заверения о готовности нижней палаты сотрудничать с кабинетом Николай заявил: «Я очень рад услышать, что Дума будет работать с правительством». Но когда М.В.Родзянко заговорил о необходимости смены А.Д.Протопопова, Николай воскликнул: «Да вы же сами мне его рекомендовали». На доводы председателя Думы о необходимости перемещения А.Д.Протопопова с поста управляющего МВД в министры торговли Николай заметил: «Ну, это

я не знаю, сделаю ли я».¹⁵¹ Успеху выступления М.В.Родзянко против А.Д.Протопопова помешало то, что в качестве своего главного аргумента председатель Думы использовал версию о германофильстве «темных сил». М.В.Родзянко говорил, что Г.Е.Распутин, отказавшийся от треповской взятки, — «купленный человек», а Александра Федоровна — имеет «большое влияние». Николай, давая понять, что за всеми назначениями стоит не старец или царица, а он сам, задал вопрос: «Что же, я первый изменник?»¹⁵² Опровергая сведения М.В.Родзянко о желании правительства распустить нижнюю палату, царь подчеркнул: «Об этом вы мне первый говорите, у меня нет намерения распустить Государственную думу».¹⁵³ Более того, Николай сказал: «Можете передать, что я очень желаю, чтобы Дума работала вместе с правительством».¹⁵⁴

В то же время, после встречи царя с М.В.Родзянко положение управляющего МВД упрочилось окончательно. «Родзянко, — сказал Николай А.А.Вырубовой, — has worried me awfully [ужасно меня измучил. — С.К.]. I feel his motives are quite false [Я чувствую, что его доводы полностью фальшивы. — С.К.]». Рассказав, как М.В.Родзянко уверял его, что А.Д.Протопопов «сумасшедший», царь усмехнулся и заметил: «Вероятно с тех пор, как я назначил его министром».¹⁵⁵

Николай видел, что травля управляющего МВД исходит «от тех самых лиц, которые, как Родзянко, только что перед тем советовали назначить Протопопова министром торговли и всячески его хвалили и которые все ополчились против, как только государь, по своему почину, дал ему другое назначение».¹⁵⁶ Николай полагал, что возмущение думцев «есть принципиальный бойкот всякого человека, на котором он остановит свой выбор».¹⁵⁷

Отношение лидеров оппозиции, желавших водворения парламентаризма, к А.Д.Протопопову превращало его увольнение в прецедент, содействующий этому. Противники отставки А.Д.Протопопова, к числу которых принадлежал и царь, исходили из того, что она приведет к установлению «конституции», т.е. «ограничению власти монарха» и «низведению ее на степень прав английского короля, который царствует, но не правит».¹⁵⁸ Иными словами, противники отставки А.Д.Протопопова трактовали ее как шаг на пути к фактической замене дуализма парламентаризмом. Выражая точку зрения своего мужа, царица писала, что «дело не в Протопопове», а в том, что «царь правит, а не Дума».¹⁵⁹ Кампанию против руководителя МВД Николай расценивал как покушение против не отдельного члена кабинета, а дуалистического порядка формирования правительства, согласно которому, в отличие от парламентарной системы, назначение и увольнение министра — прерогатива не законодательных палат, а исключительно главы государства. Между тем создание во время войны парламентского кабинета представлялось императору невозможным.

Николай полагал, что в условиях мирового катаклизма введение парламентаризма вызовет внутреннюю дестабилизацию и тем самым губительно отразится на ходе военных действий. Мотивируя свое сопротивление созданию «ответственного министерства», царь говорил В.Н.Воейкову, что «всякая ломка существующего строя, во время такой напряженной борьбы с врагом, привела бы только к внутренним катастрофам».¹⁶⁰

Николай сопротивлялся не столько парламентаризму, сколько введению его именно во время войны, в чем ярко проявился присущий царю прагматизм. Беседуя в ноябре с А.А.Вырубовой, Николай несколько раз упоминал «о будущих переменах конституционного характера», не раз повторяя: «Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела!» Из бесед с императором А.А.Вырубова сделала вывод о том, что «государь все хотел дать, что требовали, но — после победоносного конца войны». «Почему, — заявил Николай в ходе одной из таких бесед, — не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на русской земле? Сперва надо выгнать врага!»¹⁶¹

Сопrotивляясь немедленному введению политической ответственности кабинета перед палатами, Николай был готов пойти на дарование ее предпосылки — судебной ответственности правительства. Идея А.Д.Протопопова о наделении Думы правом судебного преследования министров Николаю «понравилась», и он «подробно на ней остановился».¹⁶² Признав мысль о судебной ответственности «приемлемой», царь указал на то, что «нужно ее юридически хорошенько разработать».¹⁶³ Проект А.Д.Протопопова Николай расценивал как альтернативу введению парламентаризма. Когда в конце ноября В.Н.Воейков заговорил с императором об «ответственном министерстве», последний выразил желание, чтобы генерал «ознакомился с вырабатываемым Протопоповым проектом».¹⁶⁴ Сопrotивляясь установлению парламентаризма, монарх тем не менее допускал его элементы, но только в рамках дуалистической системы.

По рекомендации А.Ф.Трепова преемниками Б.В.Штюрмера (по должности министра иностранных дел) и А.А.Бобринского стали сановники, которые пользовались общественным доверием: государственный контролер Н.Н.Покровский и товарищ министра земледелия А.А.Риттих.

Обновление мидовского руководства произошло вопреки мнениям Г.Е.Распутина, Александры Федоровны и П.А.Бадмаева. Старец и царица выступали за вручение портфеля министра иностранных дел И.Г.Щегловитову или М.Н.Гирсу.¹⁶⁵ Доктор тибетской медицины безуспешно предлагал назначить товарищем министра иностранных дел И.Я.Коростовца.¹⁶⁶

А.А.Риттиха М.В.Родзянко «всегда считал выдающимся, необыкновенно работоспособным, талантливым человеком» и ценил «как безупречного и знающего свое дело работника».¹⁶⁷ Назначение А.А.Риттиха фактически произошло по просьбе председателя нижней палаты. Во время его ноябрьской аудиенции на вопрос императора, «довольны ли в Думе» тем, что А.А.Риттих будет назначен министром земледелия, М.В.Родзянко выразил «полное удовольствие».¹⁶⁸

Новым государственным контролером, также по рекомендации премьер-министра, Николай назначил товарища министра финансов С.Г.Феодосьева, пользовавшегося, подобно А.А.Риттиху, славой выдающегося администратора.¹⁶⁹

Благодаря росту влияния Думы на формирование кабинета прогрессивная группа восстановила свое доминирование в Совете министров. К декабрю 1916 г. в ней насчитывалось 8 человек, а их оппонентов было только 5. Сохранению в кабинете сторонников оппозиции Николай содействовал намеренно. Когда 19 ноября министр народного просвеще-

ния граф П.Н.Игнатъев, попытавшись убедить императора немедленно уволить А.Д.Протопопова, подал в отставку сам, Николай заявил: «Для родины оставайтесь на вашем месте».¹⁷⁰

Покровительство Николая прогрессивной группе свидетельствовало о том, что достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов было, с точки зрения царя, весьма желательным. Об ориентированности Николая на такое соглашение говорило и выполнение им конкретных пунктов программы Прогрессивного блока, в частности — по еврейскому вопросу. Решение его путем дарования равноправия царь увязывал с неизбежным, в близком будущем, развитием конституции 1906 г.¹⁷¹ Неудивительно, что предложения А.Д.Протопопова «о расширении прав евреев» со стороны монарха встретили «благожелательное отношение».¹⁷² «С еврейским вопросом, — указывал сам А.Д.Протопопов, имея в виду Николая, — он согласился очень легко, как только я стал на точку зрения Государственной думы, и все, что я сделал в этом вопросе, это было сделано с его ведома». Соглашаясь на дальнейшее разрешение еврейского вопроса, царь избегал публичного выражения своей воли по данному поводу. Поскольку Николай полагал, что среди офицеров и солдат сильны антисемитские настроения, он опасался, что слухи о причастности царя к облегчению положения евреев подорвут его авторитет в армии. «Нет, теперь война, — говорил Николай А.Д.Протопопову, — и есть известного рода антисемитизм, который развился в войсках, так что лучше моего имени не впутывайте».¹⁷³ Тем не менее, согласно циркуляру А.Д.Протопопова, изданному 18 ноября с полного согласия царя, евреи получили разрешение на жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий. Кроме того, циркуляром предписывалось выдавать евреям промысловые и торговые свидетельства.¹⁷⁴

Если Николай по-прежнему стремился к соглашению с оппозицией на базе конституции 1906 г., то оппозиция такого соглашения как раз и не хотела. Подтверждением этому стала реакция Думы на декларацию А.Ф.Трепова, прозвучавшую в Таврическом дворце 19 ноября.

Готовя свою декларацию, глава правительства придавал огромное значение тому, чтобы кабинет учитывал общественное мнение, выражаемое нижней палатой. На заседании Совета министров 16 ноября они приняли беспрецедентное решение. Члены кабинета обязывались информировать его «о всех выдающихся событиях государственного или крупного общественного значения», в особенности же о происшествиях, которые «могут нарушить спокойное течение общественной мысли». Это решение было принято для того, чтобы Совет министров «имел возможность своевременно обсудить о желательности применения тех или иных мер, а также мог бы установить свой взгляд относительно того, следует ли принять меры против оглашения во всеобщее сведение того или иного случая, либо, напротив того, озаботиться оповещением о нем населения».¹⁷⁵

А.Ф.Трепов, идя навстречу оппозиции, на заседаниях кабинета «настойчиво высказывался» против использования 87-й статьи Основных законов. Это обуславливалось его «нежеланием вызывать раздражение Государственной думы».¹⁷⁶ Наконец, премьер передал декларацию на утверждение М.В.Родзянко. Председатель Думы сказал А.Ф.Трепову, что «она недурна».¹⁷⁷

Возросшее влияние нижней палаты на верховное управление выразилось и в том, что к соглашению с оппозицией стремился главный оппонент А.Ф.Трепова — А.Д.Протопопов. Беседуя с английским послом Д.У.Бьюкененом за несколько часов до выступления премьера в Таврическом дворце, управляющий МВД выразил сожаление, что «его прежние друзья, в особенности же Родзянко, повернулись к нему спиной, даже не говоря ему, чем именно он заслужил такое обращение». Раз император выразил желание, чтобы он остался, то его долг — «повиноваться приказу его величества». Зная, что на него будут «нападать» в Думе, говорил А.Д.Протопопов, он этого «не боится» и «сумеет ответить своим обвинителям». Но «достойно сожаления, что в момент, подобный настоящему, члены Думы ссорятся между собою». Управляющий МВД попросил Д.У.Бьюкенена «воспользоваться своим влиянием на Родзянко, чтобы побудить его посоветовать членам Думы воздержаться от личных нападков на него».¹⁷⁸ Но посол не стал делать этого.

Во время выступления с декларацией А.Ф.Трепов подвергся такой обструкции со стороны левых, какой не подвергался ни один из его предшественников. Тем не менее премьер особо подчеркнул, что правительство «исходит из желания посвятить свои силы на совместную с законодательными установлениями положительную реальную работу».¹⁷⁹ Несмотря на то, что целый ряд пунктов декларации А.Ф.Трепова был заимствован из программы Прогрессивного блока, оппозиционности Думы декларация не ослабила.

Главной мишенью критики депутатов оказался А.Д.Протопопов, который, чтобы парировать нападки, хотел подняться на думскую кафедру и заявить о своем желании работать «только совместно с Думой».¹⁸⁰ Однако в Министерском павильоне Таврического дворца М.В.Родзянко потребовал от управляющего МВД ухода в отставку, так как именно он «причина озлобления и беспорядков».¹⁸¹ Поддерживая председателя Думы, правительство запретило А.Д.Протопопову подниматься на кафедру. Министры признали, что «единственный нормальный выход» — это его отставка. Только в случае ухода с поста управляющего МВД А.Д.Протопопов, по мнению коллег, обрел бы право «разговаривать с Думой в качестве Протопопова и защищать свою честь, тогда как в должности министра внутренних дел он всегда будет двуликим Янусом и не может являться представителем Совета министров». Если, считали члены кабинета, А.Д.Протопопов появится на кафедре в роли представителя правительства, то в нижней палате произойдут «выступления, которые заставят распустить Думу, что представляется в высшей степени нежелательным и опасным».¹⁸² Игнорируя неприязненное отношение Прогрессивного блока к кабинету в целом, А.Ф.Трепов и его коллеги даже из числа дуалистов находили роспуск нижней палаты неприемлемым настолько, что предпочитали соглашаться с ее мнением, содействуя парламентаризации верховного управления.

Во время заседания кабинета, собранного на квартире А.Ф.Трепова 20 ноября, министр юстиции А.А.Макаров, исходя из настроений Думы, сделал вывод, что «нужна уступка» — отставка А.Д.Протопопова. К А.А.Макарову присоединились остальные министры, найдя эту «жертву

собою» «полезной». А.Ф.Трепов заявил, что только сам управляющий МВД может «уговорить царя», и А.Д.Протопопов согласился отправиться в Могилев.¹⁸³ Создалась парадоксальная ситуация, когда формально единый кабинет не просто дистанцировался от одного из министров, но и солидаризировался с оппонентами этого министра, входившими в Прогрессивный блок.

После того как 22 ноября Н.Е.Марков 2-й оскорбил М.В.Родзянко, в том числе за разрешение ораторам оскорблять управляющего МВД, А.Ф.Трепов, демонстрируя сочувствие председателю Думы, «приехал к нему на квартиру».¹⁸⁴ Другие министры «поспешили завести свои карточки оскорбленному Родзянко».¹⁸⁵ Тогда же, 22 ноября, произошла встреча Николая с А.Д.Протопоповым, который накануне послал императору секретное письмо. Управляющий МВД сообщал, что направленная против него интрига возникла «в виду проявления им стойкости в отстаивании прерогатив трона». А.Д.Протопопов отмечал, что, «будучи предан не за страх, а за совесть интересам его величества, подчинится всякому приказанию государя». В то же время управляющий МВД заключал, что «политика уступок Государственной думе и общественности», проводимая А.Ф.Треповым, «не приведет к умиротворению, а наоборот, послужит основанием к настойчивым домогательствам к изменению порядка государственного управления, что может вызвать большие потрясения в стране».¹⁸⁶ Таким образом, управляющий МВД выказал себя защитником дуалистической системы.

Во время всеподданнейшего доклада А.Д.Протопопов рассказал императору про заседание Думы 19 ноября и заседание кабинета 20 ноября. «Считая, что остаться мне, при таких обстоятельствах, нельзя, — вспоминал А.Д.Протопопов, — я просил меня отпустить». Но царь отказал. Николай заметил, что «уступки Думе в это время вряд ли своевременны» и что «надо предвидеть необходимость реформ к концу войны».¹⁸⁷ Для успокоения Думы А.Д.Протопопов предложил уволить его в отпуск «по болезни», а временно управляющим МВД сделать В.М.Волконского.¹⁸⁸ Николай согласился на это.

Для примирения с оппозицией А.Д.Протопопов пошел и на увольнение П.Г.Курлова. Зная об отрицательном отношении к его другу со стороны думцев, А.Д.Протопопов придумал частный характер назначению генерала исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел и рапорта об этом назначении в Сенат не послал. Когда П.Г.Курлов адресовал Сенату свои рапорты, обер-прокурор 1-го департамента А.И.Руадзе заявил генералу, что «не может дать им хода» за отсутствием рапорта А.Д.Протопопова.¹⁸⁹ П.Г.Курлов разочаровался в шефе, который, «несмотря на свои дружеские отношения с ним, поступился ими в угоду общественному мнению».¹⁹⁰ Генерал подал в отставку. Доклад А.Д.Протопопова об увольнении П.Г.Курлова царь утвердил 25 ноября.¹⁹¹ Сенат одновременно заслушал повеления о назначении и увольнении П.Г.Курлова.

По причине отказа В.М.Волконского временно управляющим МВД стал другой товарищ министра внутренних дел — С.А.Куколь-Яснопольский. Все эти кадровые перемены политической атмосферы не разрядили. Думцы, зная, что бьют наверняка, поскольку против управляющего МВД весь кабинет, на меньшее, чем отставка А.Д.Протопопова, были не согласны.

Воплощению надежд оппозиции способствовал А.Ф.Трепов, с завидным постоянством пытавшийся получить от императора согласие на увольнение А.Д.Протопопова. Во время встречи с Николаем, состоявшейся 26 ноября,¹⁹² причиной «граничащей с враждебностью недоверчивости» нижней палаты к его кабинету А.Ф.Трепов назвал «до крайности неприязненное отношение огромного большинства Государственной думы к некоторым отдельным членам правительства и, прежде всего, к управляющему МВД». Намекая на царицу и старца, премьер отметил, что «в думских речах указывались некоторые влияния, поддерживающие управляющего МВД и проводящие через него и других, поддающихся их воздействию должностных лиц, независимо от Совета министров, вредную, с точки зрения интересов государства, политику».¹⁹³

Для доведения критики думцами А.Д.Протопопова непосредственно до царя 28 ноября, после переговоров с министром двора графом В.Б.Фредериксом, А.Ф.Трепов испросил у Николая указаний относительно доставления ему стенографических отчетов заседаний Думы и Государственного совета «с тем, чтобы в означенных отчетах были отмечены речи, обратившие на себя особое внимание».¹⁹⁴ Царь одобрил это предложение. Впоследствии А.Ф.Трепов переслал Николаю стенографические отчеты заседаний Думы 2 и 5 декабря.¹⁹⁵

Стараясь удовлетворить нижнюю палату отставкой А.Д.Протопопова, премьер, однако, при проведении конкретных пунктов программы Прогрессивного блока был консервативнее управляющего МВД. Доказательством этого стало обсуждение кабинетом вопроса о создании волостного земства. Хотя правительство разработало соответствующий законопроект и могло проигнорировать его думскую редакцию, министры приняли ее за основу. В отличие от правительственной думская редакция допускала соединение в одном учреждении административно-полицейских и хозяйственных функций. Поскольку А.Д.Протопопов являлся сторонником этой, более либеральной, точки зрения, представители МВД, выступавшие в кабинете, считали, что «с усвоенным Думою стремлением совмещения в волости обоих указанных начал согласиться возможно». Не принимая доводы МВД, А.Ф.Трепов и А.А.Макаров заявили, что «необходимо отделить от органов самоуправления все функции административно-полицейского характера, предоставив выполнение таковых исключительно правительственным должностным лицам».¹⁹⁶

Однако в ходе рассмотрения в кабинете законопроекта о волостном земстве возобладала точка зрения А.Д.Протопопова, возмущенная в Думе 5 декабря С.А.Куколем-Яснопольским.¹⁹⁷ Стремление А.Д.Протопопова к соглашению с оппозицией было детерминировано тем, что к этому, но только в рамках дуалистической системы, стремился прежде всего глава государства. Предав забвению недавние думские эксцессы, царь ответил на поздравление нижней палаты с днем его тезоименитства: «Искренно благодарю Государственную думу за поздравление».¹⁹⁸

Отказываясь от инициирования репрессалий по отношению к оппозиции, Николай вступал в явное противоречие не только с крайне правыми, но и со своей супругой. Насколько в конце 1916 г. разногласия между венценосцами стали серьезными, видно из их переписки.¹⁹⁹

Примирительное отношение царя к Думе давало премьеру надежду на то, что ему удастся свалить А.Д.Протопопова. По-прежнему «усиленно» поддерживая сношения с М.В.Родзянко, А.Ф.Трепов уговаривал его «всячески содействовать тому, чтобы Дума была сдержаннее», поскольку «эта сдержанность» поможет достигнуть увольнения А.Д.Протопопова.²⁰⁰ Поведение премьера предопределялось тем, что для него, как и для лидеров оппозиции, управляющий МВД, Александра Федоровна и Г.Е.Распутин составляли одно целое. «Это фатальный человек для России, несмотря на свое ничтожество, — говорил А.Ф.Трепов об А.Д.Протопопове министру-губернатору князю В.А.Друцкому-Соколинскому в начале декабря. — Он с императрицей, Распутиным и всей их кликой играет трон и Россией, а государь скрывается в Ставке и отмахивается от Петербурга».²⁰¹

Накануне очередного всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепов заявил помощнику управляющего земским отделом МВД графу П.К.Ламздорфу-Галагану, что «будет настаивать» перед императором на отставке А.Д.Протопопова.²⁰² Впрочем, во время встречи с Николаем, состоявшейся 10 декабря, А.Ф.Трепов «был смирен и покорен и не затрагивал имени Протопопова».²⁰³ Впрочем, не затрагивая имени управляющего МВД прямо, премьер касался этого имени косвенно, в том числе — и при постановке вопроса о судьбе Думы.

На заседании 5 декабря Прогрессивный блок высказался в пользу «решительного изменения внутренней политики государства» и «одобрения правительственной деятельности большинством членов законодательных учреждений». А.Ф.Трепов полагал, что тем самым нижняя палата «высказывается за необходимость ответственного перед Государственной думой министерства». Постановление Думы премьер находил «не отвечающим точному смыслу Основных государственных законов, а, следовательно, требующим соответствующего их изменения». На основании статьи 107 Основных законов, почин их пересмотра принадлежал императору. Поэтому постановление Думы, подчеркивал А.Ф.Трепов, было «в явном несоответствии с коренным началом Основных государственных законов».²⁰⁴ Понимая, что оппозиция стремится к установлению парламентаризма, А.Ф.Трепов, желавший компромисса с нею на ее условиях, демонтажу дуалистической системы содействовал сознательно.

По мысли премьера, рождественские каникулы Думы должны были продлиться меньше месяца — с 17 декабря 1916 по 12 января 1917 г. Тем самым А.Ф.Трепов хотел, сообщая Николаю жене, имея в виду думцев, «показать им и всей стране, что, несмотря на все сказанное ими, правительство желает работать вместе. Если в январе, — передавал император суть треповского плана, — они начнут путать и мутить, он собирается обрушить на них громы и окончательно закрыть Думу».²⁰⁵ Позиция А.Ф.Трепова отличалась явной двуличностью — до 12 января премьер надеялся свалить А.Д.Протопопова.

Кроме того, срок рождественских каникул А.Ф.Трепов определил, исходя из пожеланий М.В.Родзянко. Председатель Думы писал А.Ф.Трепову, что «если бы правительство сочло необходимым сделать» перерыв заседаний нижней палаты, то «наиболее удобным для того временем был бы срок с 20 декабря по 7 января».²⁰⁶

Николай согласился с планом А.Ф.Трепова. «Государь император, — написал на всеподданнейшем докладе премьер, — соизволил предуказывать, что заявление правительства Государственной думе по поводу принятой ею формулы должно быть отложено до января будущего 1917 г.».²⁰⁷ Николай «не отрицал логичности» треповского плана, считая его преимуществом то, что «если бы все случилось так, как он думает, мы, — писал император супруге, — избавились бы от Думы недели на две или на три раньше, чем я сначала думал (в середине января вместо начала февраля)».²⁰⁸

Положительная реакция Николая на план, обоснованный премьером, доказывала, что царь, избегая немедленного роспуска Думы, хотя оппозиционеры превзошли все пределы (чего стоило безосновательное обвинение царицы!), полагал необходимым уделить нижней палате еще один шанс для достижения компромисса между нею и правительством. Император не хотел идти на разрыв с оппозицией первым.

Казалось, будто положение А.Ф.Трепова упрочилось. Однако двуличие, неоднократно выказанное премьером, оттолкнуло от него Николая. Во всей своей несомненности оно проявилось, когда Дума решила предъявить кабинету запрос по поводу разгона полицией 9 декабря съездов Земского и Городского союзов, попытавшихся принять антиправительственные резолюции.

«Сегодня в Думе, — телеграфировал А.Д.Протопопов В.Н.Воейкову 13 декабря, — предполагается внесение по этому делу ряда запросов, оглашение возмутительных резолюций, которые могут волновать элементы, пропитанные смутой, и перебросить ее далеко за Таврический дворец». Выступая в качестве ортодоксального дуалиста, стоящего на защите конституции 1906 г., управляющий МВД предупреждал: «Готовится дерзновенный натиск на священные прерогативы монархической власти, попирая Основные законы».²⁰⁹

А.Д.Протопопов через С.А.Куколя-Яснопольского попросил А.Ф.Трепова, как главу правительства, потребовать от М.В.Родзянко объявить заседание Думы 13 декабря закрытым для публики. А.Ф.Трепов хотя и согласился с желательностью этой меры, но по формальным основаниям отказался от ее проведения. На письме С.А.Куколя-Яснопольского, просившего премьера потребовать от М.В.Родзянко закрытия дверей Думы, А.Ф.Трепов, интригуя против А.Д.Протопопова, наложил резолюцию: «Требование о закрытии дверей должно исходить от подлежащего министра, в данном случае — от министра внутренних дел».²¹⁰

А.Д.Протопопов направил письмо председателю Думы от себя лично, чем вызвал в свой адрес новую волну нападков оппозиции. В этом эпизоде царь увидел яркое доказательство того, что управляющий МВД, преданный престолу на деле, а не на словах, не боится принять удар на себя, в то время как лукавый премьер, постоянно флиртующий с оппозицией, ради сохранения своей репутации готов отказаться от защиты прерогатив монарха. Подозрения Николая подтверждали близкие отношения А.Ф.Трепова с М.В.Родзянко.²¹¹

А.Ф.Трепов рисковал оказаться за границами лояльности, поскольку председатель Думы, причастный к заговору против Николая, эти грани-

цы уже пересек. Несмотря на то, что «детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал», лидеры оппозиции, в том числе — М.В.Родзянко, знали, что «подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом и соответственно готовились к нему со своей стороны». ²¹² Сам М.В.Родзянко, вспоминая, что в конце 1916 г. мысль «о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде», признавался, что тогда «представители высшего общества» заявляли ему, что «Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию». После убийства в ночь с 16 на 17 декабря Г.Е.Распутина «разговоры об этом стали еще более настойчивыми». ²¹³

Лично председатель Думы переворот не готовил, но, как одна из ключевых фигур оппозиции, был осведомлен о заговоре намного больше, чем остальные оппозиционеры, хотя и скрывал это, боясь наказания. В декабре 1916 г. М.В.Родзянко, вспоминая октябриста князя А.В.Оболенский, в течение двух часов «допрашивал, что я знаю и откуда про заговор и как отношусь к нему», делая «намеки и разные угрозы». ²¹⁴

В отличие от М.В.Родзянко, А.Ф.Трепов оставался в рамках лояльности. Но поскольку компромисс между кабинетом и оппозицией виделся возможным императору в рамках дуалистической системы, двойная игра А.Ф.Трепова, на словах выступавшего за сохранение этой системы, а на деле — способствовавшего фактическому введению парламентаризма, привела к окончательному разочарованию Николая в премьер. ²¹⁵

Отставку А.Ф.Трепова ускорила замена А.А.Макарова сенатором Н.А.Добровольским и утверждение А.Д.Протопопова в должности министра. Увольнение А.А.Макарова было вызвано его несогласием на помилование не только В.А.Сухомлинова, но и И.Ф.Манасевича-Мануйлова. Накануне слушания его дела в петроградском окружном суде, в ночь с 14 на 15 декабря, Николай телеграфировал А.А.Макарову: «Повелеваю вам прекратить дело о Мануйлове и не допустить его до суда». ²¹⁶ А.А.Макаров отправил императору докладную записку, в которой просил «не приводить в исполнение этого высочайшего повеления». ²¹⁷ Тем самым судьба А.А.Макарова была решена. Его преемники и исследователи считали ставленником Г.Е.Распутина. ²¹⁸

В действительности кандидатура Н.А.Добровольского стала министериабельной помимо «безответственных влияний». Еще в конце 1914 г. И.Л.Горемыкин прочил его в министры внутренних дел. ²¹⁹ Будучи дуалистом, Н.А.Добровольский считался сановником «либеральных взглядов», особенно — по инородческому вопросу. ²²⁰ В конце 1916 г. сенатор являлся выдвиженцем не старца, а великого князя Михаила Александровича, который поддерживал отношения не с Г.Е.Распутиным, а с оппозиционерами. Н.А.Добровольский замещал царского брата по должности вице-председателя Георгиевского комитета. ²²¹ Именно в связи с деятельностью сенатора в этом комитете царь, искавший заместителя А.А.Макарову, и обратил внимание на Н.А.Добровольского. Так, 23 ноября Николай лично телеграфировал ему по поводу открытия приюта для детей. ²²² Через три дня, 26 ноября, в день Св. Георгия, Николай присутствовал в Петрограде на празднике, который был организован Н.А.Добровольским для 20 000 георгиевских кавале-

ров. Император сообщил тогда сенатору, что он будет назначен членом Государственного совета. ²²³ В конце концов, Николай решил назначить Н.А.Добровольского управляющим Министерством юстиции. А.Ф.Трепов, узнав об этом, заявил императору, что «не может работать» с Н.А.Добровольским, потому что он «взяточник». Обвинения премьера имели личную подоплеку и не соответствовали истине. ²²⁴

При разногласии Николая с А.Ф.Треповым Александра Федоровна и Г.Е.Распутин поддержали самодержца. Царица захотела встретиться с Н.А.Добровольским. Уже в конце ноября — начале декабря сначала А.Д.Протопопов, а затем почитательница старца М.Е.Головина посоветовали Н.А.Добровольскому представиться Александре Федоровне. Не видя повода для представления, сенатор от него отказался. Тогда М.Е.Головина уговорила Н.А.Добровольского приехать на квартиру Г.Е.Распутина. Сенатор не понравился старцу. ²²⁵ На следующий день, 9 декабря, Н.А.Добровольский встретился с Александрой Федоровной в царском доме А.А.Вырубовой, куда был вызван скороходом его величества. ²²⁶ После беседы с Н.А.Добровольским императрица окончательно встала на сторону мужа.

Подыгрывая венценосцам, отрицательное мнение о понравившемся им кандидате Г.Е.Распутин оставил при себе. Более того, он сознательно говорил неправду, лишь бы не противоречить Николаю и Александре Федоровне. В начале декабря Г.Е.Распутин телефонирует И.Г.Щегловитову и поинтересовался, годится ли Н.А.Добровольский в министры юстиции. И.Г.Щегловитов ответил, что «не годится». ²²⁷ Отрицательный отзыв о сенаторе старец от императрицы скрыл, сообщив ей нечто совершенно другое, а именно — что, по мнению И.Г.Щегловитова, Н.А.Добровольский «вполне на своем месте». ²²⁸ Между тем, расценивая обвинения премьера против Н.А.Добровольского как очередную интригу А.Ф.Трепова, Николай решил назначить нового министра юстиции вопреки премьеру.

Царь написал 19 декабря главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву: «Представьте мне указ об увольнении Макарова в Государственный совет и о назначении сенатора Добровольского (он же — вице-председатель Георгиевского комитета) управляющим Министерством юстиции». Как бы вспомнив о А.Д.Протопове, на обороте этой записки царь приписал: «Еще указ о назначении управляющего МВД Протопопова — министром внутренних дел». ²²⁹ Во время состоявшейся 20 декабря встречи с Николаем А.Ф.Трепов поставил «условием и своей службы, и возможности продолжать работу с законодательными палатами» увольнение А.Д.Протопопова. ²³⁰ Узнав о его утверждении, А.Ф.Трепов и П.Н.Игнатьев подали прошения об отставке, которые царь удовлетворил.

Увольнение сторонников компромисса с Прогрессивным блоком не означало того, что Николай поправел. Наоборот, именно в это время, решая польский вопрос, он был радикальнее, чем кадетские лидеры. ²³¹ Примирительное отношение Николая к оппозиции проявилось и при увольнении А.Ф.Трепова и П.Н.Игнатьева.

Отставляя А.Ф.Трепова, царь наградил его своим портретом. ²³² Когда 21 декабря П.Н.Игнатьев заговорил с Николаем об уничтожении «средоточения бюрократии» и установлении «контакта со страной», то встретил

«полное сочувствие и понимание» со стороны собеседника. Николай воскликнул: «Так для чего же я Думу дал? Для уничтожения средостения бюрократии и для контакта».²³³ В конце встречи с П.Н.Игнатьевым император заявил: «Благодарю вас за правду и очень рад, что вы мне сказали правду так, как вы ее понимаете».²³⁴ При отставке П.Н.Игнатьев не получил назначения в Государственный совет, куда попадали бывшие министры. Поэтому он полагал, что с ним «расстались более чем недружелюбно по внешней форме, хотя были довольно любезны при личном прощании».²³⁵ По инициативе графа В.Б.Фредерикса 1 января 1917 г. царь наградил П.Н.Игнатьева чином шталмейстера. Возведя опального министра во вторые чины двора, Николай был «крайне доволен».²³⁶

Вместе с тем, увольняя оппонентов А.Д.Протопопова, император еще раз подчеркнул, что, будучи сторонником компромисса между правительством и оппозицией, не намерен, идя к этому компромиссу, допускать явные уклонения в сторону парламентаризма.

3. «Достойное отношение».

Премьерство Н.Д.Голицына (декабрь 1916 – февраль 1917 г.)

В конце 1916 – начале 1917 г. на отношения правительства и Думы главное влияние оказывало стремление царя добиться соглашения с Прогрессивным блоком на почве Основных законов.²³⁷ Николай понимал, что оппозиционеры требуют от него «отказа от самодержавия», «передачи власти» Думе и Государственному совету и «превращения их в парламент с ответственным министерством».²³⁸ Тем не менее по отношению к народному представительству Николай держался «примирительной политики».²³⁹ Это доказывала последовавшая 27 декабря 1916 г. замена А.Ф.Трепова князем Н.Д.Голицыным, одним из лидеров консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. По официальному статусу он являлся назначенным членом правой группы Государственного совета, а по политическим взглядам – умеренным дуалистом.²⁴⁰

Первоначально царь намечал на место премьера государственного секретаря С.Е.Крыжановского и назначенного члена той же группы графа А.А.Бобринского.²⁴¹

Н.Д.Голицын был помощником Александры Федоровны по Комитету помощи русским военнопленным. Поэтому современники и исследователи полагали, что князь оказался премьером исключительно благодаря царю.²⁴² Это мнение не выдерживает никакой критики. В тех кадровых комбинациях, которые Александра Федоровна сообщила Николаю в декабре 1916 г., имя Н.Д.Голицына ни разу не значится. Между тем, если бы царица действительно добивалась назначения князя, то в декабре поддержала бы его кандидатуру в письмах супругу, как она это сделала в случае с Н.А.Добровольским. Раз дело обстоит иначе, то, следовательно, о замене А.Ф.Трепова Н.Д.Голицыным Александра Федоровна не помышляла. Более того, в декабре она была против увольнения А.Ф.Трепова. Царица полагала, что после отставки министра юстиции А.А.Макарова, который инспирировал А.Ф.Трепова, его положение, писала она мужу 15 декабря, «в общем, улучшится».²⁴³

Г.Е.Распутин также не имел отношения к выдвигению Н.Д.Голицына. Старец выступал за замену А.Ф.Трепова И.Г.Щегловитовым.²⁴⁴ Одновременно Г.Е.Распутин являлся противником назначения премьером более правого сановника – Н.А.Маклакова.²⁴⁵

П.А.Бадмаев не только сам, но и через Г.Е.Распутина предлагал дать премьерство командующему Дунайской армией (впоследствии – главнокомандующему Румынским фронтом) генералу В.В.Сахарову.²⁴⁶

Не имел отношения к выдвигению Н.Д.Голицына и А.Д.Протопопов. Он советовал императору поставить во главе кабинета либо председателя группы правого центра Государственного совета А.Б.Нейдгарта, либо назначенного члена той же группы С.В.Рухлова, либо лидера прогрессивной группы – министра иностранных дел Н.Н.Покровского.²⁴⁷ Мнения царицы, старца и А.Д.Протопопова никакого влияния на Николая не оказали.

За появлением Н.Д.Голицына в роли премьера стоял именно царь. Это видно из обстоятельств, которые сопутствовали назначению князя. Мысль о вручении премьерства Н.Д.Голицыну могла возникнуть у Николая 20 декабря, во время последнего всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепова. Докладчик напомнил императору, что 26 ноября он согласился на рассмотрение в Совете министров ходатайства Н.Д.Голицына об отпуске Комитету помощи русским военнопленным 10 000 000 рублей «для улучшения питания военнопленных». Николай заявил тогда А.Ф.Трепову, что «свобода суждений Совета не должна почитаться стесненною воспедававшими по данному предмету высочайшими повелениями».²⁴⁸ Воспользовавшись этим, кабинет А.Ф.Трепова отклонил ходатайство Н.Д.Голицына, о чем докладчик и сообщил императору 20 декабря.

Переживая разочарование в А.Ф.Трепове, Николай решил заменить лукавого премьера Н.Д.Голицыным, которому 25 декабря телефониروали, что его приглашает Александра Федоровна. Князя принял император. «Императрица занята, – сказал он, – а я свободен, и вот, побеседуем». Беседуя с Н.Д.Голицыным, Николай говорил о военнопленных и своем отношении к Думе.²⁴⁹ Затем император остановился на вопросе о назначении нового премьера: «Теперь Трепов уходит, и я очень озабочен, кого назначить». Назвав С.В.Рухлова, Николай заявил, подразумевая намечавшуюся на январь 1917 г. Петроградскую конференцию союзников: «Очень хорошо было бы, но он не знает французского языка, а на днях конференция собирается, и потому назначение его представляется неудобным». Наконец, Николай раскрыл собеседнику свои карты. «Я с вами хитрю, – сказал он. – Я вас вызывал, не императрица, а я. Я долго думал, кого назначить председателем Совета министров, и мой выбор пал на вас».²⁵⁰ Н.Д.Голицын от премьерства отказался. «Ну, что же с вами поделаешь, – заметил император. – Я не хочу вас принуждать, а просьбы мои бессильны; помогайте по-прежнему императрице, она вас очень ценит, а я подумаю о назначении другого лица на должность председателя Совета». Однако отказ Н.Д.Голицына утвердил императора во мнении о том, что назначить надо именно князя.²⁵¹

На следующий день, 26 декабря, Николай написал А.С.Танееву: «Представьте мне указы об увольнении статс-секретаря Трепова и графа Игнать-

ева и о назначении — члена Государственного совета сенатора князя Николая Дмитриевича Голицына председателем Совета министров и сенатора Кульчицкого управляющим Министерством народного просвещения».²⁵²

Назначение Н.Д.Голицына объяснялось тем, что князя, подобно Б.В.Штюмеру, расценивали при дворе как «человека, особенно пригодного для умиротворения разыгравшихся страстей», умеющего «ладить с либеральной оппозицией, не уступая ей». Говоря иначе, Н.Д.Голицын имел репутацию сановника, способного на сотрудничество с общественностью без колебания престижа власти. Но именно к этому в конце 1916 г. стремился Николай, который желал компромисса с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы. Шагом на пути к такому компромиссу и было назначение Н.Д.Голицына, пользовавшегося, по мнению монарха, доверием общества. Во время встречи с императором, состоявшейся 30 декабря, английский посол Д.У.Бьюкенен заявил, что Дума «удовлетворилась бы, если бы его величество назначил председателем Совета министров человека, к которому питали бы доверие как он сам, так и народ, и позволил бы ему избрать своих коллег». Тем самым посол выполнил рекомендацию М.В.Родзянко, данную накануне. Николай «сослался в оправдание на некоторые перемены», которые «недавно произвел в министерстве»,²⁵³ т.е. прежде всего на назначение князя.

Замена А.Ф.Трепова Н.Д.Голицыным не означала поправки власти, тем более что к его назначению правая группа Государственного совета была абсолютно непричастна. Имея в виду своих коллег по группе, Н.А.Маклаков отмечал, что князь попал в премьеры «совершенно неожиданно для всех нас».²⁵⁴

Назначение Н.Д.Голицына не ставило под сомнение и курса на «священное единение». Индивидуальные особенности князя говорили в пользу того, что если изменение правительственной политики и последует, то скорее в сторону ее смягчения. Впрочем, позиция нового премьера была обусловлена позицией монарха. Инструкции, данные Н.Д.Голицыну Николаем, состояли в том, чтобы «наладить работу» с Думой, «не меняя состава Совета министров».²⁵⁵ Последняя оговорка, намекавшая на необходимость оставления в кабинете, вопреки Прогрессивному блоку, А.Д.Протопопова, показывала, что Николай придерживался курса на достижение компромисса с Думой, но только в рамках дуалистической системы. То же самое показывала сопутствовавшая назначению Н.Д.Голицына реорганизация кабинета, которая совершенно не затронула прогрессивную группу. К декабрю 1916 г. ее членов было 8 человек, а их оппонентов — 5.

В конце 1916 — начале 1917 г. А.Ф.Трепова (на посту министра путей сообщения), П.Н.Игнатъева и Д.С.Шуваева заменили товарищ министра путей сообщения Э.Б.Войновский-Кригер, сенатор Н.К.Кульчицкий и военный представитель России в Румынии генерал М.А.Беляев, причем двое из них (Э.Б.Войновский-Кригер и М.А.Беляев) пополнили состав прогрессивной группы.

Э.Б.Войновский-Кригер, как известный инженер, пользовался общественным доверием.²⁵⁶ Его назначение произошло помимо Александры Фе-

доровны и Г.Е.Распутина. В декабре 1916 г. царица и старец выступали за замену А.Ф.Трепова (на посту министра путей сообщения) Ф.М.Валуевым.²⁵⁷

Н.К.Кульчицкий также получил портфель руководителя Министерства народного просвещения в силу своих выдающихся способностей, а не действия «безответственных влияний».²⁵⁸ В письмах императрицы его имя отсутствует. Г.Е.Распутин же летом 1916 г. безуспешно выступал за назначение Н.К.Кульчицкого преемником не П.Н.Игнатъева, а обер-прокурора Синода А.Н.Волжина.²⁵⁹

Выдающиеся личные способности выдвинули в министры и М.А.Беляева.²⁶⁰ Генерал имел авторитет у парламентаристов, лидеров оппозиции и союзных дипломатов.²⁶¹ Одновременно М.А.Беляеву симпатизировала царица, которая во второй половине 1916 г. настойчиво советовала супругу поставить во главе военного ведомства именно М.А.Беляева.²⁶² Казалось бы, назначение его министром надо трактовать как торжество «безответственных влияний». При более тщательном анализе этот вывод оказывается неверным. Действительно, мнение царицы о М.А.Беляеве только совпадало с мнением о нем Николая.²⁶³ Что касается Г.Е.Распутина, то в конце 1916 г. он и П.А.Бадмаев рекомендовали назначить военным министром В.В.Сахарова.²⁶⁴

Появление М.А.Беляева в роли руководителя военного ведомства стало результатом личного выбора царя, принявшего во внимание профессиональный опыт генерала. Во время состоявшейся 31 декабря встречи с М.А.Беляевым Николай высказался за то, чтобы ко времени созыва в Петрограде конференции союзников его собеседник был военным министром. Объясняя свой выбор, Николай заметил: «Нынешний военный министр не говорит по-французски, а вы вели за границей целый ряд переговоров».²⁶⁵

Несмотря на то, что министерские назначения конца 1916 — начала 1917 г. произошли независимо от «безответственных влияний», современники, зараженные массовым психозом, верили в обратное. Германские агенты, говорил императору Д.У.Бьюкенен 30 декабря, «дергают за веревки и пользуются, как бессознательным орудием, теми, кто обычно дает советы вашему величеству о выборе ваших министров», влияют «на императрицу через окружающих ее лиц». Отвечая на слова Д.У.Бьюкенена, Николай выпрямился и сказал: «Я сам выбираю своих министров и никому не разрешаю влиять на мой выбор». На вопрос посла, как он это делает, император ответил: «Наводя справки о способности тех, кого я считаю наиболее подходящим для руководства делами различных министерств».²⁶⁶

Накануне Февральской революции царь назначал министров, учитывая мнение не «безответственных влияний», а оппозиционной общественности. Поэтому после реорганизации кабинета прогрессивная группа, включая в себя 8 человек, доминировала по-прежнему.

К началу 1917 г. мнение о необходимости введения парламентаризма разделялось «большинством министров».²⁶⁷ К этому времени существование в кабинете влиятельной группы сторонников оппозиции стало политической традицией. «Даже в среде самого правительства последних лет», писал выборный член правой группы Государственного совета М.Я.Гово-

руха-Отрок в записке, адресованной царю в конце 1916 г., «существует довольно прочно установившееся убеждение», что монарху необходимо «пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве».²⁶⁸ Данное обстоятельство свидетельствует не только о том, что на протяжении указанного периода прогрессивная группа доминировала над оппонентами, но и о наличии у царя стремления к соглашению с оппозицией, тем более что сановников, являвшихся сторонниками Прогрессивного блока, Николай сохранял на министерских постах сознательно.

Степень оппозиционности министра финансов П.Л.Барка была такова, что именно с ним перед аудиенцией у Николая Д.У.Бьюкенен советовался о том, что сказать императору. Посол и министр единодушно считали, что введение парламентаризма крайне необходимо.²⁶⁹ Сразу после аудиенции произошла встреча Николая с П.Л.Барком. Он заявил о своем нежелании находиться в кабинете вместе с А.Д.Протопоповым, подав императору прошение об отставке. Николай возвратил его со словами: «Теперь не время для министров покидать свои посты».²⁷⁰

Затем, 3 января, с той же самой мотивировкой подали в отставку министр иностранных дел Н.Н.Покровский и торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской.²⁷¹ Однако увольнять этих членов прогрессивной группы Николай также не стал. Император «очень кротко» выслушал Н.Н.Покровского, который умолял не следовать «гибельным советам Протопопова» и открыть глаза на «неминуемую катастрофу». Но затем Николай велел министру «сохранить свои функции», заверяя, что «положение не так трагично» и «все устроится».²⁷² Когда Н.Н.Покровский заявил императору, что в кабинете станет обосновывать «такие мнения, которые будут создавать там диссонанс», Николай заметил, что «это ничего, что это хорошо». Оппозиционное поведение министра иностранных дел ни в коей мере ему не повредило.²⁷³

Если царь и соглашался на увольнение парламентаристов, то при этом отнюдь не тормозил их карьеры.²⁷⁴ Примирительное отношение Николая к оппозиции засвидетельствовали строки царского рескрипта, данного 6 января 1917 г. новому премьеру. В составлении проекта рескрипта участвовали Н.Д.Голицын, Н.Н.Покровский и А.Д.Протопопов.²⁷⁵ В рескрипте Николай выражал уверенность, что деятельность Совета министров под председательством Н.Д.Голицына «встретит помощь в среде Государственного совета и Государственной думы, объединяясь единодушным и горячим желанием довести войну до победного конца». «Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям, — отмечал император, — я ставлю в непрременную обязанность призванных мною к государственному служению лиц».²⁷⁶ Участие А.Д.Протопопова в составлении рескрипта, примирительного по отношению к оппозиции, не случайно.

До января 1917 г. он надеялся «на возможность примирения» с Думой и был «очень чуток к деловым посещениям его депутатами».²⁷⁷ Повод к окончательному разрыву А.Д.Протопопова с Прогрессивным блоком дал инцидент, который произошел в Царском Селе, во время принятия Николаем новогодних поздравлений. Когда министр, увидев М.В.Родзян-

ко, обратился к нему со словами примирения: «Дорогой мой, ведь во всем можно согласиться», председателю Думы показалось, что А.Д.Протопопов хочет поздороваться с ним. Позднее А.Д.Протопопов уверял, что о рукопожатии не думал.²⁷⁸ Тем не менее М.В.Родзянко заложил руку за спину и крикнул: «Нигде и никогда!» Хотя А.Д.Протопопов пытался примириться с оппозицией, новогодний инцидент парламентаристы безосновательно расценили как провокацию, имеющую в виду роспуск Думы.²⁷⁹

Руководитель МВД увидел в инциденте провокацию, инсценированную А.И.Гучковым, а потому отправил ему письмо, которым уведомил о своем выходе из партии октябристов.²⁸⁰ Непримируемость М.В.Родзянко объяснялась его тесной вовлеченностью в заговор, нацеленный против императора.

К началу 1917 г. заговор окончательно созрел.²⁸¹ Отрывочную информацию о нем имели даже Н.Д.Голицын и Николай. В начале января премьер нарисовал императору «самую мрачную картину состояния умов, царящего в России, в особенности в Москве и Петрограде». Князь не скрыл от Николая, что «жизнь царя и царицы в опасности» и в полках «открыто говорят об объявлении другого царя». Николай воспринял эти заявления «с невозмутимой беспечностью», заметив: «Императрица и я знаем, что мы в руке Божьей. Да будет воля его!»²⁸²

Председатель Думы не мог не понимать, что введением парламентаризма заговорщики могут воспользоваться для свержения Николая. Несмотря на это, 7 января при встрече с императором М.В.Родзянко высказался за назначение «ответственного премьера, облеченного доверием народа».²⁸³ Мотивируя необходимость парламентаризма, М.В.Родзянко сослался на влияние «темных сил». Николай, намекнув на убийство Г.Е.Распутина, сообщила А.Н.Родзянко княгине З.Н.Юсуповой, заметил: «Да ведь теперь их больше нет».²⁸⁴

М.В.Родзянко заговорил о том, что формированием кабинета завладела царица, по желанию которой «неудобные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными». Отвечая на это, Николай был немногословен, но красноречив: «Дайте факты, — сказал он, — нет фактов, подтверждающих ваши слова». Председатель Думы был вынужден признать, что «фактов нет». Но затем, вопреки своим же словам, М.В.Родзянко заявил, что «все направление политики, которой, так или иначе (!), руководит ее величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение». Когда царь, обхватив голову руками, воскликнул: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался», у председателя Думы хватило бестактности, чтобы заявить: «Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути». Несмотря на это, с М.В.Родзянко Николай «протиснулся ласково и не выказал ни гнева, ни даже неудовольствия».²⁸⁵

Царь осознавал, что в конкретном политическом контексте начала 1917 г. парламентаризм вызовет падение монархии.²⁸⁶ Вместе с тем Николай допускал возможность установления парламентаризма, но только при более благоприятной ситуации. Немедленное дарование «ответственного министерства», по мнению царя, вызвало бы внутреннюю дестабилизацию и поставило под сомнение победу над Германией.²⁸⁷

Большая вероятность полной парламентаризации верховного управления России после войны была детерминирована международным фактором. Русские союзники в Европе принадлежали к числу парламентарных стран. И царь учитывал это. На обеде, данном 21 января участникам Петроградской конференции стран Антанты, Николай заявил, что дело союзников «является делом справедливости и свободы народов».²⁸⁸ Естественно, что в это время царь оставался принципиальным противником низведения законодательной Думы до уровня законосовещательного органа, к чему его призывали черносотенцы.²⁸⁹ Позиция Николая, противостоявшего сторонникам государственного переворота не только слева, но и справа, имела центральный характер.

Отклик у царя находили мнения консервативных либералов, которые выступали не за лишение Думы законодательных полномочий, а за то, чтобы она функционировала строго в рамках Основных законов, т.е. дуалистической системы.²⁹⁰ Средство урегулирования конфликта между правительством и оппозицией заключалось, по мнению Николая, не в репрессивных мерах, а в победоносном исходе войны. Внешнеполитический успех он расценивал как очевидную предпосылку нормализации внутриполитического положения.²⁹¹ После эскалации оппозиционной деятельности Прогрессивного блока от сотрудничества с ним, основанного на соблюдении конституции 1906 г., монарх так и не отказался.

Точку зрения царя конкретизировали его отношения с А.А.Клоповым, который для доведения до монарха мнения лидеров оппозиции добивался у него аудиенции. Посылая Николаю перлюстрацию письма А.А.Клопова по поводу аудиенции, адресованного великому князю Михаилу Александровичу, А.Д.Протопопов сообщил, что «оппозиционное направление» письма заставляет опасаться, не произведет ли его автор «покушения на царя». Николай написал министру внутренних дел: «Клопов старичок, давно мне известный».²⁹²

Встреча царя и его корреспондента произошла 29 января.²⁹³ Накануне А.А.Клопов советовался с Г.Е.Львовым и другими оппозиционерами. Николай встретил А.А.Клопова «очень радушно» и поблагодарил «за искреннее письмо», которое, как он выразился, «был очень рад получить».²⁹⁴ А.А.Клопов говорил о необходимости немедленного созыва Думы и объявления в ней лично монархом об образовании «ответственного министерства» во главе с Г.Е.Львовым.²⁹⁵ Император выслушал А.А.Клопова молча, но когда он заявил, что «не уйдет, не получив ответа на вопрос об ответственном министерстве», Николай заметил: «Да, кажется, другого выхода нет».²⁹⁶

Однако ответ на письмо А.А.Клопова от 29 января, призывавшее к установлению «ответственного министерства»,²⁹⁷ царь поручил написать А.Д.Протопопову, который привлек к этому И.Я.Гурлянда. В ответном письме идеи А.А.Клопова были подвергнуты критике. В письме говорилось о «своевременности экономических, а не политических реформ»,²⁹⁸ так как «все недовольство зиждется на экономических принципах», а изменение «политических принципов» приведет «к началу республиканского строя». Правительству, полагали авторы письма, необходимо установить «твердое и достойное» отношение к Думе. «Политика забегания

перед Думой должна быть оставлена», а она — «стоять на почве законодательной работы».²⁹⁹ Точка зрения И.Я.Гурлянда, А.Д.Протопопова, а значит — и самого царя, была дуалистической, поскольку не допускала вмешательства Думы как учреждения чисто законодательного в область управления.

Сохраняя дуалистическую систему, Николай ради «священного единения» шел на реформы, нацеленные в том числе на решение земельного³⁰⁰ и еврейского вопросов.³⁰¹ Полное решение этих вопросов император намеревался предоставить исключительно Думе.³⁰²

Принимая во внимание примирительное отношение Николая к оппозиции, достижения компромисса между правительством и Думой Н.Д.Голицын расценивал как основную задачу своего премьерства.³⁰³ В этом он расходился с крайне правыми. Н.А.Маклаков, беседуя с Н.Д.Голицыным, «ручался, что он скоро увидит, до какой степени фантастично то, на что он рассчитывал». На это князь говорил, что «худой мир лучше доброй ссоры. Поэтому он пойдет, на что можно».³⁰⁴

Для начала премьер избрал вопрос о времени возобновления занятий законодательных учреждений. Когда Н.Д.Голицын осведомился у М.В.Родзянко, не отсрочить ли созыв Думы, то он ему ответил, что «это дело правительства».³⁰⁵ Князь понял, что таково желание М.В.Родзянко.

На заседании Совета министров 3 января пять парламентаристов (Н.Н.Покровский, С.Г.Феодосьев, Д.С.Шуваев, товарищ министра торговли и промышленности Н.П.Ланговой и товарищ министра финансов А.И.Николаенко) выступили за созыв Думы, как было предложено еще А.Ф.Треповым, 12 января. Намекая на увольнение А.Д.Протопопова, они заявили, что возможность ее созыва «должна быть подготовлена соответствующими мероприятиями».

Н.Д.Голицын, три парламентариста (Э.Б.Войновский-Кригер, И.К.Григоревич, А.А.Риттих) и пять дуалистов (Н.А.Добровольский, Н.К.Кульчицкий, А.Д.Протопопов, Н.П.Раев и товарищ главноуправляющего государственным здравоохранением В.И.Разумовский) находили, что «при настоящем настроении думского большинства открытие Думы и появление в ней правительства неизбежно вызовет нежелательные и недопустимые выступления, следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов». Во избежание подобной меры они считали предпочтительным «на некоторое время отсрочить созыв Думы, назначив срок созыва на 31 января». Наконец, А.Д.Протопопов, вместе с тремя дуалистами (Н.А.Добровольский, Н.К.Кульчицкий, Н.П.Раев), предложил продолжить срок перерыва занятий нижней палаты до 14 февраля, с чем Совет министров и согласился.³⁰⁶

В данном случае разные министры преследовали разные цели. Дуалисты в оттягивании созыва Думы видели средство понижения накала политической атмосферы, парламентаристы — увеличение периода, за который можно было бы добиться отставки А.Д.Протопопова. Вторую мотивацию разделял и Н.Д.Голицын, полагавший, что, отсрочив начало занятий Думы, он выполнил желание ее председателя. После заседания правительства Н.Д.Голицын сказал М.В.Родзянко: «Ну что же, вы довольны? Мы отсрочили созыв Думы, как вы того желали».³⁰⁷ Но оппозиция

расценила отсрочку занятий нижней палаты как неблагоприятную по отношению к ней меру. Между тем Н.Д.Голицын за время отсрочки собирався выполнить основное требование Прогрессивного блока — об отставке министра внутренних дел.

Премьер «не выносил» А.Д.Протопопова и «решительно желал сбить его как-нибудь из Совета министров». ³⁰⁸ Во время состоявшегося 27 января ³⁰⁹ очередного доклада у Николая князь попытался доказать императору необходимость отставки А.Д.Протопопова. Николай выслушал Н.Д.Голицына спокойно, напоследок заявив: «Я вам теперь ничего по этому поводу не скажу, а скажу в следующий раз». Однако через несколько дней Николай дал отрицательный ответ: «Я вам хотел сказать по поводу Протопопова. Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду». ³¹⁰

Сам А.Д.Протопопов поднимал вопрос о своем уходе и при Н.Д.Голицыне, но на его просьбу об отставке Николай заявил: «Я вам сам скажу, когда найду это нужным, подождите, не слушайте других». ³¹¹

Помимо А.Д.Протопопова, Н.Д.Голицын хотел удалить из кабинета и других дуалистов — министра юстиции Н.А.Добровольского и обер-прокурора Синода Н.П.Раева. ³¹² Следовательно, при всем различии между их стилями управления, Н.Д.Голицын мало отличался от А.Ф.Трепова. Выступая, как и он, за удаление неугодных оппозиции министров, Н.Д.Голицын фактически был готов пойти на временное установление парламентаризма.

Как и А.Ф.Трепов, Н.Д.Голицын координировал деятельность кабинета с программой Прогрессивного блока. Князь полагал, что «от 87-й статьи следует по возможности воздерживаться». ³¹³ Н.Д.Голицын выполнял пункты программы по польскому ³¹⁴ и кооперативному вопросам. ³¹⁵ Продуманная позиция премьера привела к политической изоляции А.Д.Протопопова не только в обществе, но и в кабинете.

Против министра внутренних дел «выступали все члены Совета министров, включая его председателя». ³¹⁶ Только Н.А.Добровольский и Н.П.Раев были «близки» А.Д.Протопопову и «всегда выступали в согласии с ним». ³¹⁷ Изоляция министра внутренних дел не вызвала превращения его в ортодоксального консерватора. А.Д.Протопопов, будучи дуалистом, решительно противостоял не только парламентаристам, но и крайне правым. ³¹⁸ То же самое относится и к Н.А.Добровольскому, издавшему 4 февраля, накануне революции, либеральный циркуляр о недопустимости частых арестов. ³¹⁹

Вопреки крайне правым, А.Д.Протопопов и Н.А.Добровольский «были склонны» ввести еврейское равноправие «в самом непродолжительном времени». Подготовленный ими проект соответствующего указа планировалось объявить «на Пасху», т.е. 2 апреля 1917 г. ³²⁰

Если в качестве частного лица А.Д.Протопопов и допускал гипотетическую возможность роспуска Думы, то, в отличие от черносотенцев, рассматривал его не как шаг на пути к превращению нижней палаты в законосовещательное учреждение, а как явление, вполне естественное для конституционно-дуалистической монархии. Подтверждение этому А.Д.Протопопов находил в политической практике государств с аналогичным россий-

скому режимом. «Япония, — говорил он Н.Д.Голицыну, — одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим». ³²¹ Оппозиционеры подозревали А.Д.Протопопова в желании распустить нижнюю палату для заключения сепаратного мира. Между тем сам он относился отрицательно к оппозиции потому, что внутренняя дестабилизация, которую, по мнению министра, вызывала тактика Прогрессивного блока, могла отдалить победу над Германией. ³²²

В качестве официального лица к немедленному роспуску Думы А.Д.Протопопов не стремился. Как министр, он выступал только за перерывы в ее сессиях. ³²³ Неприятию А.Д.Протопоповым идеи роспуска давали обоснование полицейские аналитики. ³²⁴ Двойственное отношение министра к этой идее предопределила трагическая по своим последствиям не только для него, но и для защищавшегося им строя раздвоенность его сознания.

А.Д.Протопопов, поправев, как бы по инерции оставался тем, кем был ранее, — оппозиционером. Показателен эпизод, явившийся следствием обращения к нему московского губернского предводителя дворянства П.А.Базилевского. По инициативе М.В.Родзянко П.А.Базилевский ходатайствовал об аудиенции у царя для доклада резолюции московского дворянства, которая требовала «министерства доверия». Необходимость отказа в аудиенции А.Д.Протопопов мотивировал В.Б.Фредериксу тем, что прием П.А.Базилевского мог оказаться для царя «не вполне желательным как докладчика вестей односторонне освещенных». Однако ходатайство предводителя, подчеркивал министр внутренних дел, «находит себе опору в законе». Кроме того, «отказ в приеме предводителя именно московского дворянства, занимающего как бы первенствующее положение среди дворянских обществ в Империи, мог бы вызвать в широких дворянских кругах глубокое впечатление, а главное — быть нежелательным истолкованием оппозиции Двора». Поэтому А.Д.Протопопов, будучи противником удовлетворения ходатайства, высказался за назначение приема П.А.Базилевскому, выразив надежду, что царь поставит ему на вид резолюцию московского дворянства «как отступление от своих вековых традиций». ³²⁵

Встреча Николая и П.А.Базилевского произошла 8 февраля. ³²⁶ На вопрос императора: «Какой же практический выход из создавшегося положения видит московское дворянство?» предводитель ответил: «Ваше величество, московское дворянство, как оно и высказало в своем постановлении, полагает, что успокоение умов возможно только при том условии, если во главе управления станут лица, ответственные перед вами, но опыт и знание которых известны всем, и которые были бы способны работать в согласии с законодательными учреждениями». П.А.Базилевский высказался за «министерство доверия», выглядевшее в глазах императора «замаскированным переходом к парламентаризму». Попытка поставить назначение министров в зависимость от мнения Думы казалась Николаю «недопустимым посягательством на самостоятельность царской власти». ³²⁷

Твердое отстаивание Николаем собственной точки зрения детерминировалось непримиримостью оппозиции. Н.Д.Голицын собирався провести раут для представителей законодательных палат как «первый шаг на пути к примирению и сближению с общественностью». Однако 3 фев-

раля лидеры Прогрессивного блока решили не ехать на раут, но «в виде протеста не лично против Н.Д.Голицына, а против правительственной власти вообще».³²⁸ Между тем Николай, как и ранее, стремился избежать открытого столкновения с Думой.

На заседании Особого совещания по обороне 4 февраля М.В.Родзянко, с подачи П.Н.Крупенского, ходатайствовал «о назначении экстренного заседания Особого совещания под личным Его императорского величества председательством».³²⁹ Когда А.Д.Протопопов сообщил Николаю опасения председателя совещания М.А.Беляева относительно случившегося, царь ответил: «Да, я это уже знаю со слов Щегловитова; ведь если собраться, то будут такие речи, что, пожалуй, придется ударить кулаком по столу и сказать: “Молчать”». «Да, государь, — согласился А.Д.Протопопов, — речи будут, несомненно, очень резкие, положение ваше будет трудное, но и стучать кулаком выйдет неловко. Нового же вряд ли что узнаете; речами недостатка пушек, рельс и пороха не пополнить». «Так что же делать? — осведомился Николай, сразу же предложив решение проблемы: — Думаю не собирать пока, так и напишу!» А.Д.Протопопов поддержал императора: «Думаю, что лучший выход будет резолюция, что соберете Совещание, когда сочтете это необходимым».³³⁰ Исполняя повеление Николая, М.А.Беляев сообщил Особому совещанию, что «император соизволит принять участие в работах совещания, когда Его императорскому величеству благоугодно будет признать это необходимым».³³¹

Упорствование Прогрессивного блока в оппозиционности давало Николаю поводы для предположения о том, что после открытия 14 февраля сессии Думы она начнет новый «штурм власти». Поэтому, при всей готовности царя на соглашение с оппозицией без нарушения Основных законов, он вынужден был учитывать и возможность роспуска Думы, на что имел полное право по конституции. Согласно письму Н.А.Маклакова Николаю от 9 февраля, днем раньше он через А.Д.Протопопова предложил Н.А.Маклакову подготовить проект манифеста на случай роспуска.³³² В проекте нижняя палата обвинялась в том, что она «вновь уклонилась в область политических стремлений» и «вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы». После указания на то, что «России нужны не речи, смущающие народную душу и расшатывающие нашу государственность, а созидательная работа, укрепляющая государственный порядок», объявлялось о роспуске IV Думы и назначении выборов в V на декабрь 1917 г.³³³

Роспуск Николай рассматривал не как окончательное решение, но только в качестве гипотетической возможности. Когда 11 февраля Н.А.Маклаков представил проект императору, то, сказав ему: «Оставьте, я посмотрю», Николай добавил, что «это на всякий случай», «он еще не знает, как поступить», и «вообще вопрос требует обсуждения со всех сторон».³³⁴ От роспуска царь отказался, поскольку сознавал, что состояние страны требовало «наличности Думы».³³⁵

По мнению Николая, неизбежная победа России сделала бы роспуск ненужным. В.М.Волконский говорил В.В.Шульгину в начале февраля, что если весеннее наступление закончится удачно, то Думу «прогонять не придется, потому что на радостях все забудется».³³⁶

Нежелание Николая пойти на роспуск объяснялось его готовностью примириться с оппозицией, но только при сохранении дуалистической системы. Свидетельством этого была состоявшаяся 10 февраля³³⁷ встреча царя с М.В.Родзянко. Накануне нее, 7 февраля, выражая программный минимум оппозиции, А.А.Клопов писал Николаю о необходимости дарования «ответственного министерства» и приезда царя на открытие Думы.³³⁸ Параллельно оппозиционеры действовали через главу английской делегации на Петроградской конференции — лорда А.Мильнера. После консультаций с ними лорд адресовал Николаю записку, датированную 4 февраля и призывавшую к назначению министрами представителей общественности.³³⁹

На аудиенции М.В.Родзянко выступил перед императором за увольнение А.Д.Протопопова и «ответственное перед палатами правительство». Возражая собеседнику, Николай заметил: «Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?»³⁴⁰ От императора М.В.Родзянко получил «самые категорические указания». Дума, заявил Николай, «должна спокойно, терпимо и корректно относиться к императорскому правительству и отдельным его членам», т.е. А.Д.Протопопову. Работа Думы, полагал Николай, «должна не возбуждать умы в сторону неосуществимых при данных условиях политических лозунгов», а «быть направлена в сторону разработки тех мер, которые действительно могли бы послужить на пользу армии и приблизить час победы».³⁴¹ На вопрос М.В.Родзянко, верны ли слухи о скором роспуске Думы, Николай, сообщила А.Н.Родзянко З.Н.Юсуповой 12 февраля, ответил: «Вероятно, занятия протянутся до Пасхи; впрочем, все от вас зависит, и если не будет неприличных, резких выступлений против правительства, Дума не распустится».³⁴² Судьбу Думы царь поставил в жесткую зависимость от ее поведения. Николай предупредил М.В.Родзянко, что «если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена».³⁴³

М.В.Родзянко в долгу не остался. «Я вас предупреждаю, — сказал он императору, — я убежден, не пройдет и трех недель с этого дня, как вспыхнет революция, которая сметет вас, и вы уже царствовать не будете».³⁴⁴ Поразительная прозорливость М.В.Родзянко объяснялась не его пророческими способностями, а более простыми причинами. В это время председателем Думы носился с «цельным ворохом антидинастических планов».³⁴⁵

Накануне встречи М.В.Родзянко с императором, 9 февраля, в кабинете председателя Думы произошло совещание лидеров оппозиции. Участниками совещания были также генералы А.М.Крымов (тесно связанный с заговорщической группой А.И.Гучкова) и Н.В.Рузский, главнокомандующий Северным фронтом.³⁴⁶ А.М.Крымов заявил, желая подвигнуть на переворот тех оппозиционеров, которые еще колебались: «Переворот неизбежен и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет». Кадет А.И.Шингарев согласился, что «переворот необходим». Имея в виду царя, председатель бюро Прогрессивного блока октябрист С.И.Шидловский заявил: «Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию». Мно-

гие депутаты поддержали А.И.Шингарева и С.И.Шидловского. «Самым немоллимым и резким» оказался соратник А.И.Гучкова по заговору М.И.Терещенко.³⁴⁷ Участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя». Поэтому, когда царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься».³⁴⁸

Революционизацию настроений лидеров оппозиции не предотвратило то, что некоторые из них были придворными. Член фракции правых И.А.Папа-Афанасопуло говорил 20 февраля ялтинскому градоначальнику генералу А.И.Спиридовичу, приехавшему в Петроград: «Идем к развязке, все порицает государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции».³⁴⁹

Революционизация затронула габитусы не только депутатов, но и бюрократов. На заседании Петроградской конференции союзников один из высших чинов Министерства торговли и промышленности Р.М.Ловягин поинтересовался у своего коллеги А.В.Ивановского: «Почему, вы думаете, таких болванов назначают теперь министрами?» А.В.Ивановский ответил: «Гришка Распутин лучших и назначить не умеет». «Нет, — возразил Р.М.Ловягин, — совсем не потому, а чтобы не жалко было, когда революционеры повесят их на фонарях».³⁵⁰ Еще до революции неизбежность ее победы стала очевидной даже для представителей бюрократической элиты.

Н.Д.Жевахов, разумея сторонников оппозиции, писал, что «ко времени наступления революции едва ли не в каждом департаменте каждого министерства находилось уже 90 % революционеров, поддерживаемых Думою и прессою, бороться с которыми можно было только пулеметами».³⁵¹ Если под «революционерами» понимать бюрократов, сочувствовавших Прогрессивному блоку, мнение Н.Д.Жевахова покажется утрированным лишь отчасти.

Несмотря на то, что свержение царя стало вопросом недель, после открытия 14 февраля сессии Думы премьер надеялся получить одобрение нижней палатой деятельности его кабинета. Беседуя перед началом сессии с М.В.Родзянко, Н.Д.Голицын интересовался, «будет ли Дума агрессивна», и выражал надежду, что он «сумеет ее сдержать».³⁵² Октябрист граф Э.П.Беннигсен встретил Н.Д.Голицына 14 февраля в Думе и спросил у премьера, «можно ли его поздравить с этим назначением». Н.Д.Голицын ответил: «Вот если сегодняшнее заседание пройдет благополучно, то тогда поздравьте меня».³⁵³

Примирительных настроений Н.Д.Голицын оставался преисполненным даже после того, как 15 февраля А.Ф.Керенский, упомянув о Бруте, намекнул на желательность царубийства. По поводу речи А.Ф.Керенского Н.Д.Голицын обратился к М.В.Родзянко 17 февраля «с покорнейшею просьбою не отказать в распоряжении о доставлении» «подлинной, без цензурных пропусков, стенограммы упомянутой речи».³⁵⁴ М.В.Родзянко отказал Н.Д.Голицыну только 23 февраля. Тем не менее это не поколебало примирительного отношения Н.Д.Голицына к оппозиции. «Непонятный оптимизм» он сохранял «чуть ли не до последних дней пребывания у власти. Даже резкий, оскорбительный для правительства отказ М.В.Родзянко в доставлении просимой стенограммы, — вспоминал Г.Е.Рейн, — не изме-

нил его примирительных настроений».³⁵⁵ Выступление А.Ф.Керенского и поддержка, оказанная ему М.В.Родзянко, давали поводы для возбуждения вопроса о роспуске Думы. Однако именно потому, что премьером ее роспуск не планировался, он так и не последовал.³⁵⁶

Поводы для роспуска давал и материал, обнаруженный следствием после ареста, в конце января, Рабочей группы ЦВПК. Материал «ясно указывал на серьезную подготовку к перевороту и руководство им лицами, пользующимися правом иммунитета», т.е. депутатами Думы.³⁵⁷ Между тем, арестовывая простых революционеров, А.Д.Протопопов делал исключение для думцев, так как опасался «недовольства Думы, которое было бы этим вызвано». За думцами «только следили».³⁵⁸ На немедленный арест «революционного центра» А.Д.Протопопов не пошел, несмотря на все представленные ему доводы. Тогда же петроградское охранное отделение получило список членов будущего Временного правительства. Передавая список А.Д.Протопопову, начальник отделения генерал К.И.Глобачев также ходатайствовал об их немедленном аресте. А.Д.Протопопов ограничился тем, что сказал: «Это очень важно».³⁵⁹ Его поведение объяснялось надеждой на подавление революции силой.³⁶⁰ Но еще более промедление министра внутренних дел обусловили политические расхождения между ним и премьером. Эти расхождения отразились на судьбе доклада А.Д.Протопопову директора Департамента полиции А.Т.Васильева.

Доклад, подготовленный буквально накануне революции, сообщал о существовании двух «революционных заговоров». Их участники принадлежали к числу лидеров Прогрессивного блока и левых фракций Думы.³⁶¹ А.Д.Протопопов, из-за непрочности своего положения в Совете министров, не решился взять на себя ответственность за их аресты и представил доклад Н.Д.Голицыну. Как и оппозиционеры, подозревавшие А.Д.Протопопова в подготовке грандиозной провокации для подавления всякого недовольства, Н.Д.Голицын подозревал министра внутренних дел в том, что он ведет «какую-то закулисную линию»,³⁶² а потому также ему не доверял. Недоверие премьера перешло и на переданный А.Д.Протопоповым доклад Департамента полиции.

Впрочем, исключительно примирительное отношение бюрократической элиты к общественной контрэлите детерминировалось позицией царя, начинавшего склоняться к согласию на немедленное введение парламентаризма. Накануне своего отъезда в Ставку, намеченного на 22 февраля, после совещания с «некоторыми министрами во главе с Голицыным», Николай решил явиться на следующий день в Думу и объявить о даровании «ответственного министерства».³⁶³ Но вечером Николай сообщил Н.Д.Голицыну, что уезжает в Могилев. Указ «об ответственном кабинете» был подписан императором и находился у Н.А.Добровольского в письменном столе. Его предполагалось обнародовать «через Сенат, на Пасху», т.е. 2 апреля.³⁶⁴ Вероятно, указ имел в виду дарование судебной ответственности кабинета перед народным представительством. Именно эта идея лежала в основе того проекта, который А.Д.Протопопов разрабатывал по поручению царя еще осенью 1916 г.

Пока победа России не определилась окончательно, Николай находил нежелательной замену дуалистической системы парламентаризмом.

Это предопределялось не консервативностью царя, а его боязнью того, что радикальная реформа может неблагоприятно отразиться на военных операциях. «Я, — говорил Николай перед революцией, — не могу допустить, чтобы теперь, когда все мы поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма». ³⁶⁵ Выявившееся в конце 1916 — начале 1917 г. стремление правительства к заключению союза с оппозицией даже путем фактического введения парламентаризма достигло своего апогея уже в дни Февральской революции.

4. «Нет смысла служить».

Ставка и оппозиция во второй половине 1916 — начале 1917 г.

Политическая позиция, занятая Ставкой во второй половине 1916 г., превратила этот центр власти не просто в союзника, но в инспиратора Прогрессивного блока и поддерживавших его общественных организаций. Борьба Думы с правительством находила «сочувствие» у начальника штаба Ставки генерала М.В.Алексеева. ³⁶⁶ Поведение генерала «в тоне общественной оппозиции» нравилось его подчиненным. ³⁶⁷

Парламентаристские взгляды разделялись не только начальником штаба, но и многими чинами Ставки. Они считали, что победа в войне возможна «лишь при условии полного единения народа с властью», т.е. при введении парламентаризма. Поскольку на это Николай не шел, штабные офицеры «с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти». ³⁶⁸

Оппозиционность М.В.Алексеева усилили замены С.Д.Сазонова и А.Н.Наумова Б.В.Штюрмером и графом А.А.Бобринским. Эти замены генерал оценил крайне отрицательно. Когда офицеры заговорили в столовой о назначении премьера министром иностранных дел, М.В.Алексеев заметил: «Я теперь не удивлюсь, если завтра Штюрмера назначат на мое место — начальником Штаба». «Сказано было это, — вспоминал протопресвитер Г.И.Шавельский, — с раздражением и так громко, что все могли слышать». ³⁶⁹ Реакция начальника штаба вполне понятна. Возвышение Б.В.Штюрмера полностью расстроило планы М.В.Алексеева, нацеленные на введение парламентаризма путем образования «министерства государственной обороны» и решения польского вопроса.

Кадровые перемены лета 1916 г. начальник штаба неверно расценил как торжество «безответственных влияний». Когда 28 мая А.Н.Наумов поинтересовался у генерала, откуда ему известно, что он, А.Н.Наумов, хочет уйти в отставку, М.В.Алексеев заявил, подразумевая доклад Б.В.Штюрмера и письма царицы: «Как же не слышать, когда о вас вчера специальный был доклад, который продолжался полтора часа, при этом была артиллерийская подготовка из Царского Села». ³⁷⁰

Веру М.В.Алексеева и его подчиненных во всемогущество «безответственных влияний» подпитывали некоторые чины свиты. Заботясь о своей общественной репутации, они в присутствии могилевского офицерства критиковали императрицу и рассказывали «небылицы про Распутина». Лица, при которых это говорилось, не знали придворной жизни, а потому принима-

ли рассказы чинов Свиты за чистую монету, не подозревая, что царедворцы позволяли себе такие вещи «из боязни прослыть реакционерами». ³⁷¹

Подтверждение мнению о всемогущести «безответственных влияний» М.В.Алексееву давали приезды Александры Федоровны в Ставку. Она жила в Могилеве с 7 по 12 июля, с 27 июля по 3 августа, с 22 августа по 4 сентября, с 3 по 12 октября и с 14 по 24 ноября. ³⁷² М.В.Алексеев ошибочно полагал, что провал манифеста о польской автономии произошел по вине царицы, которая «решительно его отвергла». Она заявила генералу: «В какое положение вы ставите наследника? Вы не подумали о нем?» ³⁷³

Во время пребывания Александры Федоровны в Могилеве М.В.Алексеев выказывал «нерасположение» к ней демонстративными отказами от приглашений к царскому столу. ³⁷⁴ Тем не менее именно тогда император испытывал по отношению к начальнику штаба прилив доверия. В честь годовщины вступления Николая в верховное главнокомандование, 22 августа, М.В.Алексеев удостоился высочайшего рескрипта. ³⁷⁵

Пребывая в фаворе у Николая, генерал решил нанести удар по Г.Е.Распутину. В августе М.В.Алексеев прямо сказал императору: «Удивляюсь, ваше величество, что вы можете находить в этом грязном мужике!» «Я, — ответил Николай, — нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей». ³⁷⁶ Указывая на вред, приносимый слухами о Г.Е.Распутине престижу царя и России, М.В.Алексеев умолял Николая расстаться со старцем. Однако царь ответил: «Оставьте, Михаил Васильевич, поверьте мне, что это мое личное частное дело». ³⁷⁷

Отрицательное мнение М.В.Алексеева о Г.Е.Распутине попробовала развеять императрица. По этому поводу она беседовала с начальником штаба между 28 августа и 4 сентября. ³⁷⁸ Подразумевая старца, Александра Федоровна заявила генералу: «Вы его совершенно не понимаете». ³⁷⁹ Царица пыталась убедить М.В.Алексеева, что генерал неправ в своем отношении к Г.Е.Распутину, поскольку он «святой человек, преданный царской семье, за которую ревностно молится». Если бы старец посетил Ставку, полагала Александра Федоровна, то принес бы «большое счастье». Выслушав императрицу, М.В.Алексеев нахмурился и сухо ответил: «Ваше императорское величество, я давно уже составил мнение по этому вопросу, и ничто не сможет его изменить. Я должен добавить, что как только он появится в Ставке, я сложу с себя занимаемую должность». «Это ваше последнее слово, генерал?» — поинтересовалась Александра Федоровна. «Без всякого сомнения», — отрезал М.В.Алексеев. ³⁸⁰ Несмотря на нежелание генерала прислушаться к аргументам императрицы, она в нем не разочаровалась окончательно и называла его «славным Алексеевым». ³⁸¹

Начальник штаба из общения с Александрой Федоровной сделал свои выводы, уверовав еще больше во всемогущество «безответственных влияний». М.В.Алексеев, несмотря на факты, полагал, что, когда царица появляется в Ставке, царь «не решает совсем никаких вопросов без нее». ³⁸²

Слепая вера генерала в абсолютное доминирование «темных сил» передавалась его подчиненным и представителям иностранных армий. Служивший в Ставке капитан 1-го ранга А.Д.Бубнов писал о «глубоком влиянии, которое имела “распутиновщина” на умонастроения и духовные

переживания личного состава Ставки». ³⁸³ Во время пребывания Александры Федоровны в Могилеве 22 августа — 4 сентября, пока венценосцы разговаривали с гостями, иностранцы обзывали царицу «обидными словами». «Вот она снова приехала к мужу, — открыто говорил один офицер, — передать последние приказания Распутина». ³⁸⁴

Слепая вера во всеилие «безответственных влияний» толкала М.В.Алексеева к атакованию того, кого он считал их главным ставленником, т.е. Б.В.Штюрмера. На посылаемые премьером документы, отражавшие результаты его диктаторствования, начальник штаба налагал резолюции, имевшие «резко критический характер, близкий к насмешке над деятельностью Штюрмера». ³⁸⁵ В борьбе с премьером М.В.Алексеев не ограничивался словами. Так, уже 10 июля, с ведома начальника штаба, председатель Комиссии по расследованию злоупотреблений тыла генерал Н.С.Батюшин арестовал директора Русско-Французского банка Д.Л.Рубинштейна, близкого к Г.Е.Распутину. К делу Д.Л.Рубинштейна, обвиненного в измене, привлекли ближайшего сотрудника Б.В.Штюрмера — И.Я.Гурлянда. Ему, сообщил 1 августа премьер императору, инкриминировали предупреждение Д.Л.Рубинштейна о предстоящем аресте. ³⁸⁶

Вероятное увольнение И.Я.Гурлянда неизбежно поколебало бы и положение его шефа. «Если выгонят Гурлянда, — писал 2 августа М.М.Андроников В.Н.Воейкову, — то уйдет и Штюрмер, ибо Штюрмер без Гурлянда — ангел без крыльев!» ³⁸⁷ И.Я.Гурлянду удалось выйти сухим из воды. Тогда 19 августа по прямому распоряжению М.В.Алексеева без предварительного уведомления Б.В.Штюрмера был арестован другой его сотрудник — состоявший при премьере И.Ф.Манасевич-Мануйлов, обвиненный в вымогательстве взятки у товарища директора правления Соединенного банка И.С.Хвостова. ³⁸⁸ Помимо начальника штаба, за арестом, сообщал М.М.Андроников В.Н.Воейкову 30 августа, стоял и министр внутренних дел А.А.Хвостов. ³⁸⁹ Связь между МВД и Ставкой, писал 22 августа великий князь Николай Михайлович М.В.Алексееву, обеспечивал товарищ министра внутренних дел А.В.Степанов. ³⁹⁰

Дело И.Ф.Манасевича показало всю глубину политических противоречий, которые разделяли премьера и начальника штаба. М.М.Андроников сообщал В.Н.Воейкову 30 августа, что между Б.В.Штюрмером и М.В.Алексеевым «отвратительные отношения». ³⁹¹ Кроме того, дело И.Ф.Манасевича вызвало новую волну толков о росте влияния «темных сил». «20-го Штюрмер выехал в Ставку, а 21-го — Ее величество императрица Александра Федоровна, — сообщал 22 августа Николай Михайлович М.В.Алексееву, намекая далее на И.Ф.Манасевича. — Публика ставит эти поездки в связи с арестом этого господина. Хотя более чем вероятно, что предположение неверно, впечатление получается тягостное». ³⁹² Судя по письмам императрицы, предшествовавшим ее отъезду в Ставку, о деле И.Ф.Манасевича она действительно ничего не знала. Но для охваченного психозом общественного мнения, склонного видеть во всем только происки «темных сил», доказательствами их влияния были уже случайные совпадения. Противоречия между премьером и начальником штаба углубляли не только эти совпадения, но и, так сказать, факторы субъективного порядка.

Дискредитированию Б.В.Штюрмера в глазах М.В.Алексеева содействовали парламентаристы, прежде всего — член Прогрессивного блока в Государственном совете генерал А.А.Поливанов. ³⁹³ Еще более этому содействовал А.И.Гучков, который в августовских письмах М.В.Алексееву обвинил премьера в измене. Царь узнал о письмах от супруги. ³⁹⁴ Николай встал на защиту начальника штаба. «Алексеев, — писал ей Николай, — никогда не упоминал мне о Гучкове. Я только знаю, что он ненавидит Родзянко и насмехается над его уверенностью в том, что он все знает лучше других». ³⁹⁵

В свою очередь, от защиты премьера М.В.Алексеев отказался. Необоснованность обвинений А.И.Гучкова не составляла секрета для генерала. Во время состоявшейся 9 октября встречи с императором Б.В.Штюрмер сообщил о письме к нему М.В.Алексеева, в котором тот воспроизведенное председателем ЦВПК ложное толкование отношения премьера к вопросу о премировании заводов расценил как «результат досадного недоразумения». Однако публичного опровержения обвинений А.И.Гучкова начальник штаба всячески избегал. ³⁹⁶ М.В.Алексеев поступал так не потому, что они казались ему истинными, а потому, что они исходили от его политического единомышленника. Начальник штаба был осведомлен о заговоре А.И.Гучкова. ³⁹⁷ За его письмами генералу стояло нечто далекое от лояльности и, во всяком случае, достойное сокрытия. На вопрос императора о письмах М.В.Алексеев, сообщил Николай Б.В.Штюрмеру 9 октября, попросту солгал, заявив, что «никогда ни в какой переписке с Гучковым не состоял». Император указал М.В.Алексееву на недопустимость его переписки «с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и династии». ³⁹⁸

Политическая подоплека предопределила не только отказ начальника штаба от публичного опровержения обвинений А.И.Гучкова, но и муссирование М.В.Алексеевым вопроса о снабжении армии и тыла. Тем самым генерал готовил почву для введения парламентаризма путем замены кабинета Б.В.Штюрмера «министерством доверия». В начале августа под воздействием раздававшейся со стороны М.В.Алексеева критики деятельности Б.В.Штюрмера на посту диктатора Николай хотел образовать особое Министерство военного снабжения. ³⁹⁹

Играть на вопросе о снабжении М.В.Алексееву было тем легче, что итоги диктаторствования Б.В.Штюрмера скептически оценивали как парламентаристы, так и дуалисты. А.А.Бобринский находил, что во главе продовольственного дела следовало поставить «особое лицо, ведающее исключительно этим делом». Сам Николай постепенно склонялся к «идее Кривошеина», т.е. к тому, чтобы сделать военного министра «господином всего положения». ⁴⁰⁰ Сторонником идеи А.В.Кривошеина был начальник штаба — в том числе потому, что военный министр Д.С.Шуваев, сообщал М.М.Андроников В.Н.Воейкову 11 сентября, находился «в добрых отношениях» с М.В.Алексеевым. ⁴⁰¹ Одно предположение о передаче продовольственного дела парламентаристу Д.С.Шуваеву вызвало у Б.В.Штюрмера беспокойство.

Премьер, из-за оппозиционности Д.С.Шуваева, соглашался на поручение ему продовольственного дела только в случае увольнения с поста военного министра и назначения на это место генерала М.А.Беляева. Царь

обусловил осуществление предлагавшейся Б.В.Штюмером комбинации согласиём на нее М.В.Алексеева.⁴⁰² Но предположения премьера начальник штаба проигнорировал.

Беседуя с Николаем 21 августа, глава правительства признал, что «делу снабжения армии и флота и организации тыла надлежало бы придать большее объединение и совместить хотя бы некоторые отдельные его части в руках одного лица». Б.В.Штюмер высказался за то, чтобы это лицо, в качестве товарища министра земледелия, служило под началом не парламентариста Д.С.Шуваева, а единомышленника Б.В.Штюмера — дуалиста А.А.Бобринского.⁴⁰³

Царь, однако, от поддерживавшейся М.В.Алексеевым идеи милитаризации снабжения пока не отказывался. Главноуполномоченный Красного Креста при Ставке П.М. фон Кауфман-Туркестанский во время встречи с Николаем, состоявшейся 21 августа, рекомендовал ему решение продовольственного вопроса «вверить интендантству», находившемуся в ведении Д.С.Шуваева. Царь одобрил мысль П.М. фон Кауфмана и приказал главному полевому интенданту генералу К.Н.Егорьеву представить соответствующий доклад. Царский приказ он исполнил уже на следующий день. Николай повелел П.М. фон Кауфману поехать в Петроград, переговорить с Д.С.Шуваевым и «немедленно оформить это дело».⁴⁰⁴

Параллельно с П.М. фон Кауфманом выдвигению на первый план Д.С.Шуваева, в противовес Б.В.Штюмеру и А.А.Бобринскому, содействовал и начальник главного артиллерийского управления генерал А.А.Маниковский. «Ведь только “видимость правительства” заседает у нас в Мариинском дворце, — писал А.А.Маниковский 26 августа начальнику управления полевого генерал-инспектора при Ставке генералу Е.З.Барсукову, — и всем ясно, что как там ни называйте и какими полномочиями не снабжайте господина Штюмера — все же из него никак не получить того “диктатора”, в котором так нуждается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо смертельная. И неужели так у вас, в Ставке, этого не понимают?» «Так что вот, в конечном результате, наш вопль, — подытоживал А.А.Маниковский, — дайте нам, если не диктатора, то хотя просто хорошую палку». В качестве выхода из кризиса А.А.Маниковский рекомендовал дать «усиленные полномочия» «не господину Штюмеру, а военному министру», т.е. Д.С.Шуваеву.⁴⁰⁵

Упоминание А.А.Маниковским о Д.С.Шуваеве дает основания для вывода о том, что, как и в июне, рекомендация начальника ГАУ имела, помимо функциональной составляющей, еще и политический подтекст. Это доказывается тем, что именно Д.С.Шуваев представил Николаю 31 августа план передачи продовольственного дела интендантству. Но царь оставил шуваевский план без движения. Мотивируя свое решение, Николай заявил П.М. фон Кауфману, что «продовольствием населения должно ведать МВД, имеющее готовый для этого аппарат в лице губернаторов, полиции и других органов» и «именно этому министерству надлежит ведать это дело по силе закона», т.е. продовольственного устава.⁴⁰⁶ Между тем, получив письмо А.А.Маниковского, Е.З.Барсуков представил начальнику штаба проект новой записки царю. Судя по всему, одна из редакций

записки всплыла в декабре 1916 г. в виде проекта «Положения о верховном начальнике продовольственной части».

Согласно первому пункту проекта, верховный начальник, а по сути дела — диктатор, «своею особой» должен был объединять «все виды продовольственной деятельности в государстве».⁴⁰⁷ Идея диктатуры прельстила царя. Впрочем, осознавая, что диктатор мог явиться его потенциальным конкурентом, Николай решил назначить на эту должность военного, который пользовался безусловным доверием императора, — В.Н.Воейкова. В начале осени Николай сообщил генералу, что ему предлагают назначить его «диктатором продовольствия».⁴⁰⁸ Однако дворцовый комендант от этого отказался.

Позиция В.Н.Воейкова заставила царя идею диктатуры временно отложить в сторону. Когда 10 сентября Б.В.Штюмер затронул вопрос о том, получит ли осуществление «проект об учреждении особого управления по снабжению армии и тыла», Николай ответил, что «эта мысль оставлена».⁴⁰⁹ В сентябре решение вопроса о снабжении Николай связывал с передачей его не военным, а МВД. Наметившийся с конца августа отказ императора от милитаризации продовольственного дела означал победу премьера. Реагируя на это, М.В.Алексеев заявил Е.З.Барсукову, что «считает все государственное дело России безнадежным и махнул на него рукой, так как государь повелел ему обращаться по всем вопросам службы глубокого тыла для армии к Штюмеру».⁴¹⁰ Дабы не связываться с премьером, М.В.Алексеев обратился к Д.С.Шуваеву 30 августа со специальным письмом.

Намекая на подчинявшийся Б.В.Штюмеру Особый комитет по борьбе с дороговизной и руковомимое им, в качестве диктатора, Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению, генерал писал, что для разрешения продовольственного вопроса «нужны меры смелые, решительные, широко поставленные, а не формирование новых комитетов и особых совещаний, журналы коих цены на хлеб и предметы первой необходимости не уменьшают, на первоисточники зла рук не накладывают».⁴¹¹ Похожее по содержанию письмо генерал направил и А.А.Бобринскому.⁴¹²

Пессимистические оценки М.В.Алексеева были преждевременными — ведь и комитет, и совещание только начали свою работу. Б.В.Штюмер сообщил императору суть алексеевского письма 10 сентября. Парируя доводы генерала, премьер заявил Николаю, что «меры общегосударственного характера должны быть подвергнуты обсуждению сведущих и ответственных лиц, и так как проявления современной жизни тесно переплетены между собой, то решительная мера в одном направлении должна быть соображена с последствиями ее в других областях». Объяснения премьера Николай счел исчерпывающими.⁴¹³

От атаки М.В.Алексеева отбилась и А.А.Бобринский. В результате этого снова возникли «совершенно нежелательные трения между Ставкой и кабинетом».⁴¹⁴

Начальник штаба не собирался складывать оружие. Для дискредитирования Б.В.Штюмера перед императором М.В.Алексеев использовал 20 сентября письмо, полученное от председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной князя Н.Л.Оболенского.⁴¹⁵ Но и на этот раз на-

чальника штаба ждала неудача. А.А.Бобринский 22 сентября сообщал дочери, что Б.В.Штюрмер, «по-видимому, твердо сидит на своем посту, вопреки газетным слухам».⁴¹⁶

Неуязвимость премьера лишь усилила оппозиционность М.В.Алексеева и его подчиненных. На проходившей 22–24 октября в Петрограде конференции кадетской партии говорилось о том, что «многие из высшего командного состава с плохо скрываемым раздражением относятся к существующему правительственному курсу».⁴¹⁷ Объектом оппозиционности могилевского офицерства был не только Б.В.Штюрмер, но и Николай.⁴¹⁸

В начале двадцатых чисел октября член Прогрессивного блока Б.А.Энгельгардт советовался с начальником штаба о содержании декларации Блока. В нее думцы планировали включить обвинение Б.В.Штюрмера в «измене» и требование «министерства доверия».⁴¹⁹ Политическая солидарность оппозиционеров и М.В.Алексеева выводила его за пределы лояльности. Видя в Александре Федоровне опору премьера и преграду на пути к парламентаризму, генерал намеревался пойти вплоть до ареста царицы и отречения царя. Среди лидеров оппозиции, вдохновлявших начальника штаба на более решительные действия, были главноуполномоченный Земского союза князь Г.Е.Львов и его ближайший соратник В.В.Вырубов.⁴²⁰ Реальные очертания план ареста Александры Федоровны приобрел 25 октября, когда по приглашению начальника штаба главноуполномоченный приехал в Ставку.

Г.Е.Львов и М.В.Алексеев очень долго разговаривали наедине. Начальник штаба предложил собеседнику прибыть в Ставку в день, который будет назначен генералом, совместно с двумя-тремя «видными общественными деятелями либерального направления из земских кругов». Поскольку в конце октября в Ставку планировала приехать Александра Федоровна, М.В.Алексеев согласился арестовать императрицу и уговорить императора заключить ее в монастырь или отправить в Ливадию.⁴²¹ Генерал хотел арестовать Александру Федоровну «как лицо, явно работавшее на развал страны и в пользу врага».⁴²² Начальник штаба надеялся также заставить Николая «утвердить правительство, включающее в себя князя Львова и близких к нему людей».⁴²³ Другим кандидатом в премьеры был сам М.В.Алексеев.

В конце октября А.А.Клопов, действовавший по наущению Г.Е.Львова, оказался причастным к составлению проекта царского рескрипта, поручавшего формирование кабинета генералу.⁴²⁴ Решившись на арест императрицы и введение парламентаризма, начальник штаба поставил условием, чтобы императору не было причинено «никакого зла». Впрочем, генерал согласился в случае отказа Николая от ареста уговорить его отречься от престола в пользу сына. Г.Е.Львов обещал организовать общественную поддержку запланированному перевороту и тотчас выехал в Москву. Вечером 25 октября М.В.Алексеев попросил В.В.Вырубова передать князю, что для дела, о котором они говорили, начальник штаба «назначил день: 30 октября».⁴²⁵

К осуществлению заговора М.В.Алексеев решил привлечь и А.А.Маниковского. За последовавшим в конце октября вызовом его в Ставку, официально — для служебного доклада царю, стоял начальник штаба.⁴²⁶

Будучи, наряду с руководителями Земского союза, во главе заговора, направленного против супруги его суверена, М.В.Алексеев вел двойную игру. Публично он выступал в роли ревностного защитника существующего строя от покушений на него со стороны того же самого союза. «Начальником Штаба верховного главнокомандующего, — телеграфировал начальник штаба Западного фронта генерал М.Ф.Квицинский начальнику снабжений этого фронта генералу князю Н.Е.Туманову, — признано необходимым установить строгое наблюдение за деятельностью отдельных организаций союзов и постепенно принимать меры к сокращению размеров их деятельности».⁴²⁷

Борьбу с оппозицией М.В.Алексеев вел только на словах. Когда в октябре Б.В.Штюрмер, допуская «возможность революции», потребовал от генерала, чтобы ненадежный петроградский гарнизон был заменен отборными частями, М.В.Алексеев отказал ему в этом.⁴²⁸

Если план ареста императрицы сорвался, то не по причине лояльности генерала, а потому, что в назначенный для его реализации день Александра Федоровна в Ставке отсутствовала.

Перед тем как арестовать императрицу, М.В.Алексеев попытался в последний раз оказать моральное воздействие на Николая. Поэтому генерал приступил к составлению всеподданнейшего доклада, в котором, отталкиваясь от обострения продовольственного вопроса, намеревался доказать необходимость открытого разрыва царя с «безответственными влияниями», содействовавшими, по мнению начальника штаба, подготовке сепаратного мира. Указав на то, что «народная молва не отделяет имени Вашего императорского величества от деятельности правительства, от всего того дурного, чем преисполнена Русская земля», М.В.Алексеев отмечал: «Спасать имя своего государя, выделить его в вероятные кровавые часы нашей истории из среды дряблого правительства — священный долг каждого верноподданного».⁴²⁹

То, что доклад был нацелен против императрицы и «безответственных влияний», подтвердил сам М.В.Алексеев. «Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу, — жаловался начальник штаба 30 октября Г.И.Шавельскому, намекая далее на Николая: — Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим».⁴³⁰

Содержание доклада начальник штаба изложил императору в конце октября, поскольку с 19 по 26 и с 28 по 29 октября Николай в Ставке отсутствовал.⁴³¹ О своей беседе с монархом М.В.Алексеев сообщил Г.И.Шавельскому 30 октября: «На днях я говорил с ним, решительно все высказал ему. Ваше, — говорю, — дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к гибели». О «дряблом правительстве» говорилось и в проекте доклада, чем доказывалось, что в данном случае в ход был пущен именно он. Возражая М.В.Алексееву на критику правительства, Николай заметил: «Что дряхлое, в этом вы отчасти правы, так как председатель Совета министров — старик, а что нечестное, в этом вы глубоко ошибаетесь». «А затем, — сообщил М.В.Алексеев Г.И.Шавель-

скому, — что я ни говорил, он ни слова в ответ. Кончил я, он, улыбаясь, обращается ко мне: “Вы пойдете сегодня ко мне завтракать?”» Судя по последним словам и дневнику Николая, доклад М.В.Алексеева состоялся 27 октября.⁴³²

Оценки генерала не просто полностью совпадали с оценками Прогрессивного блока, но и предвосхищали их, если учесть, что обвинения царицы и Б.В.Штюрмера в подготовке сепаратного мира П.Н.Милюков огласил только 1 ноября, выступая в Думе. Выступление кадетского лидера стало результатом непосредственного воздействия на него со стороны Г.Е.Львова.⁴³³ Следовательно, это выступление было звеном заговора против императрицы, давая ему идеологическое обоснование.

Политическую солидарность начальника штаба с лидерами оппозиции продемонстрировала реакция М.В.Алексеева на адресованное ему 3 ноября письмо Б.В.Штюрмера. П.Н.Милюков как бы подтвердил обвинения А.И.Гучкова, копии августовских писем которого получили широкое распространение. Поэтому Б.В.Штюрмер обращался к начальнику штаба «с покорнейшею просьбою»: «не найдете ли Вы возможным, способами для Вас доступными, оказать Ваше содействие к опровержению тех ложных обвинений, которые распространяет Ваш корреспондент и которые до сих пор не нашли никакого отпора со стороны военной власти». «Без открытого со стороны Вашего высокопревосходительства содействия правительству в деле обнаружения правды, — попытоживал Б.В.Штюрмер, — успех мер, ныне принимаемых правительством для поддержания порядка и спокойствия в тылу, не может быть достигнут. Полная согласованность действий между военными и гражданскими властями и взаимная поддержка должны быть поставлены в основу всех требуемых чрезвычайными условиями современной жизни неотложных мероприятий».⁴³⁴ Просьбы премьера ничего, кроме молчания, со стороны М.В.Алексеева не встретили, что неудивительно. В это время Ставку и Думу объединяла политическая солидарность, а потому генерал руководил начавшейся в Могилеве кампанией по оказанию морального давления на Николая в пользу отставки Б.В.Штюрмера.⁴³⁵

Так, 3 ноября отрицательное отношение нижней палаты к премьеру и Г.Е.Распутину выразил перед императором один из лидеров ее правой фракции В.М.Пуришкевич.⁴³⁶

На другой день, 4 ноября, произошла встреча Николая с А.А.Маниковским. Он рассказал императору о рабочих, «об ужасной пропаганде среди них и огромных денежных суммах, раздаваемых им для забастовок». А.А.Маниковский сообщил, что «этому не оказывается никакого сопротивления, полиция ничего не делает, и никому дела нет до того, что может случиться». «Министры, — передавал точку зрения генерала Николай, — как всегда, очень слабы — вот и результат».⁴³⁷ А.А.Маниковский рекомендовал образовать «ответственное министерство».⁴³⁸ Николай внимательно выслушал генерала и поблагодарил его за доклад. Император обещал пойти на то, чтобы «к управлению государством безотлагательно были привлечены действительные представители народа, оправдавшие его царское доверие на деле».⁴³⁹

Следующим о необходимости дарования парламентаризма говорил императору 6 ноября Г.И.Шавельский. Протопресвитер, отрицательно оценив Б.В.Штюрмера и А.Д.Протопопова, попросил Николая «приставить к делу людей», «знающих нужды народные и готовых самоотверженно пойти на удовлетворение их».⁴⁴⁰

Активность, нацеленную на замену кабинета Б.В.Штюрмера «министерством доверия», проявляли и чины размещавшегося в Могилеве морского штаба верховного главнокомандующего. Среди них получила распространение мысль о назначении парламентариста адмирала И.К.Григоровича на пост председателя Совета министров. Эта мысль была передана флигель-адъютанту Н.П.Саблину и начальнику военно-походной канцелярии царя генералу К.А.Нарышкину, которые сообщили ее императору.⁴⁴¹

Предложение своих приближенных Николай воспринял положительно. Назначение И.К.Григоровича они считали делом окончательно решенным.⁴⁴² Кандидатура адмирала на совещании царя, М.В.Алексеева и находившегося в Могилеве 7–8 ноября великого князя Николая Николаевича была принята. Начальнику штаба и великому князю Николай заявил, что «твердо решил назначить Григоровича премьером».⁴⁴³ Император не лукавил. Имея в виду преемников Б.В.Штюрмера, Николай писал императрице 8 ноября, что «Трепов или Григорович были бы лучше на его месте».⁴⁴⁴ Утром 10 ноября о своем решении назначить премьером И.К.Григоровича Николай сообщил чинам свиты. Но вечером этого дня, принимая приехавшего в Могилев адмирала, царь ничего не сказал относительно его назначения.⁴⁴⁵ Новым премьером оказался А.Ф.Трепов.

После приезда царицы в Ставку 13 ноября создалось положение, позволявшее приступить к осуществлению плана по ее аресту. А.Ф.Керенский полагал, что начальник штаба «не успел этого сделать, так как заболел и ушел тогда с фронта».⁴⁴⁶ На самом деле у генерала была целая неделя.⁴⁴⁷ В какой-то степени провал заговора против императрицы предопределили остатки лояльности М.В.Алексеева по отношению к императору. Лидеры оппозиции были настроены на отречение Николая более решительно. Поскольку генерал не поддерживал идею отречения категорически, от его услуг оппозиционеры решили временно отказаться.

Вместе с тем М.В.Алексеев подталкивал нижнюю палату на радикализацию ее борьбы за введение парламентаризма. При посещении Ставки председателем Думы генерал 17 ноября первым попросил его о встрече.⁴⁴⁸ Когда М.В.Родзянко сказал М.В.Алексееву, что «единственным учреждением, которому верит народ, является Государственная дума», генерал спросил: «Так почему же вы не берете все дело в свои руки? Берите, я вам в этом помогу».⁴⁴⁹

Правительство знало о контакте между Ставкой и оппозиционерами. На одном из заседаний кабинета А.Д.Протопопов доложил «о сношениях военного командования с деятелями оппозиции». Возбуждение этого вопроса результатов не принесло. Содержание доклада А.Д.Протопопова дошло до лидеров Прогрессивного блока, что вызвало усиление травли управляющего МВД с думской кафедры.⁴⁵⁰

Тесные отношения с лидерами оппозиции поддерживал и временный заместитель М.В.Алексеева на посту начальника штаба — генерал В.И.Гурко, назначенный по рекомендации М.В.Алексеева.⁴⁵¹ Как и он, В.И.Гурко принадлежал к числу парламентаристов. Парламентаристские взгляды разделял и его ближайший сотрудник А.С.Лукомский, с октября 1916 г. — генерал-квартирмейстер Ставки.⁴⁵²

В.И.Гурко являлся сторонником немедленного установления парламентарного режима. Первым шагом на пути к этому В.И.Гурко считал увольнение А.Д.Протопопова.⁴⁵³ Сразу после назначения А.Ф.Трепова премьером, когда шла борьба между ним и А.Д.Протопоповым, В.И.Гурко оказал А.Ф.Трепову активную поддержку. Генерал поощещал ему не только уговорить императора дать ход указу о протопоповской отставке, но и сообщить о его отправке премьеру специальной телеграммой. После отъезда А.Ф.Трепова в Петроград, 11 ноября, В.И.Гурко доложил императору о необходимости отправки указа. Однако Николай дал «уклончивый ответ».⁴⁵⁴ Поэтому В.И.Гурко никакой телеграммы А.Ф.Трепову не послал. Отказ императора от увольнения А.Д.Протопопова активизировал усилия генерала, направленные к этому.

При посещении Ставки председателем нижней палаты все ее чины, начиная с В.И.Гурко, относились к М.В.Родзянко «чрезвычайно предупредительно», говорили, что Государственная дума «необходима», и просили М.В.Родзянко, чтобы он и Дума «приложили старания» к устранению А.Д.Протопопова.⁴⁵⁵

Свои парламентаристские взгляды В.И.Гурко, используя выгоды занимаемой им должности, пытался привить императору. Генерал не раз настойчиво говорил Николаю «о Распутине» и «все разрастающейся, грозившей катастрофой, внутренней неурядице».⁴⁵⁶ Вмешательство В.И.Гурко во внутреннюю политику получило мягкий, но твердый отпор императора. В декабре Николай поручил В.Н.Воейкову переговорить с В.И.Гурко «по поводу проявления им, во время ежедневных докладов, слишком большого интереса к делам внутренним». Николай добавил, что «делает это Гурко под влиянием Гучкова».⁴⁵⁷ Начав беседу с начальником штаба, В.Н.Воейков не смог довести ее до конца. После произнесения дворцовым комендантом фамилии А.И.Гучкова «у моего собеседника, — вспоминал В.Н.Воейков, — явилось такое безотлагательное дело, которое ему совершенно не позволило меня дослушать».⁴⁵⁸

Несомненно, что с ведома В.И.Гурко в кампании по обработке Николая принял участие состоявший при нем генерал Н.И.Иванов. Когда М.В.Родзянко находился в Могилеве, генерал отдал ему визит.⁴⁵⁹ А 12 декабря Н.И.Иванов говорил императору «о вреде, который причинял Распутин и его банда».⁴⁶⁰

В.И.Гурко имел отношение и к состоявшемуся в Ставке за несколько дней до убийства Г.Е.Распутина тайному совещанию приближенных царя. Они решили, без особых последствий, задействовать июньский манифест о введении парламентаризма, назначении верховного министра и политической амнистии.⁴⁶¹

В.И.Гурко был причастен также к реанимации идеи о создании поста верховного начальника продовольственной части. В связи с неудачей по-

пытки А.Д.Протопопова вернуть продовольственное дело в МВД у Николая снова возникла мысль назначить «полномочное лицо для продовольствия армии, флота и тыла, согласовав все элементы этого дела в одних руках».⁴⁶² К идее о назначении верховным начальником В.Н.Воейкова Николай вернулся в конце ноября.⁴⁶³ Намерение царя одобрили только А.Д.Протопопов и царица. Во время встречи Николая с А.Ф.Треповым, состоявшейся 10 декабря в Ставке, царь передал ему «Положение о верховном начальнике продовольственной части» и повелел подготовить соответствующий законопроект для внесения в Думу. Дабы провалить осуществление замысла Николая, А.Ф.Трепов посоветовал императору поручить управляющему Министерством земледелия А.А.Риттиху представить подробные соображения «по существу означенного проекта».⁴⁶⁴ По уговору с премьером А.А.Риттих подготовил контрпроект, нацеленный на выхолащивание царского плана.⁴⁶⁵ Демарш А.Ф.Трепова завершился полным успехом. Идея о создании поста верховного начальника воплощения не получила. Характеризуя ее судьбу, А.Д.Протопопов отмечал: «Дело оставалось без исполнения, сопротивлялись Трепов, Макаров и другие лица. Они находили, что это задевало бы их права как министров».⁴⁶⁶

Единственным заметным результатом участия В.И.Гурко в политике стал написанный им по поручению Николая приказ императора армии и флоту, данный 12 декабря в ответ на пацифистскую ноту американского президента В.Вильсона. Приказ должен был развеять упорные слухи о склонности царя и его правительства к заключению сепаратного мира. Невозможность окончания войны приказ объяснял тем, что Германия не побеждена и «достижение Россией созданных войною задач: обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено».⁴⁶⁷

Несмотря на столь определенную волю Николая, в конце 1916 — начале 1917 г. Ставка перестала быть опорой монарха. Генералы «Главного штаба» (так иностранцы называли Ставку), телеграфировал Д.У.Бьюкенен 16 января 1917 г. на родину, открыто говорили, что «они более не желают государя». «Здесь общее чувство таково, — подчеркивал посол, — что если государь не уступит, то в течение ближайших недель что-нибудь произойдет или в форме дворцового переворота, или в форме убийства».⁴⁶⁸

Переориентация лояльности чинов Ставки с особы монарха на народное представительство затронула и В.И.Гурко. При посещениях Петрограда генерал общался с лидерами оппозиции, прежде всего — с председателем Думы. Так, 4 января В.И.Гурко посетил М.В.Родзянко и заявил, что «если Думу распустят, то войска перестанут драться».⁴⁶⁹ Накануне открытия сессии нижней палаты, 13 февраля, ее председатель информировал В.И.Гурко, который снова находился в столице, что у него имеются достоверные сведения: «подготовлен переворот и совершит его чернь». М.В.Родзянко попросил генерала указать на это царю и добиться от него уступок оппозиции.⁴⁷⁰ Во время встречи с Николаем, состоявшейся в тот же день, В.И.Гурко высказался в пользу «министерства доверия». При этом генерал нарушил нормы придворного этикета, задержав императора настолько, что он «опоздал вовсе к службе».⁴⁷¹

Поскольку усилия В.И.Гурко были бесплодны, перед ним вырисовывалась альтернатива дворцового переворота. После посещения Царского Села генерал поехал на обед, который давал его брат — выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете. На обеде присутствовали около сорока членов палат, в том числе А.И.Гучков. Мыслью о перевороте были проникнуты «все собравшиеся, все сказанное».⁴⁷²

Тесные связи В.И.Гурко с руководителями заговора привели его к противодействию попыткам императора пополнить гарнизон Петрограда надежными военными частями. Только после третьего приказа Николая генерал согласился на отправку гвардейского экипажа в Царское Село.⁴⁷³ Приказ императора об отправке в Петроград 3-й гвардейской кавалерийской дивизии В.И.Гурко отклонил под предлогом отсутствия в столице «свободных казарм».⁴⁷⁴ О поступке начальника штаба Николай с неудовольствием сообщил А.Д.Протопопову. Министр внутренних дел заявил, что «не удивлен слушанием» генерала, но надеется — царь «пожелает настоять на исполнении своего приказа». Николай заметил: «Да, конечно!»⁴⁷⁵

Впрочем, 18 февраля, после возвращения М.В.Алексеева из Севастополя и вступления его в должность начальника штаба, роль центральной политической фигуры Могилева снова перешла к нему. Несмотря на оппозиционность М.В.Алексеева, симпатия к нему Николая была такова, что даже в его отсутствие монарх оказывал генералу знаки своего благоволения. Николай телеграфировал М.В.Алексееву 7 декабря 1916 г.: «Надеюсь, южное солнце и воздух восстанавливают Ваше здоровье».⁴⁷⁶

Доверие императора к М.В.Алексееву затрудняло для него согласие на участие в низложении Николая. Генерал соглашался безоговорочно только на «изоляция царя от жены».⁴⁷⁷ В начале 1917 г. М.В.Алексеев говорил Г.Е.Львову, что «императрица совсем поработила императора и, не будучи способной к управлению страной, губит все».⁴⁷⁸ Когда заговорщики сообщили М.В.Алексееву, что «назревает переворот», генерал попросил «во имя сохранения армии не делать этого шага». Заговорщики обещали принять меры к предотвращению переворота. Но затем они посетили главнокомандующих Юго-Западным и Северным фронтами генералов А.А.Брусилова и Н.В.Рузского. Получив от них ответы «противоположного свойства», заговорщики, согласно рассказу М.В.Алексеева А.И.Деникину, изменили свое первоначальное решение, и «подготовка переворота продолжалась».⁴⁷⁹ А.А.Брусилов и Н.В.Рузский действительно были настроены резко оппозиционно. На состоявшемся 9 февраля 1917 г. совещании у М.В.Родзянко привели следующие слова главнокомандующего Юго-Западным фронтом: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией».⁴⁸⁰ В свою очередь, Н.В.Рузский, как и А.А.Брусилов, был парламентаристом.⁴⁸¹ Наряду с А.М.Крымовым Н.В.Рузский являлся участником февральского совещания, решившего, что, когда Николай «будет ехать из Ставки, его в районе армии Рузского задержат и заставят отречься».⁴⁸² Все это как будто бы доказывает истинность алексеевского рассказа. Однако он относится к периоду после февраля 1917 г., когда М.В.Алексееву было бы трудно принять на себя часть вины за то, что армию сохранить не удалось. Перекалывание им этой вины на других доказывает, что виноватым являлся и он.

Данные источников говорят о причастности М.В.Алексеева к подготовке свержения Николая. По словам А.А.Брусилова, до него доходили сведения, что «задумывается дворцовый переворот» и «предполагают провозгласить» наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии — Николая Николаевича. По свидетельству А.А.Брусилова, «главная роль» в перевороте предназначалась именно М.В.Алексееву, поскольку он «согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну».⁴⁸³ В свою очередь, великий князь Александр Михайлович отмечал, что М.В.Алексеев «связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора, Красного Креста и военно-промышленных комитетов».⁴⁸⁴ По другим сведениям, М.В.Алексеев заявил заговорщикам: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду».⁴⁸⁵ По «многим намекам и высказываниям» состоявший в распоряжении Н.В.Рузского генерал М.Д.Бонч-Бруевич догадывался, что к заговорщикам или, «по крайней мере, к людям, сочувствующим заговору», принадлежали не только А.А.Брусилов и Н.В.Рузский, но и М.В.Алексеев.⁴⁸⁶

Когда за две недели до революции член правой фракции Думы Г.А.Щечков, имея в виду переворот, заметил М.В.Родзянко, что «неизвестно, как отнесется к думской затее армия», М.В.Родзянко смело заявил: «Да генералы с нами».⁴⁸⁷ «В заговоре, — свидетельствовал князь Ф.Ф.Юсупов, — были все вплоть до генералов».⁴⁸⁸ «С фронта, — вспоминал член кадетской фракции А.М.Александров о ситуации кануна революции, — мы имели сведения, что там примут любой строй, но только не Николая II».⁴⁸⁹

М.В.Родзянко, Ф.Ф.Юсупов и А.М.Александров подразумевали прежде всего М.В.Алексеева, а уж затем — А.А.Брусилова, В.И.Гурко и Н.В.Рузского. В начале 1917 г. руководители армии во главе с М.В.Алексеевым если и не являлись активными сторонниками свержения царя, то, по крайней мере, не принадлежали и к числу активных противников этого.

А.Д.Протопопов указывал императору на «опасность доверять командование армиями лицам, оппозиционно настроенным». Но убеждение Николая, что у генералов «чувство патриотизма выше политических вожделений», — взяло верх, и доклады А.Д.Протопопова не изменили положения.⁴⁹⁰ Между тем свою деятельность на прежнем посту М.В.Алексеев начал с вызова императора в Ставку.⁴⁹¹ Это создало условия для воплощения плана А.И.Гучкова.

5. «Симптомы приближающейся революции». Бюрократическая элита и оппозиционные организации (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.)

Принятое в конце сентября 1916 г. принципиальное решение лидеров оппозиции, в том числе — руководителей общественных организаций, о необходимости свержения Николая не изменило примирительного отношения царя к оппозиции, хотя он и знал об этом решении.⁴⁹²

Осенью «один из видных общественных деятелей» Москвы приехал в Ставку и «довольно подробно» рассказал о задуманном перевороте двор-

цовому коменданту генералу В.Н.Воейкову. Генерал немедленно доложил обо всем услышанном императору.⁴⁹³ Но доклад В.Н.Воейкова особого впечатления на монарха не произвел. Николай нашел опасения дворцового коменданта «преувеличенными». У генерала создалось впечатление, что царь «все знает, но не высказывает своих мыслей, считая несвоевременным что-либо предпринимать, до окончания войны, против общественных деятелей».⁴⁹⁴

Стремление Николая к сохранению «священного единения» делало для него неприемлемым осуществление репрессивной политики. Наиболее рельефно это выявилося на примере отношения царя к А.И.Гучкову, которому оппозиционеры поручили подготовку переворота. Для выполнения возложенного на него поручения, спустя два-три дня после второго сентябрьского совещания, председатель ЦВПК приступил к организации технической группы. Ее членами стали Н.В.Некрасов, М.И.Терещенко, князь Д.Л.Вяземский и некий кавалерийский ротмистр.⁴⁹⁵ Появлению во главе группы октябристского лидера способствовало резкое полевение А.И.Гучкова. Член ЦК «Союза 17 октября» князь А.В.Оболенский, которого А.И.Гучков осенью посвятил в детали заговора, своим единомышленником его больше не считал. «Другим человеком представился мне Гучков, чем я знал его раньше, — вспоминал князь. — Умеренный, убежденный конституционный монархист стал открытым злым революционером, настроенным больше всего против особы государя императора».⁴⁹⁶

Царь имел полное представление о политическом облике А.И.Гучкова. «Гучков — Юань Шикай, — передавал содержание состоявшейся 28 сентября беседы Николая с новым управляющим МВД А.Д.Протопоповым его брат. — И он дружен и в переписке со всеми фрондерами — Куропаткиным, Рузским, Кривошеиным и даже с Алексеевым».⁴⁹⁷ По мнению Николая, председатель ЦВПК являлся «сторонником перемены государственного строя». Поэтому царь «особенно не любил» А.И.Гучкова и «общение с ним считал предосудительным».⁴⁹⁸ Однажды осенью П.Л.Барк сообщил Николаю, что собирается на официальное мероприятие, участником которого окажется А.И.Гучков. Император немедленно предупредил министра финансов: «Но не забывайте, когда вы увидите Гучкова, что он мой личный враг». «Я, — вспоминал П.Л.Барк, — был очень удивлен этим отношением государя, так как в течение трехлетней совместной работы он никогда не высказывал такого глубокого отвращения по отношению к кому бы то ни было».⁴⁹⁹

Зная о А.И.Гучкове почти все, Николай, ради сохранения «священного единения», избегал мести личному врагу. Между тем на проходившем 26–27 сентября в Петрограде съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, сообщил 9 октября Б.В.Штюрмер императору, А.И.Гучков согласился «ополчиться на борьбу с правительственной властью».⁵⁰⁰ Именно с октября 1916 г. протежируемая А.И.Гучковым Рабочая группа ЦВПК занялась «подготовкой масс для мятежных выступлений». Благодаря этому она приобрела репутацию «чисто революционной организации», обеспечивающей массовую поддержку Думе.⁵⁰¹ Но, узнав о сентябрьском выступлении А.И.Гучкова, Николай заметил Б.В.Штюрмеру, что

«для прекращения подобных выступлений достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылке из столицы».⁵⁰² Вопрос о наказании председателя ЦВПК за уже совершенный проступок не поднимался. Примирительное отношение царя к личному врагу доказывает ярче всего то, что Николай желал сотрудничества правительства с общественными организациями. Но это сотрудничество, по мнению царя, должно было протекать исключительно в рамках действовавшего закона.

Мнение Николая совпадало с точкой зрения управляющего МВД А.Д.Протопопов не являлся противником общественных организаций как таковых. Ему казалось необходимым сопротивление только той деятельности входивших в них «отдельных лиц», которая была направлена «к ниспровержению государственного устройства».⁵⁰³ Признание А.Д.Протопоповым необходимости законной деятельности общественных организаций создавало довольно двусмысленные ситуации, поскольку они постоянно выходили за ее рамки. Когда председатель московской губернской земской управы А.Е.Грузинов попросил у А.Д.Протопопова разрешения на проведение совещания председателей губернских земских управ, такое разрешение последовало немедленно.⁵⁰⁴

Состоявшееся 25 октября совещание вынесло резкую антиправительственную резолюцию.⁵⁰⁵ Управляющий МВД оказался в положении «несколько растопыренным».⁵⁰⁶ Тем не менее от сотрудничества с общественными организациями А.Д.Протопопов не отказался. Это продемонстрировал его циркуляр от 1 ноября, адресованный губернаторам и градоначальникам. Подчеркнув, что разрешение необходимо только для всероссийских и областных съездов общественных организаций, А.Д.Протопопов заявил, что созыв их совещаний и комитетов должен допускаться «беспрепятственно». Управляющий МВД выражал уверенность, что при пользовании своими полномочиями администраторы проявят «должную осмотрительность, имея в виду, с одной стороны, поддержание государственного порядка и спокойствия, а с другой — ту важную и нужную в настоящее время для нашей доблестной армии работу, которую несут всякие общественные организации».⁵⁰⁷ В отличие от министров руководители Земского и Городского союзов были настроены бескомпромиссно.

В начале ноября Г.Е.Львов информировал М.В.Родзянко, что возникла группа, которая намерена «добиваться перемен в конструкции правительственной власти и объединяющая русскую общественность». После этого у председателя бюро Прогрессивного блока в Государственном совете барона В.В.Меллер-Закомельского произошло совещание. Его участниками были лидеры оппозиции в обеих палатах и руководители союзов — Н.И.Астров, Н.М.Кишкин, Г.Е.Львов и М.В.Челноков. Последние выступили за радикализацию тактики Думы «в связи с обостренным настроением общества и назревавшим революционным брожением». Г.Е.Львов потребовал от депутатов «прямого выступления, граничащего с переходом на путь революционной борьбы». Думцы считали, что легальная тактика себя не исчерпала. Поэтому они не поддержали руководителей союзов. А.Д.Протопопов узнал о совещании от одного из его участников. Беседуя 19 ноября с Н.В.Савичем, управляющий МВД, намекнув на свою осведом-

ленность, утверждал, что «его отставки добиваются конституционалисты, которые хотят заставить государя присягнуть на верность конституции, т.е. парламентаризму на западный образец».⁵⁰⁸

Несмотря на радикализацию оппозиционности союзов, новый премьер А.Ф.Трепов, выступая в Думе 19 ноября с декларацией, дал положительную оценку их деятельности. «В деле обеспечения государственной обороны, — заявил он, — наряду с мероприятиями правительства и законодательных установлений, проявился выдающийся почин земств, городов, общественных организаций и частных лиц. Эту высокопатриотическую деятельность правительство приветствует и всячески пойдет навстречу целесообразному ее развитию».⁵⁰⁹ Впрочем, отношение А.Ф.Трепова к общественным организациям отличала двойственность.

Наученный горьким опытом с октябрьским совещанием, кабинет постановил подобного рода «съездов» «не допускать».⁵¹⁰ Именно поэтому поднятый телеграммой М.В.Челнокова от 4 декабря вопрос о проведении в Москве 5-го съезда Союза городов и совещания по продовольственному вопросу представителей союзов и ЦВПК правительство А.Ф.Трепова решило отрицательно. Ведя двойную игру, премьер, однако, передал М.В.Челнокову на словах, что предоставляет окончательное решение данного вопроса командующему войсками Московского военного округа генералу И.И.Мрозовскому. Но после этого он получил по телефону приказ А.Ф.Трепова «съезда не разрешать».⁵¹¹ Когда 9 и 11 декабря съезд и совещание собрались явочным порядком, полиция их закрыла. Оппозиционеры успели принять подготовленные накануне резолюции об «ответственном министерстве».

Декабрьские события стали результатом эрозии монархического правосознания, которая, помимо общественных деятелей, затронула бюрократов и придворных. Активными участниками съезда и совещания стали сенатор гофмейстер А.А.Эйлер, председатель киевской губернской земской управы камергер М.А.Суковкин и член Думы камер-юнкер И.А.Каншин. Подписи двух последних не стояли под резолюциями только потому, что принятие их состоялось на «летучих» собраниях. Подпись же А.А.Эйлера стояла в числе 11 подписей под резолюцией, требовавшей создания «ответственного министерства» и призывавшей Думу не расходиться, пока это требование не будет удовлетворено.⁵¹²

Запрещение политических мероприятий оппозиции не означало отказа кабинета от соглашения с ней или тем более переориентации сановников на крайне правое движение. В это же самое время правительство рассмотрело ходатайство черносотенных лидеров о разрешении созыва в конце ноября или в декабре съезда монархических объединений. Крайне правые запланировали его в качестве противовеса акциям оппозиции. Кабинет, указав на то, что «созыв всякого рода съездов признан, во время войны, в общем недопустимым», не усмотрел «достаточных оснований для отступления от объясненного общего начала».⁵¹³ Черносотенцы получили отказ. Тем не менее они активизировали свою деятельность. Ее характерное проявление — телеграмма Николаю председателя Астраханской народно-монархической партии Н.Н.Тихановича-Савицкого, за

спиной которого стоял назначенный член правой группы Государственного совета Н.А.Маклаков. Телеграмма, отправленная 2 декабря, была адресована не только монарху, но и А.Д.Протопопову, А.Ф.Трепову и министру двора графу В.Б.Фредериксу.

«Государь! — обращался Н.Н.Тиханович к императору. — Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем». Одним из оснований для такого пессимистического вывода Н.Н.Тиханович считал то, что астраханский городской голова П.С.Кравченко, после посещения Петрограда и Москвы, в частном заседании городской думы 29 ноября передал гласным «возмутительные слухи о царице». После этого гласный Н.И.Долгополов произнес «зажигательную, обидную для царицы речь». Объясняя тактику лидеров оппозиции, Н.Н.Тиханович писал: «Государь! План интриги ясен: пороча царицу и указывая, что все дурное идет от нее, внушают этим населению, что ты слаб, а значит — надо управление страной взять от тебя и передать Думе».⁵¹⁴

Для предотвращения надвигавшегося переворота Н.Н.Тиханович предложил «действительные меры», о которых А.Ф.Трепов, информируя царя о телеграмме, доложил ему 10 декабря. Такими мерами Н.Н.Тиханович считал «арест и высылку из пределов России Львова, Челнокова, Гучкова, Милукова» и «поставление Государственной думы, Совета, городских и земских учреждений и общественных организаций в такие условия, при которых они не могли бы угнетать страну ложными преступными слухами и способствовать подготовляемому внешним врагом России государственному перевороту». Н.Н.Тиханович находил необходимым «заявление с высоты трона осуждения таковой преступной деятельности и применение кар за ослушание до расстрела включительно», «призыв страны к дружной работе с правительством, без каких бы то ни было условий» и «сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица, безусловно правого».

В конце полного текста телеграммы, также представленного Николаю премьером, астраханский черносотенец, сообщив о том, что ее копия послана царю «через верных людей», объяснял это тем, что министр двора болен, А.Ф.Трепова он не знает, а А.Д.Протопопову не доверяет, «как члену Прогрессивного блока и министру, при котором беспрепятственно допускается, к великому соблазну, открытая работа для ниспровержения государственного строя и династии, несмотря на то, что в его распоряжении находятся и губернаторы, и тайная полиция». Доводя до сведения царя процитированные строки, А.Ф.Трепов дал понять Николаю, что, поскольку А.Д.Протопопов антипатичен не только левым, но и правым, те, кто выступает против него, в том числе и премьер, являются такими же лояльными монархистами, как и защитники А.Д.Протопопова. Для противопоставления протопоповской мягкости, на которую обращал внимание Н.Н.Тиханович, собственной твердости А.Ф.Трепов доложил императору, что ходатайство М.В.Челнокова о разрешении декабрьских съездов Совет министров отверг.⁵¹⁵

Рекомендациям Н.Н.Тихановича Николай, в отличие от императрицы, не придал никакого значения. Соглашаясь с тем, что А.И.Гучкова, Г.Е.Львова и П.Н.Милукова за их антиправительственную деятельность

надо «сослать в Сибирь», Александра Федоровна писала мужу: «Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять».⁵¹⁶ Однако мнению жены Николай тоже не придал никакого значения. Несмотря на рост оппозиционности союзов, император и его правительство по-прежнему шли на самое тесное сотрудничество с ними.

Стремление бюрократической элиты к сохранению «священного единения» нашло свое выражение в массивном финансировании деятельности оппозиционных организаций. На заседании кабинета 23 декабря было принято решение об отпуске Городскому союзу на покрытие расходов за вторую половину 1916 г. 16 019 050 рублей. Это решение царь утвердил 18 января 1917 г.⁵¹⁷ Ассигнования Городскому союзу на первое полугодие 1917 г. составили 65 786 895 рублей.⁵¹⁸ Кроме того, в конце 1916 – начале 1917 г. Особое совещание по обороне авансировало Земгору 38 651 955 рублей 65 копеек, 17 604 фунта, 137 500 франков, 6 588 720 шведских крон и 43 635 долларов, а ЦВПК – 35 775 030 рублей 32 копейки.⁵¹⁹

Финансирование оппозиционных организаций кабинет осуществлял за счет недофинансирования государственных учреждений. «По статьям сметы Земского союза, – вспоминал А.Д.Протопопов, – ассигнования были щедры, они возбуждали нашу зависть, так как превышали соответствующие позиции в сметах министерств. Убавить эти сметные ассигнования Земскому союзу министры все же не решались: боялись печати и разговоров в обществе».⁵²⁰

Ориентация правительства на оппозицию сопровождалась его дистанцированием от черносотенцев. Оно было характерно и для Николая. Когда царица сообщила супругу, что А.И.Дубровин добивается встречи с ней, царь ответил: «Лучше не принимай Дубровина теперь».⁵²¹ Минимальному вниманию Николая и правительства к черносотенцам соответствовали получавшиеся ими субсидии.

В конце 1916 г. – начале 1917 г. МВД передало на издательские нужды: Н.Е.Маркову 2-му – 50 000, Г.Г.Замысловскому – 12 000 и В.Г.Орлову – 2000 рублей. Общество для борьбы с дороговизной Г.И.Кушнырь-Кушнарера получило 100 000 рублей.⁵²² Перечисленные суммы были несопоставимы с казенными субсидиями, поступавшими в распоряжение оппозиционных организаций. Это вызывало недовольство правых.⁵²³ Но царь и правительство его игнорировали, продолжая на рубеже 1916–1917 гг. оказывать массивную финансовую поддержку союзам и комитетам. Их оппозиционность, однако, не снизилась.

Более того, именно тогда заговорщики из числа руководителей общественных организаций приняли последние решения. В конце декабря в Москве на квартире М.В.Челнокова произошло тайное совещание. Среди его участников были Н.И.Астров, С.В.Бахрушин, П.А.Бурышкин, Н.М.Кишкин, Г.Е.Львов, В.А.Маклаков, П.Н.Милюков и Т.И.Полнер.⁵²⁴ Г.Е.Львов, сославшись на свои беседы с организаторами заговора, сообщил, что «в ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота». В подготовку переворота, по словам Г.Е.Львова, были вовлечены «и военные круги, и великие князья, и политические деятели». В ходе пере-

ворота, заявил он, предполагается «устранить» Николая и Александру Федоровну.⁵²⁵ Участники совещания наметили состав того Временного правительства, которое пришло к власти во время Февральской революции. Кроме того, они поддержали мысль о возведении на престол цесаревича Алексея и регентстве великого князя Михаила Александровича.⁵²⁶

Воплощение своих надежд оппозиционеры связывали с А.И.Гучковым. Его план заключался в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство».⁵²⁷

В конце 1916 г. приготовления к осуществлению плана А.И.Гучкова были закончены. Уже 8 января 1917 г. он предупредил английского посла Д.У.Бьюкенена, что перед Пасхой, т.е. до 2 апреля, «должна произойти революция», которая «продлится не больше двух недель».⁵²⁸ Революцию заговорщики приурочили к этому сроку потому, что 12 апреля предполагалось начать наступление русской армии.⁵²⁹

Переход оппозиции в новое качество не ускользнул от внимания А.Д.Протопопова. В конце декабря он заявил корреспонденту «Нового времени» Я.Я.Наумову, что у него имеются данные, свидетельствующие «о симптомах приближающейся революции». К таким данным министр отнес резолюцию совещания представителей областных военно-промышленных комитетов, проходившего 13–15 декабря в Петрограде под председательством А.И.Коновалова. На совещании члены Рабочей группы ЦВПК призвали к созданию Временного правительства. Резолюция требовала «перейти от слов к делу».⁵³⁰

В конце декабря А.Д.Протопопов говорил великому князю Александру Михайловичу, что союзы и комитеты «суть организации революционные».⁵³¹ Но масштабного наступления на оппозицию А.Д.Протопопов не планировал. Он полагал, что сама по себе оппозиция слаба, поскольку ее активные участники составляют меньшинство и оторваны от народа. Той же точки зрения придерживался и Николай.

Во время аудиенции, данной 25 декабря французскому послу Ж.М.Палеологу, в ответ на его слова об обострении ситуации внутри России Николай заметил: «Я знаю, что в петроградских салонах сильно волнуются».⁵³² Царь был уверен, что оппозиционеры могут играть в революцию, но не решаться ее возглавить. Воспринимая лидеров оппозиции не слишком серьезно, монарх, однако, по-прежнему стремился к соглашению с ними. Примирительное отношение Николая к общественным организациям пытались поколебать черносотенцы.

В конце декабря в Петрограде появился Н.Н.Тиханович-Савицкий. Он вознамерился открыть глаза императору на заговорщическую деятельность оппозиционеров. Ходатайствуя об аудиенции у Николая, Н.Н.Тиханович говорил А.А.Вырубовой, что «привез доказательство и документы на счет опасной пропаганды, которая ведется Союзом земств и городов с помощью Гучкова, Родзянко и других в целях свержения с престола государя». От общения с астраханским черносотенцем император

отказался, мотивируя это тем, что «слишком занят». Побеседовать с Н.Н.Тихановичем Николай поручил императрице. Выслушав Н.Н.Тихановича, Александра Федоровна сказала А.А.Вырубовой, что «опасения его преувеличены». ⁵³³ Серьезность намерений лидеров оппозиции недооценивала и царица.

Н.Н.Тиханович, явно преувеличивая значение своей миссии, встретился с новым премьером князем Н.Д.Голицыным и министрами, неугодными оппозиции, — Н.А.Добровольским, А.Д.Протопоповым и Н.П.Раевым.

Министра внутренних дел Н.Н.Тиханович уговаривал дать ход делу П.С.Кравченко. «Ко вчерашнему разговору: порочить царицу и царя допускать нельзя, — обратился Н.Н.Тиханович к А.Д.Протопопову 28 декабря, — следует потребовать привлечения городского головы Кравченко к строгой ответственности за допущение этого в “частном совещании” гласных городской думы. Малая кучка навела такой террор на правых гласных, что они теперь боятся показывать, что говорилось; надо допросить под присягой. Точные указания даны мною астраханскому губернатору и жандармскому полковнику. Дело должно послужить в назидание подобным сборищам всей России и заминать его ни в каком случае не следует». ⁵³⁴

Не добившись аудиенции у монарха, Н.Н.Тиханович, однако, по-прежнему надеялся повлиять на него. Поэтому 30 декабря астраханец передал Николаю через флаг-капитана царя адмирала К.Д.Нилова письмо, которое свидетельствовало о высокой степени осведомленности его автора. «Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, — говорилось в этом письме, — пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот». Оппозиционеры, по сведениям Н.Н.Тихановича, рассчитывали «или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготовляет авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношение с видными военачальниками, количество которых в его шайке, по слухам, все увеличивается». Н.Н.Тихановичу было известно, что в Москве перед Рождеством имели место ночные совещания при участии Н.И.Астрова, Павла и Петра Д.Долгоруковых, Г.Е.Львова, П.Н.Милокова, М.В.Челнокова и А.И.Шингарева. Автор письма знал и то, что на этих совещаниях раздавались «голоса об удалении царя», «громко» упоминалось имя Павла I и говорили «о необходимости заранее наметить Временное правительство». Н.Н.Тиханович рекомендовал «разогнать московскую шайку и составить Главный комитет Союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний Комитет полностью», поскольку «если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело». ⁵³⁵ Царь, однако, придерживался иного мнения, наложив на письмо Н.Н.Тихановича следующую резолюцию: «Во время войны общественные организации трогать нельзя». ⁵³⁶

Таким образом, ради сохранения фикции «священного единения» Николай по-прежнему стремился к сотрудничеству с общественными организациями, хотя о подготовке их руководителями заговора против него царю было хорошо известно. Когда во время аудиенции, данной Николаем английскому послу Д.У.Бьюкенену 30 декабря, он попросил

императора «уничтожить стену», отделяющую монарха от народа, и «снова приобрести его доверие», Николай, подразумевая лидеров оппозиции, говоривших от имени народа, выпрямился во весь рост и, жестко глядя, спросил: «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?» Обоснованное недоверие к лидерам оппозиции царь не переносил на все общественные организации в целом. Он отозвался «с похвалой об услугах, оказанных земствами во время войны», заметив только, что «не одобряет позиций и политических речей некоторых из их вождей». ⁵³⁷

Стремление Николая к сотрудничеству с органами самоуправления не только во время войны, но и после нее продемонстрировал императорский рескрипт, данный князю Н.Д.Голицыну 6 января 1917 г. «В предстоящей деятельности по устройству хозяйственной жизни страны, — говорилось в рескрипте, — незаменимою опорой правительства явятся земства, которые работою своею как в мирное время, так и в годину войны доказали, что в них неугасимо сохраняются светлые заветы устроителя земской жизни незабвенного моего деда императора Александра II». ⁵³⁸ Даже после эскалации оппозиционной деятельности союзов от сотрудничества с ними Николай так и не отказался. Но сотрудничество это мыслилось ему только в рамках закона, не предусматривавшего вмешательства органов местного самоуправления в политику. Между тем, лидеры союзов постоянно содействовали их политизации. Мерой, направленной на предотвращение этого, стал циркуляр А.Д.Протопопова от 11 января.

Непосредственной причиной появления циркуляра были настояния Н.Н.Тихановича о привлечении к ответственности астраханского городского головы. Циркуляр предписывал губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания. ⁵³⁹

А.Д.Протопопов боролся против не общественных организаций вообще, а лишь их политической деятельности, будучи при этом исключительно на почве закона. Поэтому данная мера не встретила поддержки у Н.Н.Тихановича. Полагая, что циркуляр «не достигнет цели», он телеграфировал министру внутренних дел: «Невозможно с революционерами, уверенными, что через два — четыре месяца они станут господами положения, бороться путем эволюционным. Представить о них в Сенат или привлечь по Городовому положению — не страшно и затянется дело, сейчас нужны радикальные устрашающие меры». ⁵⁴⁰ Экстремистские взгляды Н.Н.Тихановича ни А.Д.Протопопов, ни тем более парламентаристы не разделяли.

Министры с Н.Д.Голицыным во главе хотели сохранить «если не дружественные, то надлежащие отношения» с оппозиционными организациями. ⁵⁴¹ Впрочем, несмотря на политическую солидарность парламентаристов и лидеров оппозиции, первые не шли на полное отождествление себя с последними. Это затруднялось наличием у некоторых из парламентаристов придворных отличий, которые табуировали слишком открытое примыкание к оппозиции.

Придворное отличие проводило между его обладателем и, так сказать, профессиональным оппозиционером невидимую сразу, но трудно переходимую черту, проявлявшуюся даже тогда, когда придворный по общему духу своего политического мировоззрения был намного ближе именно к оппозиции, а не монарху. Характерна ситуация, в которую попал граф П.Н.Игнатьев, удаленный из кабинета за свой чрезмерный либерализм, но возведенный после этого во вторые чины двора. Опальный шталмейстер получил от уполномоченного Земского союза и члена кадетского ЦК И.П.Демидова приглашение войти в союз. Однако в письме от 16 января А.В.Кривошеину граф задал симптоматичным вопросом: «Не будет ли это слишком большой демонстрацией? А я совершенно не желаю ее делать. И так газеты сослужили мне скверную службу, растрুবив мой угод». В таком же положении находился и ушедший вместе с П.Н.Игнатьевым с поста товарища министра народного просвещения камергер А.К.Рачинский, который «готов со мною куда угодно, — сообщал граф, — но не хочет играть роли чучелы или пугалы в “общественных” руках!» Не исключая для себя и А.К.Рачинского подобного исхода («Конечно, если ничего другого нет, нам обоим придется и на это идти»), П.Н.Игнатьев, однако, делал вывод, что идти на это «в такую пору — нам не приходится».⁵⁴²

Теперь уже невозможно сказать, что предотвратило вступление П.Н.Игнатьева в Земский союз — его лояльность или революция. Так или иначе, но ради сохранения фикции «священного единения» от черносотенцев дистанцировались не только парламентаристы, но и дуалисты. В середине января Н.Д.Голицын отклонил ходатайство крайне правых о разрешении их съезда, мотивировав это «недопустимостью, в настоящее время, вообще каких бы то ни было политических съездов».⁵⁴³ Однако при всей благожелательности по отношению к оппозиционным организациям Н.Д.Голицын не мог не реагировать на явные злоупотребления, имевшие место внутри союзов. Одним из таких злоупотреблений было наличие среди союзных служащих большого числа лиц, уклоняющихся от военной обязанности. Внимание на это обратил сам император.

Читая записку члена думской фракции националистов М.В.Митроцкого, признанной Николаем, согласно его резолюции от 17 января, «достойной внимания», царь отчеркнул абзац о том, что «все военнообязанные, находящиеся на службе во всех “общественных” организациях и уездных земских управах, исключая председателей последних и руководителей отдельных учреждений, непременно должны быть призваны на действительную военную службу».⁵⁴⁴

Указание царя не означало того, что он решил отказаться от сотрудничества с земствами. Беседуя с Д.У.Бьюкененом 21 января, в ответ на его замечание, что функция распределения продовольствия «могла бы быть с успехом вверена земствам», Николай согласился, что министр земледелия «должен воспользоваться услугами земств».⁵⁴⁵

Н.Д.Голицын посоветовал Николаю назначить особого ревизора для проверки правильности отсрочек, даваемых союзным служащим. А.Д.Протопопов поддержал идею ревизии, тем более что за ее проведение высказывался ранее. Он говорил в конце декабря 1916 г.: «Это не общественность, а

лже-общественность. Я сам старый земец и потому хорошо понимаю и вижу, какие элементы объединены в этих союзах. Там больше взяточников и уклоняющихся от воинской повинности, чем земцев и общественных деятелей. Правительство должно вывести их на свежую воду. Нужно, чтобы они были разоблачены путем назначения ревизии от контроля».⁵⁴⁶

По поводу ревизии А.Д.Протопопов заявил императору, что «подобная проверка полезна».⁵⁴⁷ Ее производство Николай поручил назначенному члену правой группы Государственного совета и сенатору князю А.А.Ширинскому-Шихматову.

Оппозиционеры расценили ревизию как наступление на общественные организации, инспирированное черносотенцами. Казалось бы, что основания для такого вывода были. Ведь именно черносотенцы рекомендовали провести, в целях «ослабления Зем-Города», его ревизию, выступая за привлечение в строй «людей, освобожденных от воинской повинности по ходатайствам Зем-Города».⁵⁴⁸ Однако рекомендация крайне правых, указывая на реальную проблему, не содержала демагогического подтекста. Уже после революции М.В.Челноков жаловался, что «и теперь министры стараются нас все время дискредитировать» и «несколько раз указывали, что союзы — это место, где скрываются от воинской повинности». М.В.Челноков удивлялся, что даже военный министр А.Ф.Керенский «предъявил нам то же самое обвинение, что у нас прячутся».⁵⁴⁹

Карательной мерой ревизия А.А.Ширинского-Шихматова не была еще и потому, что сам он собирался применить репрессии по отношению только к некоторым членам союзов.⁵⁵⁰ Помощниками А.А.Ширинского-Шихматова стали либеральные сенаторы А.В.Степанов и В.А.Брюн-де-Сент-Ипполит. Во время подготовки ревизии союзов об их полном закрытии речи не шло.

Примирительное отношение Н.Д.Голицына к оппозиционным организациям показательно тем более, что он отдавал себе полный отчет в конечных целях их деятельности. Незадолго до революции Н.Д.Голицын говорил А.Д.Протопопову, что «у союзов готов состав Временного правительства, и отделы союзов соответствуют соответствующим министерствам».⁵⁵¹ Если ревизию А.А.Ширинского-Шихматова нельзя признать исключительно политической акцией, то таковой, наоборот, явился последовавший 27 января арест Рабочей группы ЦВПК.

Группа способствовала повышению антиправительственных настроений среди рабочих. В этом сходились и полицейские, и революционеры.⁵⁵² Инициатором ареста стал А.Д.Протопопов. Он расценивал рабочие группы как «организацию рабочих по всей России, центральный орган которой находится в Петрограде». Рабочую группу ЦВПК руководитель МВД считал «повторением организации Хрусталева-Носаря в 1905 г.»⁵⁵³ т.е. Петербургского Совета рабочих депутатов.

Отрицательное отношение А.Д.Протопопова к рабочим группам объяснялось его умеренной позицией по рабочему вопросу в целом. «На фабриках заряд есть, — информировал А.Д.Протопопов А.В.Кривошеина еще 14 июля 1915 г., — разрешать его нужно скорее, но крайне осторожно, скажу — любовно. Необходимо знать, что сам хочет и чего хочет “труд”. Опасно забегать вперед — т.е. передать; опасно, вовремя, недодать; надо попасть

в точку».⁵⁵⁴ Впрочем, пока позиция Рабочей группы ЦВПК не имела откровенно антиправительственного характера, А.Д.Протопопов относился к ней нейтрально. Более того, в октябре 1916 г. он «добился, чтобы пропустили воззвание Рабочей группы, очень полезное».⁵⁵⁵

После наметившейся в октябре 1916 г. резкой радикализации деятельности Рабочей группы ЦВПК отношение к ней А.Д.Протопопова изменилось. По его мнению, она была «связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией».⁵⁵⁶ Действительно, председатель Рабочей группы К.А.Гвоздев находился в постоянном контакте с председателем ЦВПК А.И.Гучковым. Члены группы верили в «силу» А.И.Гучкова и его заместителя А.И.Коновалова и признавали, что от них «именно и будет зависеть последний и решительный сигнал к началу “второй великой и последней всероссийской революции”».⁵⁵⁷ Кроме того, А.Д.Протопопов имел информацию об участии в деятельности группы А.Ф.Керенского.⁵⁵⁸ Управляющий МВД полагал, что «надо прервать связь между оппозицией и рабочими»,⁵⁵⁹ т.е. арестовать Рабочую группу. Повод к этому дала она сама.

В начале января 1917 г. руководители Рабочей группы провоцировали думцев на неподчинение царскому указу о переносе начала думской сессии с 12 января на 14 февраля.⁵⁶⁰ В середине января, по инициативе А.Ф.Керенского и с молчаливого согласия А.И.Гучкова, группа приступила к подготовке намеченного на 14 февраля рабочего шествия к Таврическому дворцу. Шествие должно было завершиться предъявлением Думе требования о замене царского правительства «правительством народного спасения».⁵⁶¹ Решение группы доказывало, что лидеры оппозиции намереваются от слов перейти к делу. Не случайно, что 27 января Г.Е.Львов и М.В.Челноков представили лорду А.Мильнеру особую записку. Смысл ее сводился к тому, что «если позиция царя не изменится, то в течение трех недель вспыхнет революция».⁵⁶² В это время А.И.Гучков, А.И.Коновалов и Г.Е.Львов были уверены в неизбежности уже «назревшего переворота».⁵⁶³

Ввиду активизации Рабочей группы главный начальник Петроградского военного округа генерал С.С.Хабалов согласился с мыслью А.Д.Протопопова о ее аресте. Перед этим генерал, настроенный примирительно по отношению к оппозиции, послал А.И.Гучкову предупредительное письмо. Его проект был одобрен Советом министров. Письмо запрещало собрания группы без предварительного извещения полиции, поскольку в них участвовали посторонние лица, произносившие «революционные речи». Хотя для ответа на письмо был установлен трехдневный срок, А.И.Гучков не ответил. Посторонние лица по-прежнему приходили на собрания группы. Тем не менее А.Д.Протопопов никак не мог решиться санкционировать арест. Он ссылаясь «на недовольство, которое будет вызвано у общественности», и «на то, что Рабочая группа, как выборная, по его мнению, пользуется правом неприкосновенности».⁵⁶⁴ За разрешением своих сомнений А.Д.Протопопов обратился к императору. Выступая за арест группы, министр заявил Николаю, что «можно опасаться забастовки, вследствие ареста», но «арест все же произвести надо». Царь ответил: «Что же делать? Арестуйте».⁵⁶⁵

Все члены группы, кроме трех, один из которых — В.М.Абросимов — оказался провокатором, были арестованы 27 января по обвинению в принадлежности к сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего государственного строя, т.е. по признакам преступления, предусмотренного статьей 102 Уголовного уложения. Правительственное сообщение от 30 января, составленное директором Департамента полиции А.Т.Васильевым и отредактированное И.Я.Гурляндом, объявило целью деятельности группы превращение России в «социал-демократическую республику».⁵⁶⁶ Сообщение, по свидетельству осведомленного современника, «соответствовало действительности».⁵⁶⁷ На следующий день после ликвидации группы А.И.Коновалов ходатайствовал об оставлении К.А.Гвоздева под домашним арестом. Ходатайство А.И.Коновалова было удовлетворено. Благодаря этому К.А.Гвоздев имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями».⁵⁶⁸ Внимание, оказанное просьбе А.И.Коновалова, свидетельствовало о том, что арест не являлся признаком окончательного разрыва правительства с лидерами оппозиции. Между тем накануне созыва Думы А.Т.Васильев обращал внимание своего шефа на «резко намечающийся за последние дни яркий авантюризм наших доморощенных “Юань-Шикаев”» в лице А.И.Гучкова, А.И.Коновалова и Г.Е.Львова. Они, по сведениям Департамента полиции, хотели «сделаться вождями и руководителями анархически-стихийной революции».⁵⁶⁹ Зная о заговорщической деятельности А.И.Гучкова, Николай «боялся» председателя ЦВПК, считая его за «авантюриста и явно враждебного» к нему человека.⁵⁷⁰ Несмотря на это, царь отказался от ареста А.И.Гучкова. Задержание председателя ЦВПК было предотвращено мнением товарища прокурора петроградской судебной палаты И.К.Смирнова, занимавшегося делом Рабочей группы.

И.К.Смирнов полагал, что хотя причастность А.И.Гучкова к делу «несомненна», но поводов для привлечения его к суду «не имеется». Это мнение А.Д.Протопопов доложил императору, заметив, что арест А.И.Гучкова «только увеличил бы его популярность». Выступая против ареста, А.Д.Протопопов сообщил, что в ЦВПК «происходят, как говорят, злоупотребления и, если они обнаружатся, то репутация А.И.Гучкова будет подорвана; правительство же будет в стороне».⁵⁷¹ Николай согласился с точкой зрения А.Д.Протопопова. Если царь и министр внутренних дел не хотели полного разрыва с лидерами оппозиции, то последние его всячески желали.

Бескомпромиссность оппозиционеров показало состоявшееся 29 января совещание представителей ЦВПК, союзов, Прогрессивного блока и рабочих групп (одним из них был В.М.Абросимов). А.И.Гучков ознакомил участников совещания с обстоятельствами дела Рабочей группы. Совещание решило «избрать из своей среды особо-законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности».⁵⁷²

Полицейский отчет о совещании, составленный на основе сведений, переданных В.М.Абросимовым, А.Д.Протопопов приложил к письму А.А.Вырубовой. В нем, информируя о влиянии ареста Рабочей группы на

оппозицию, министр сообщал, что «настроение понизилось». А.Д.Протопопов был уверен, что А.А.Вырубова это письмо покажет императрице. Через три дня, делая доклад Николаю, министр показал отчет и ему. Царь «интересовался» отчетом и прочел его сам. Действиями А.Д.Протопопова Николай и Александра Федоровна были «довольны». ⁵⁷³

Оптимизм Николая, наполнявший его накануне революции, объяснялся не только действиями А.Д.Протопопова, но и верой царя в абсолютную лояльность низов. Когда в конце января флигель-адъютант А.А.Мордвинов сообщил Николаю о своей встрече с неким стариком из народа, просившим предупредить императора о подготовке против него заговора, Николай ответил: «Ах, опять о заговоре, я так и думал, что об этом будет речь, мне и раньше уже говорили... добрые, простые люди все беспокоятся... я знаю, они любят меня и нашу матушку Россию и, конечно, не хотят никакого переворота. У них то уж наверно более здравого смысла, чем у других». ⁵⁷⁴

Лояльность огромной народной массы, в том числе солдат, была, с точки зрения царя, самым лучшим нейтрализатором опасности со стороны кучки оппозиционеров и делала попросту ненужной карательную политику. Во время состоявшейся 16 февраля встречи Николая с генералом А.А.Мосоловым ⁵⁷⁵ император, отвечая на соображения о целесообразности какой-то меры с династической точки зрения, заявил довольно резко, видимо взволнованный: «Как! И вы, Мосолов, говорите мне о династической опасности, о которой мне в эти дни протрубили уши?! Неужели и вы, бывший со мною во время моих объездов войск и видевший, как солдаты и народ меня принимают, тоже трусите?» ⁵⁷⁶ Отказываясь от употребления карательных мер, император исходил не только из веры в лояльность народных масс.

Николай находился в плену слишком тонкого расчета, согласно которому лидеры оппозиции «не захотят необдуманными действиями подвергнуть риску результаты войны, столь дорого стоившей стране». ⁵⁷⁷ Переоценивая лояльность общественных деятелей, Николай недооценивал всю радикальность настроений, разделявшихся ими.

В ответ на правительственное сообщение об аресте Рабочей группы по поручению бюро ЦВПК А.И.Гучков отправил Н.Д.Голицыну письмо, в котором откровенно признавался: «Расходясь подчас с Рабочей группой в ее политических и социальных воззрениях, комитет в то же время согласен с этой группой в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом». ⁵⁷⁸

Посылая письмо премьеру, руководители ЦВПК надеялись на то, что Н.Д.Голицын и министр торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской относятся к рабочему вопросу «более терпимо», чем А.Д.Протопопов и военный министр генерал М.А.Беляев. «В либеральных кругах, — отмечал полицейский аналитик, — много говорят на тему о возможности несогласий между князем Голицыным и А.Д.Протопоповым вообще. На этом строятся возможные и невозможные предположения». ⁵⁷⁹ Предположения оппозиционеров оправдались.

Когда А.И.Гучков и А.И.Коновалов лично посетили премьера и «объяснили всю неразумность предпринятого шага», Н.Д.Голицын, расхившийся с А.Д.Протопоповым, воспринял объяснения руководителей ЦВПК «благосклонно». Князь обещал «еще раз пересмотреть» дело «рабочих депутатов». Н.Д.Голицын солидаризировался с оппозиционерами. Он заявил, что «совершенно разделяет» их точку зрения. Допуская в деятельности Рабочей группы «несерьезные правонарушения», Н.Д.Голицын полагал, что было «политически неумно принимать по отношению к ним такие вызывающие меры». У А.И.Гучкова осталось впечатление, что князь оказался бы, вспоминая председателя ЦВПК, «на нашей стороне, если бы это дело еще раз дошло до обсуждения в Совете министров». ⁵⁸⁰

После встречи с оппозиционерами Н.Д.Голицын говорил А.Д.Протопопову, что, арестовав группу, он «сделал ошибку». ⁵⁸¹ Политические расхождения между премьером и министром внутренних дел достигли такой степени, что одну и ту же меру, формально исходившую от объединенного правительства, они оценивали с противоположных точек зрения. Противоречия не только между парламентаристами и дуалистами, но и между дуалистами парализовали сопротивление старого режима надвинувшейся революции.

6. «Коренные изменения».

Назначенные члены Государственного совета и «штурм власти» (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.)

К осени 1916 г. главенствующее положение Прогрессивного блока в Государственном совете обеспечивали его назначенные члены. Во всеподданнейшем докладе от 9 октября Б.В.Штюрмер отзывался о блоке как об объединении, «руководимом В.Н.Коковцовым». ⁵⁸²

Оппозиционность В.Н.Коковцова, как и других лордов, усиливала разделявшаяся ими вера во всеисилие «безответственных влияний». Граф говорил Ж.М.Палеологу 16 августа, что отставки С.Д.Сазонова (с поста министра иностранных дел) и генерала М.А.Беляева (с поста помощника военного министра) «беспокоят его в высшей степени». Эти отставки В.Н.Коковцов ошибочно расценивал как доказательство того, что влияние Александры Федоровны восторжествовало окончательно. Беседуя с Ж.М.Палеологом 9 сентября, В.Н.Коковцов заявил: «Мы идем к революции». ⁵⁸³

Рост оппозиционных настроений наблюдался не только у парламентаристов, но и дуалистов. Вызывалось это падением у членов правой группы авторитета Б.В.Штюрмера. Когда среди них зашла речь «о проделках Штюрмера», вспоминал генерал А.Ф.Редигер, Н.А.Маклаков высказал «общую нам всем мысль, что положение нашей партии крайне трудно вследствие того, что с высоты престола делается точно нарочно все, чтобы подорвать доверие к тем монархическим началам, за которые стояла наша партия!» ⁵⁸⁴

Оппозиционность назначенных членов усилило неприятие ими появления в роли управляющего МВД А.Д.Протопопова. Отношение к этому со стороны лордов зафиксировало письмо, адресованное царю 18 сен-

тября 1916 г. обер-егермейстером И.П.Балашевым. Он являлся братом Н.П.Балашева, также обер-егермейстера и одного из назначенных членов Прогрессивного блока в Государственном совете. В мемуарах и исследованиях указывается на относящееся к осени 1916 г. некое письмо именно Н.П.Балашева, поскольку его автор характеризовался Александрой Федоровной как «самодовольный член Государственного совета». ⁵⁸⁵ Но в обширном личном фонде Балашевых не сохранилось ни черновики, ни копий каких-либо писем Николая Балашева к императору. Зато в нем имеется машинописная копия письма от 18 сентября, подписанного Иваном Балашевым. Несомненно, что царица допустила явную ошибку, приняв Ивана за Николая. О чем же писал императору И.П.Балашев?

Извиняясь перед монархом за то, что вмешивается в вопрос, касающийся исключительно его «личных прав, каковым является назначение министров», обер-егермейстер объяснял свою смелость тем, что «есть случаи, когда верно-подданный не должен молчать, как, например, когда Вам грозит опасность впасть в крупную ошибку». С точки зрения И.П.Балашева, выразившего не только свое мнение, но и взгляды «националистов и прочих здравомыслящих партий», крупной ошибкой стало назначение А.Д.Протопопова, формально — левого октябриста, а фактически — «кадета». Далее логика мысли И.П.Балашева делала неожиданный поворот, который доказывал, что охранительная идеология в интерпретации ее адептов была понятием более растяжимым и гибким, нежели могло показаться на первый взгляд. Интерпретируя назначение А.Д.Протопопова как первый шаг на пути к установлению парламентаризма, И.П.Балашев отмечал, что «уж лучше сделать это прямо, полностью, а не наполовину, ибо последнее все равно не удовлетворит левую оппозицию».

«Во главе правительства, и каждой его отрасли в частности, — излагал И.П.Балашев свое консервативно-либеральное кредо, — должны стоять лица, разумно консервативные и разумно либеральные, не крайние “правые” и не крайние “левые”; они должны, безусловно, быть сторонниками представительного образа правления, но, вместе с тем, преданными Вашими слугами и это они должны доказать не на словах только, но и на деле». Для того чтобы не совершать ошибки, подобной назначению А.Д.Протопопова, впредь и назначать «только вполне подходящих лиц, опытных, способных, знающих», «честных и незапятнанных ничем в прошлом», И.П.Балашев, ссылаясь на опыт своего деда, министра полиции в царствование Александра I, рекомендовал императору ... создать Министерство полиции, во главе которого стояло бы «доверенное лицо».

«Если б у Вас, государь, — разъяснял И.П.Балашев суть предлагавшегося им рецепта, — имелось под рукою такое государственное учреждение, Вы были бы в состоянии, когда ищите заместителя для той или другой важной должности, получить о нем заблаговременно необходимые справки. Теперь же Вы вынуждены бываете доверяться рекомендации лиц, в лучшем случае самих плохо осведомленных и, большей частью, безответственных». Выдвигая идею фактического ограничения царской власти в пользу нового органа, И.П.Балашев обосновывал эту идею дерзкой, с точки зрения царя, ссылкой на «безответственные влияния», т.е. на царицу и Г.Е.Распутина. ⁵⁸⁶

Стремление нейтрализовать «безответственные влияния» приводило к тому, что во введении парламентаризма его противники начинали видеть меньшее зло. ⁵⁸⁷ На заседании бюро Прогрессивного блока 30 октября его выборный член в верхней палате М.А.Стахович так охарактеризовал настроения лордов: «Необыкновенное, категорическое полевение Государственного совета: позиция, которую настойчиво и демонстративно занимает Стишинский, даже и сам дядька [т.е. А.Н.Куломзин. — С.К.]». ⁵⁸⁸

Левение лордов наглядно продемонстрировал начавшийся 1 ноября «штурм власти», происходивший, помимо Думы, и в Государственном совете. Настроения, разделявшие тогда назначенными членами Прогрессивного блока, довел до сведения царя 9 ноября П.М. фон Кауфман-Туркестанский. Он заявил Николаю буквально следующее: «<...> разрешите мне: я пойду и убью Гришку!» ⁵⁸⁹ Распутинской темой П.М. фон Кауфман воспользовался для того, чтобы убедить императора в необходимости парламентаризма, поскольку проводил мысль об «ответственном министерстве». ⁵⁹⁰ Внимательно выслушав П.М. фон Кауфмана, Николай заметил: «Я верю в правоту ваших слов и в искренность ваших побуждений. Благодарю вас!» ⁵⁹¹ Благожелательное отношение к лидерам оппозиции проявлял не только царь, но и новый премьер.

После своего назначения А.Ф.Трепов заехал к В.Н.Коковцову и предложил ему заняться подготовкой послевоенных переговоров, чтобы впоследствии занять пост главного представителя России на мирном конгрессе. Царь «очень обрадовался» предложению А.Ф.Трепова, заявив ему, что питает к В.Н.Коковцову «глубокое уважение и полное доверие». ⁵⁹² Между тем, борьба Думы с «темными силами» вызывала поддержку у столпов правой группы. В знак сочувствия В.М.Пуришкевичу, выступившему 20 ноября с речью против Г.Е.Распутина и А.Д.Протопопова, депутату занесли визитные карточки «маса» членов Государственного совета, в том числе граф С.Д.Шереметев. ⁵⁹³

По причине едва ли не дипломатической болезни А.Н.Куломзина сессия верхней палаты 22–26 ноября проходила под руководством вице-председателя Государственного совета И.Я.Голубева. ⁵⁹⁴ Эта сессия стала апогеем оппозиционности лордов, чему способствовал именно И.Я.Голубев. Подбивая лордов на антиправительственные выступления, он «сам вперед предупреждал оппозиционных членов Государственного совета, что критика с их стороны ныне вполне своевременна». ⁵⁹⁵ Благодаря вице-председателю речи членов верхней палаты «не отличались по существу, а в некоторых случаях и по резкости, от речей членов Государственной думы». ⁵⁹⁶

Непосредственным итогом покровительства И.Я.Голубева Прогрессивному блоку стало принятие 26 ноября большинством Государственного совета формулы перехода к очередным делам. Формула предусматривала «решительное устранение влияния на дела государственные скрытых безответственных сил» и «образование правительства, действительно сплоченного и объединенного определенной программой, опирающегося на доверие и сочувствие страны». ⁵⁹⁷ Следовательно, верхняя палата выступила за фактическое введение парламентаризма.

Левение лордов на какое-то время захватило группу правого центра. В ноябре она была «не склонна всецело стать на точку зрения правой группы

в смысле единения с правительством».⁵⁹⁸ Лидеры правого центра А.Б.Нейдгарт и В.М.Андреевский 25 ноября передали Г.И.Шавельскому просьбу своей группы представить императору «всю катастрофичность положения», чтобы он «внял общему голосу».⁵⁹⁹

Парламентаристские настроения получили распространение даже среди назначенных членов Правой группы. «Папа, — сообщил сестре 27 ноября попечитель Варшавского учебного округа князь И.А.Куракин об А.А.Куракине, — в хорошем настроении и с яростью вчера голосовал за формулу Центра; мне так удивительна эта перемена».⁶⁰⁰ Оппозиционность лордов перекинулась на Постоянный совет Объединенного дворянства, где они традиционно занимали прочные позиции. 12-й съезд Объединенного дворянства 30 ноября принял оппозиционную резолюцию, составленную И.П.Балашевым.⁶⁰¹ На съезде дуалист граф А.А.Бобринский и парламентарист В.И.Гурко говорили «одинаковым языком».⁶⁰² Переход на сторону Прогрессивного блока Объединенного дворянства свидетельствовал о распространении политической поляризации теперь уже и на консервативно-либеральное крыло бюрократической элиты.

Поведение лордов, позиция которых обусловила принятие верхней палатой заявления о необходимости парламентаризма, Николай расценил как измену. «У императора, — сообщил А.Ф.Трепов В.Н.Коковцову о реакции суверена на полевение сановников, — глухой голос, впалые щеки, недобрый взгляд; он с горечью говорит о членах Государственного совета, которые, твердя о своей верности самодержавию, позволили себе обратиться к нему с заявлением».⁶⁰³ Нелояльное поведение лордов делало неизбежным наложение опалы на парламентаристов.

Первым сановником, понесшим наказание за участие в оппозиции, стал И.Я.Голубев. Уже 1 декабря ему было объявлено «высочайшее неудовольствие» за разрешение на заседании 26 ноября высказывать суждения «по таким предметам, которых касаться в Государственном совете никогда не разрешалось».⁶⁰⁴ И.Я.Голубев понял, что от его услуг решили отказаться, и поэтому подал в отставку. «Об освобождении меня от обязанностей вице-председателя, — сообщил он П.А.Сабурову 2 января 1917 г., — я заявил ходатайство еще 18 декабря, как только была прервана сессия».⁶⁰⁵

Одновременно с И.Я.Голубевым в опале оказался лидер КВО князь Б.А.Васильчиков, точнее — его жена, С.Н.Васильчикова. Она «очень мало знала и не очень понимала» Александру Федоровну.⁶⁰⁶ Тем не менее С.Н.Васильчикова написала царице письмо, будучи «под свежим впечатлением каких-то разговоров о “темных силах”».⁶⁰⁷ В письме указывалось на то, что Александра Федоровна «своим вмешательством в политические дела России ведет царствующую династию к неминуемой гибели, и что лучшим исходом было бы добровольное удаление государыни императрицы из пределов России».⁶⁰⁸

Письмо С.Н.Васильчиковой Николай расценил как оскорбление жены. Узнав о письме, он «побелел от гнева. К нему, — вспоминала А.А.Вырубова, — было страшно подойти».⁶⁰⁹ Николай повелел министру двора графу В.Б.Фредериксу объявить Б.А.Васильчикову повеление о ссылке его жены в их имение Выбити, находившееся в Новгородской губернии.

Столь же драматически восприняли царское повеление лорды. Когда 3 декабря сановники, присутствовавшие на завтраке у П.М. фон Кауфмана, узнали поразившую всех весть о ссылке, А.В.Кривошеин воскликнул: «Со времен Павла ничего подобного не бывало! Как они не понимают, что такими мерами они лишь подливают масло в огонь!».⁶¹⁰

Следующим оказался П.М. фон Кауфман. Он вызвал недовольство царя не столько своим поведением 9 ноября, сколько интригами против управляющего МВД. В конце ноября группа центра поручила П.М. фон Кауфману довести до сведения А.Д.Протопопова, что она считает «абсолютно недопустимым» нахождение его в кабинете. Управляющий МВД, по мнению группы, должен был, «ради блага Родины, добровольно уйти в отставку». Встреча П.М. фон Кауфмана с А.Д.Протоповым состоялась в ночь со 2 на 3 декабря. Управляющий МВД пообещал, что завтра же «отправится в Царское и подаст прошение об отставке».⁶¹¹ А уже 3 декабря Николай послал В.Б.Фредериксу следующую записку: «Граф Владимир Борисович. Прошу Вас известить Ильина, председателя Общества Красного Креста, что присутствие Кауфмана мне в Ставке не нужно. Когда Ильин будет ездить в Киев с докладами к моей матушке, я буду его принимать по тому или другому вопросу или здесь, или в Ставке. Сердечно Ваш Николай». Царь, испытывавший патологическую брезгливость к личному применению каких-либо репрессивных мер, уклонился от него и на этот раз. Исполнение суррогата такой меры Николай переложил на министра двора и председателя Общества Красного Креста. В письме, датированном 4 декабря, министр уведомлял А.А.Ильина, что «Его величество не изволит усматривать необходимости присутствия на Ставке обер-гофмейстера Кауфмана-Туркестанского».⁶¹² На следующий день, 5 декабря, письменным уведомлением В.Б.Фредерикса П.М. фон Кауфман был отстранен от должности главноуполномоченного Красного Креста.⁶¹³ Неожиданная опала стала для него тяжелым ударом.

За разъяснениями П.М. фон Кауфман обратился к В.Б.Фредериксу. «Из разговора с Его величеством, — сообщил министр двора П.М. фон Кауфману 12 декабря, несомненно — с ведома Николая, желавшего расстаться с опальным сановником хорошо, — я вынес полную уверенность, что распоряжение государя отнюдь не вызвано какими-либо проступками с Вашей стороны, или неудовольствием Вашей деятельностью».⁶¹⁴ Поскольку письмо графа не было рассчитано на огласку, оно могло привести к смягчению впечатления от опалы П.М. фон Кауфмана лишь у него самого, но не у назначенной части верхней палаты в целом. Ее оппозиционность усиливалась оттого, что главной виновницей последовавших наказаний лорды считали царицу.

Александра Федоровна поддержала царя в его намерении покарать парламентаристов. Но это не означало, что опалы были наложены только под ее влиянием. Если бы в декабре царица влияла на Николая, то он исполнил бы неоднократные просьбы супруги об исключении из придворного штата за нелояльное поведение обер-егермейстера И.П.Балашева и выборного члена Прогрессивного блока в Государственном совете церемониймейстера А.Д.Голицына. Однако все эти просьбы царь

откровенно проигнорировал.⁶¹⁵ Тем не менее лорды пребывали в уверенности, что всеислие «безответственных влияний» беспредельно. Выходом из этой ситуации они считали убийство Г.Е.Распутина.

В конце 1916 г. на слова сенатора Д.Н.Любимова «ваше время скоро придет», А.В.Кривошеин ответил: «Не думаю... Я ведь не из фаворитов Григория Ефимовича». Когда же Д.Н.Любимов сообщил: «С этим прохвостом будет скоро покончено», А.В.Кривошеин воскликнул: «Дай-то Бог, дай-то Бог! Пора!»⁶¹⁶

Убийство Г.Е.Распутина лишило коллективное сознание бюрократической элиты последних моральных сдержек и привело к тому, что запретные темы исчезли даже для лордов. О возможности низложения Николая и покушений на венценосцев назначенные члены рассуждали как о чем-то само собой разумеющемся. Так, 22 декабря В.Н.Коковцов сообщил Ж.М.Палеологу, что «предвидит в близком будущем либо дворцовый переворот, либо революцию». Коллега В.Н.Коковцова по КВО С.Д.Сазонов заявил французскому послу 30 декабря: «Путь, на который вступил император, не имеет выхода. Если судить по нашим историческим прецедентам, открывается эра покушений. С точки зрения войны нам придется туго; потрясение будет сильное; но затем все пойдет хорошо».⁶¹⁷ Именно с С.Д.Сазоновым Д.У.Бьюкенен советовался о содержании своего обращения к императору перед поездкой в Царское Село 30 декабря.⁶¹⁸

Катастрофическое падение престижа Николая и Александры Федоровны наблюдалось не только среди парламентаристов, но и в такой твердыне верноподданнических настроений, как группа правых. «Даже среди самых ярых правых, — писал современник, — царь встречал отрицательное к себе отношение».⁶¹⁹ По сведениям Александры Федоровны, в декабре «некоторые члены крайней правой Государственного совета говорили о расторжении ее брака с царем и о заключении ее в монастырь».⁶²⁰ Недовольство верховной властью владело самыми лояльными деятелями правой группы.

Н.А.Маклаков говорил 22 декабря брату министра народного просвещения и члена прогрессивной группы кабинета графа П.Н.Игнатьева по поводу возможности его увольнения: «Я Вашего брата недолюбливал, но скажите ему — если это сделают, то не ему оскорбление, а нам; если мы были недавно в меньшинстве против 105 голосов, то в следующее голосование меньшинство будет против 130 голосов».⁶²¹ Так же высказался и П.П.Кобылинский.

Рост недовольства лордов существовавшим режимом сопровождался усилением интереса к партии кадетов как у парламентаристов, так и у дуалистов. Накануне отставки А.Ф.Трепова А.А.Бобринский, А.В.Кривошеин и А.С.Танеев зондировали почву у кадетов «относительно условий соглашения с правительством и приемлемого для Государственной думы состава кабинета».⁶²² Дистанцирование от верховной власти левых и правых сановников доказывало, что в это время она не поправела, но по-прежнему занимала центральный сегмент политического спектра.

Накануне революции, как и ранее, сутью правительственного курса было следование между кадетами и черносотенцами, по среднему пути либеральных реформ, не колеблющих дуалистической системы. То, что

реформаторский потенциал старого режима далеко не исчерпан, подтвердило принятие закона о реформе Сената.⁶²³ Закон, соответствовавший программе Прогрессивного блока и одобренный верхней палатой, Николай утвердил 24 декабря. Это произошло вопреки царице.⁶²⁴

Закон о реформе Сената, венчая преобразование судебной системы, начатое при Александре II, не уступал по своему значению реформаторским актам 1904–1906 гг. Доводы в пользу подписания закона были изложены председателем Государственного совета А.Н.Куломзиным в его всеподданнейшем докладе от 24 декабря. Содержание доклада дает представление о том, до какой виртуозности доходили представители правительственного либерализма, приводя перед императором, избегавшим дальнейшего формального ограничения самодержавной власти, мотивы в пользу надления Сената правами, которые ее неминуемо ограничили бы фактически.

А.Н.Куломзин явно камуфлировал истинное значение закона о реформе Сената, когда уверял, что предоставление ему новых прав «относительно не может считаться ограничивающим верховную власть Вашего императорского величества». «В таком положении сего дела, — высокопарно подытоживал А.Н.Куломзин, — не нахожу себя вправе ходатайствовать пред Вашим императорским величеством о неутверждении представляемого на высочайшее благоволение законопроекта, принятие коего несомненно должно произвести в стране глубоко отрадное впечатление, так как в общем реформа эта возвращает Правительствующему сенату ту самостоятельность, ту самостоятельность, которая была положена в основание его бытия великим его творцом императором Петром Алексеевичем».

В объяснительной записке государственного секретаря С.Е.Крыжановского кардинальные новшества, устранявшие последние проявления абсолютизма в сфере организации и функционирования высшей судебной власти, квалифицировались как «делопроизводственные изменения», поскольку они сближали «порядок производства в административных департаментах Сената с порядком, установленным Судебными уставами для департаментов кассационных».⁶²⁵ С.Е.Крыжановский лукавил только отчасти. Накануне революции степень инкорпорированности монарха в бюрократическую элиту была такова, что даже кардинальные изменения в его статусе сводились именно к «делопроизводственным изменениям».

Соглашаясь на либеральные реформы, царь намеревался проводить их исключительно в рамках действовавшей конституции, проникнутой духом дуалистической системы. Ставшее следствием деятельности парламентаристов фактическое упразднение такого краеугольного камня дуалистической системы, как принцип двухпалатности, поставило на повестку дня вопрос о его защите. Для этого существовало только одно конституционное средство — изменение состава назначенной части Государственного совета, при совершившейся 1 января публикации списка его присутствующих членов, путем перевода в разряд неприсутствующих сановников, являвшихся членами Прогрессивного блока.

Первым вопрос об изменении состава верхней палаты поднял Б.В.Штурмер. Во время встречи с императором, имевшей место 9 октяб-

ря 1916 г., премьер указал на то, что «правительству нельзя будет опираться на Государственный совет». Поэтому, полагал Б.В.Штюрмер, «личный состав сего последнего должен подвергнуться коренным изменениям». Для начала Б.В.Штюрмер советовал заменить А.Н.Куломзина «другим, более энергичным лицом». Кандидатами премьера на пост председателя верхней палаты были С.В.Рухлов и И.Г.Щегловитов. Император «изволил в принципе признать обоих лиц подходящими на роль председателя». ⁶²⁶ После отставки Б.В.Штюрмера решение вопроса об изменении состава Государственного совета перешло к его преемнику.

В ходе всеподданнейшего доклада 26 ноября А.Ф.Трепов, подразумевая рост оппозиционных настроений в верхней палате, заявил императору, что взаимоотношения правительства с Государственным советом «не могут почитаться в данное время обеспечивающими взаимное доверие и должное единение». ⁶²⁷ Принимая во внимание мнения Б.В.Штюрмера и А.Ф.Трепова, Николай решил на «чистку» верхней палаты. Царь объявил своим приближенным, писал князь Ф.Ф.Юсупов матери 8 декабря, что «1 января он сделает генеральную чистку Государственного совета, против которого он глубоко возмущен». ⁶²⁸ Намерение Николая поддержала Александра Федоровна.

Во исполнение царской воли 10 декабря А.Ф.Трепов представил Николаю два списка кандидатов в председатели и члены Государственного совета, которые он 14 декабря послал императрице. Она познакомила со списками А.Д.Протопопова. ⁶²⁹ В председатели А.Ф.Трепов прочил четырех назначенных членов правой группы: адмирала Е.И.Алексеева, главноуправляющего Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии А.Г.Булыгина, министра юстиции А.А.Макарова и председателя группы И.Г.Щегловитова, а также главноуправляющего Собственной канцелярией царя А.С.Танеева. ⁶³⁰

В начале своего премьерства А.Ф.Трепов из перечисленных сановников отдавал предпочтение И.Г.Щегловитову. ⁶³¹ В письме А.Ф.Трепова, полученном Николаем 13 декабря, премьер остановился на А.А.Макарове. Треповский список новых членов Государственного совета, включавший в себя 12–14 человек, открывался единственным кандидатом императрицы – вице-президентом Практической восточной академии генералом Н.К.Шведовым ⁶³² и заканчивался С.Е.Крыжановским. ⁶³³

Обновлению состава назначенной части Николай, по сравнению с остальными внутриполитическими акциями, придавал первенствующее значение. «Я, – писал он императрице 15 декабря, – считаю безусловно необходимым водворить мир и спокойствие среди всего населения нашей страны. Эта комбинация с переменами в Государственном совете сделает бесконечно много добра в смысле освежения всей атмосферы». ⁶³⁴

Первоначально преемником А.Н.Куломзина Николай хотел назначить члена группы правого центра С.В.Рухлова, кандидатура которого была предложена еще Б.В.Штюрмером. ⁶³⁵ Однако окончательный выбор Николая пал на другого кандидата Б.В.Штюрмера – И.Г.Щегловитова, лидера консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Выбор императора поддержали А.Д.Протопопов, ⁶³⁶ жена ⁶³⁷ и старец. ⁶³⁸

Назначением И.Г.Щегловитова Николай подчеркнул, что «не находит своевременным идти на какие-либо либеральные уступки». ⁶³⁹ Напутствуя нового председателя верхней палаты, царь ему сказал: «Вы хорошо знали деятельность Акимова, он вас очень ценил, и мое желание в том, чтобы вы следовали тому направлению, которого тот держался». ⁶⁴⁰ Между тем направление ортодоксального дуалиста М.Г.Акимова состояло в противодействии уклонениям Государственного совета в сторону парламентаризма. По причине чуждости И.Г.Щегловитова крайне правым его появление на посту председателя не означало и поправления курса власти. Это доказало решение вопроса об обновлении назначенной части.

Во время состоявшейся 29 декабря встречи царя с И.Г.Щегловитовым новый председатель верхней палаты представил Николаю справку о раскладе в ней политических сил. ⁶⁴¹ Согласно справке, Прогрессивный блок, который включал в себя членов группы левых (20 человек), группы центра (59), КВО (20) и часть внепартийных (2), имел 101 голос. Проправительственное крыло, включавшее в себя членов группы правого центра (23 человека), группы правых (58) и также часть внепартийных (4), имело 85 голосов. За вычетом отсутствовавших по болезни и иным причинам двух оппозиционеров и шести членов проправительственного крыла и с учетом присоединения к нему голосов восьми министров, являвшихся членами Государственного совета, соотношение между голосами Блока и его оппонентов выглядело как 99 и 87. ⁶⁴²

Приняв во внимание эту тревожную арифметику, Николай вычеркнул из списка назначенной части фамилии 18 лордов. Из них членами Прогрессивного блока были 10 человек (Н.П.Балашев, В.И.Герье, барон Э.Ф. фон Гойнинген-Гюне, А.Д. и Н.А.Зиновьевы, Б.Е.Иваницкий, П.П.Извольский, П.М. фон Кауфман, барон Р.Р.Розен, генерал Ф.Ф.Трепов), 2 человека являлись беспартийными (И.Я.Голубев и генерал Х.Х.Роп), а 6 – членами правой группы (адмирал С.А.Воеводский, С.Н.Гербель, И.А.Зиновьев, генералы Ф.Ф.Палицын и А.Н.Селиванов, Б.В.Штюрмер). ⁶⁴³ За всю историю реформированного Государственного совета это был первый случай широкомасштабного применения перевода в неприсутствующее в качестве средства борьбы с оппозицией.

Впрочем, фактически за принадлежность к оппозиции удалению подверглись не более 7 сановников. Б.Е.Иваницкий и Ф.Ф.Трепов, как и правый С.Н.Гербель, не могли участвовать в заседаниях по своему служебному положению.

Три других члена Прогрессивного блока, Э.Ф.Гойнинген-Гюне, ослепший Н.А.Зиновьев и Р.Р.Розен, как и два правых, С.А.Воеводский и И.А.Зиновьев, засыпавший на заседаниях, оказались устраненными по состоянию здоровья, как «старички, которые не ходили в заседания». ⁶⁴⁴ Первоначально царем и И.Г.Щегловитовым намечались к удалению под предлогом того, что они «старички неходящие», столпы правой группы – И.Л.Горемыкин и С.Д.Шереметев. Только в самый последний момент, «после колебаний и разговоров», это было признано «неудобным». ⁶⁴⁵ Подавляющее большинство назначенных лидеров Прогрессивного блока, в частности – Б.А.Васильчикова, В.Н.Коковцова, С.С.Манухина, Н.С.Танганцева, «чистка» не затронула.

Н.С.Таганцев даже недоумевал, что «почему-то был оставлен Щегловитовым».⁶⁴⁶ На вопрос С.Е.Крыжановского, будет ли он настаивать на удалении Н.С.Таганцева, И.Г.Щегловитов ответил: «Это мой учитель. На него у меня рука не подымается. Я буду его отстаивать».⁶⁴⁷ При всем своем прагматизме И.Г.Щегловитов был не склонен доводить его до полной беспринципности. Поэтому «чистка» затронула парламентаристов только частично.

Подвергшиеся переводу в неприсутствующие 12 лордов составляли только треть (32,4 %) от общего числа назначенных членов, находившихся в оппозиции (37 человек). «Чистка» стала акцией, направленной не против Прогрессивного блока вообще, а против его доминирования в верхней палате. Между тем черносотенцы полагали, что состав Государственного совета необходимо изменить «таким образом, чтобы в числе назначенных по высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников, так называемого, Прогрессивного блока».⁶⁴⁸ Поскольку царь и И.Г.Щегловитов требовали черносотенцев не выполнили, «чистка» свидетельствовала не о поправлении правительственного курса, а о том, что Николай по-прежнему хотел компромисса с оппозицией, но лишь на базе конституции 1906 г.

Взамен устранившихся сановников император назначил 18 человек. Резолюция Николая по этому поводу гласила: «Внести в списки присутствующих с назначением членами Государственного совета: Шведова, Волжина, [Н.В.]Плеве, Охотникова, Веревкина, Трусевича, Чебышева, барона Таубе, Семенова, Якунчикова, Льва Георгиевского, [А.Н.]Разумовского, Барсова, Ильи Крашенинникова, Деревицкого, Крыжановского, академика Соболевского, Еропкина».⁶⁴⁹ Большинство новых членов, 13, были сенаторами. С.Е.Крыжановский полагал, что И.Г.Щегловитов, содействовавший в 1906–1915 гг., как министр юстиции, проведению этих сановников в Сенат, «до некоторой степени подбирал себе партию».⁶⁵⁰

Поскольку до назначения председателем Государственного совета И.Г.Щегловитов являлся председателем правой группы, ее самые консервативные члены сделали попытку повлиять на пополнение назначенной части. Н.А.Маклаков и А.А.Римский-Корсаков составили списки желательных для них кандидатов. В списке Н.А.Маклакова, одобренном А.Д.Протопоповым, были сенаторы С.П.Белецкий, Н.А.Брянчанинов, И.М.Золотарев, Н.П.Зуев, А.Н.Кривцов, Н.В.Плеве и С.П.Фролов, товарищ министра внутренних дел С.А.Куколь-Яснопольский, попечитель Оренбургского учебного округа А.Н.Деревицкий и черносотенный публицист К.Н.Пасхалов. В списке А.А.Римского-Корсакова значились думцы А.С.Вязигин и Н.Е.Марков 2-й, сенаторы Н.П.Зуев, В.Т.Судейкин и Г.Г.Чаплинский. Но ни один из этих списков «не прошел».⁶⁵¹

Не прошел и кандидат, выдвинутый доктором П.А.Бадмаевым, — редактор черносотенной «Земщины» С.К.Глинка-Янчевский.⁶⁵²

Из 16 кандидатов были востребованы только четверо: двое (А.Н.Деревицкий и Н.В.Плеве) — 1 января, и еще двое (Г.Г.Чаплинский и С.А.Куколь-Яснопольский) — немного позже, 13 и 31 января. Назначение членом Государственного совета Г.Г.Чаплинского, причастного к организации дела М.Бейлиса, нельзя трактовать как вызов оппозиции. После смерти А.С.Ермолова освободившейся вакансии «очень добивался Штюрмер».⁶⁵³

Содействуя проведению Г.Г.Чаплинского, И.Г.Щегловитов предотвратил возвращение Б.В.Штюрмера, которое стало бы, действительно, вызовом оппозиции. Другие четыре назначения начала 1917 г. были сделаны без учета мнения черносотенцев.⁶⁵⁴

Таким образом, определяя кандидатуры новых членов Государственного совета, царь и И.Г.Щегловитов пожелания крайне правых деятелей почти проигнорировали, что также не дает оснований расценивать «чистку» как поворот направо. Несмотря на то, что после 1 января положение Прогрессивного блока изменилось незначительно, реакция на «чистку» со стороны парламентаристов была весьма бурной.

Протестуя против перевода его в неприсутствующие, И.Я.Голубев сложил с себя звание члена Государственного совета. Об этом он информировал И.Г.Щегловитова письмом от 2 января.⁶⁵⁵ Указ об увольнении И.Я.Голубева «согласно прошению» Николай подписал немедленно — уже 4 января.

Примеру И.Я.Голубева 30 января и 10 февраля последовали еще два парламентариста — Н.П.Балашев, также разжалованный в неприсутствующие, и Б.А.Васильчиков. Под впечатлением от «чистки» князь «совершенно потерял веру в возможность выхода из получившегося положения».⁶⁵⁶

Большое влияние на Б.А.Васильчикова оказывало общение с его единомышленником — председателем КВО В.Н.Коковцовым. «Вчера, — общал Б.А.Васильчиков супруге 4 января, — был у Кокоши, с которым долго беседовал или, вернее, он мне говорил без конца».⁶⁵⁷ В центре внимания лордов находилась конечно же «чистка», которую Б.А.Васильчиков переживал как фарс. Подтверждением этому является письмо, посланное им 7 января жене и выдержанное в ироничной манере. Каждую фразу письма надо понимать с точностью до наоборот. «С нетерпением, — сообщал князь, — жду визитов новых членов Государственного совета, чтобы иметь удовольствие отдавать им визиты! Мне будет истинное удовольствие пожать руку этим стойким и честным деятелям. В особенности жажду возобновить знакомство с генералом Шведовым, т.к. по Красному Кресту близко знаю его почтенную деятельность. Это истинное украшение Государственного совета».⁶⁵⁸

Между тем император не только не хотел устранять лидеров Прогрессивного блока из верхней палаты, но и продолжал оказывать им знаки внешнего благоволения. По предложению премьера Н.Д.Голицына Николай 9 января назначил В.Н.Коковцова попечителем Александровского лицея вместо умершего А.С.Ермолова. Впрочем, принимая В.Н.Коковцова по этому случаю 19 января, царь не мог забыть об оппозиционности графа, а потому не предложил собеседнику сесть и говорить с ним стоя. В.Н.Коковцов, раздраженный этим, объявил после аудиенции обер-гофмаршалу графу П.К.Бенкендорфу и лейб-медику Е.С.Боткину, что монарх «накануне душевной болезни, если уже не в ее власти».⁶⁵⁹ Тезис о «безумии» царя парламентаристы использовали в качестве аргумента в пользу ограничения его власти в управлении, т.е. установления парламентаризма.

Если бы «чистка» верхней палаты привела к росту оппозиционности только среди парламентаристов, то она не стала бы тем дестабилизирую-

щим фактором, каким эта акция, в конце концов, явилась. Однако она вызвала рост оппозиционности и среди дуалистов, ради упрочения позиций которых ее предприняли. Начало 1917 г. было временем «недовольства» И.Г.Щегловитовым группы правых и правого центра за «пополнение» верхней палаты.⁶⁶⁰ Переведенный в неприсутствующие С.Н.Гербель даже пригрозил сложить с себя членство в Государственном совете.⁶⁶¹ Недовольство «чистой» толкало назначенных членов правой группы на контактирование с лидерами оппозиции.

А.Д.Самарин, которого 19 декабря 1916 г. выбрали председателем Постоянного совета Объединенного дворянства, принял участие в состоявшемся 5 января 1917 г. совещании у М.В.Родзянко. Участниками совещания были заместитель А.Д.Самарина В.И.Карпов и московский и орловский губернские предводители дворянства П.А.Базилевский и А.Б.Куракин. Совещание решило, что А.Д.Самарин должен представить императору ноябрьскую резолюцию Объединенного дворянства.⁶⁶² Принимая А.Д.Самарина 10 января, Николай раздраженно сказал: «Пожелания дворянства, мне кажется, исполнились. Вы должны быть довольны. Распутина более не существует. Чего же еще надо дворянству?»⁶⁶³

Точку зрения, которая детерминировала отношение Николая к оппозиции Государственного совета, царь изложил 14 января А.Ф.Трепову. Николай заявил бывшему премьеру, что считает невозможным осуществление политических реформ до конца войны. Царь полагал, что «русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет». По мнению Николая, «только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений» для удовлетворения своих «вожделений». Если эти группы не прекратят «подстрекательств», их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». По окончании войны, заключил император, он «не отвергнет» реформ, учитывающих интересы «подлинного народа».⁶⁶⁴

Через четыре дня, 19 января, в пику И.Г.Щегловитову, правая группа избрала А.Ф.Трепова своим председателем. Тем самым дуалисты подчеркнули, что «одобряют его отрицательное отношение к Протопопову и разделяют мотивы его ухода из правительства».⁶⁶⁵ За А.Ф.Трепова агитировали даже ортодоксальные консерваторы. «Ширинский-Шихматов, — сообщал Н.А.Маклаков супруге 16 января, — меня час убеждал вести агитацию за Трепова — я отказался и сказал, что это будет иметь вид демонстрации».⁶⁶⁶

В начале 1917 г. А.Ф.Трепов был полностью солидарен с лидерами парламентаристов.⁶⁶⁷ Поэтому его избрание повергло придворные сферы в беспокойство. Там задались вопросом, «насколько это избрание одобряется и может ли группа при этом условии в особо важных случаях доводить свои заключения непосредственно через председателя на благовоззрение верховной власти». Помощник начальника канцелярии Министерства двора князь С.В.Гагарин договорился с И.Г.Щегловитовым, что «в случае надобности статс-секретарь Трепов будет испрашивать доклад у Его величества через председателя Государственного совета».⁶⁶⁸ Роль в этом эпизоде И.Г.Щегловитова показала, что он пользуется громадным авторитетом у царя. Поэтому влияние председателя Государственного совета на Николая резко возросло.⁶⁶⁹ Это было вполне естественно.

Воззрения И.Г.Щегловитова, стремившегося к соглашению с оппозицией на почве конституции 1906 г., полностью совпадали с позицией царя.⁶⁷⁰ Как и Николай, И.Г.Щегловитов, будучи противником немедленного установления парламентаризма, в то же время полагал, что внутривластный кризис разрешит не роспуск Думы, а победа в войне.⁶⁷¹ И.Г.Щегловитов уклонялся и от инициирования репрессий против оппозиционных организаций. Полученную им телеграмму Н.Н.Тихановича-Савицкого о необходимости привлечения к ответственности астраханского городского головы П.С.Кравченко и гласного Н.И.Долгополова председатель Государственного совета отослал Н.Д.Голицыну без каких бы то ни было комментариев.⁶⁷²

Примирительное отношение И.Г.Щегловитова к оппозиции заставляло более консервативных членов правой группы расценивать его скептически. «Щегловитов, — информировал Н.А.Маклаков жену 16 января, — что-то все плурует».⁶⁷³

От И.Г.Щегловитова дистанцировались и те назначенные члены правой группы, которые, подобно А.Ф.Трепову, во временном установлении парламентаризма не видели ничего опасного. По поводу этого такие дуалисты, как граф А.А.Бобринский, контактировали с лидерами оппозиции.⁶⁷⁴ В январе член кадетского ЦК князь П.Д.Долгоруков констатировал, что теперь даже среди правых нет «компактного ядра противников ответственного министерства».⁶⁷⁵ Предпосылкой приятия парламентаризма его недавними противниками было разделявшееся ими мнение о том, что Николай с эффективным отправлением полномочий по формированию кабинета справляться перестал. Именно поэтому А.Ф.Редигер находил требование об учреждении «ответственного министерства» незаконным, но «вполне естественным».⁶⁷⁶

Одновременно с левением дуалистов, которое привело к признанию ими необходимости временного введения парламентаризма, происходило левение парламентаристов. Не останавливаясь на введении парламентаризма, они шли дальше и начинали склоняться к необходимости свержения Николая. На состоявшемся 26 января завтраке у Ж.М.Палеолога генерал А.А.Поливанов, его выборный коллега А.А.Васильев, а также В.А.Маклаков, П.Н.Милюков и А.И.Шингарев вели «очень свободный и оживленный» разговор относительно внутренней политики. Присутствовавший на завтраке глава французской делегации на Петроградской конференции Г.Думер, полагая, что гости посла «слишком возбуждены» и «врются начать бой с царизмом», советовал им соблюдать «терпение». При одном этом слове кадеты, подчеркнул Ж.М.Палеолог, «вскакивают, как ужаленные».⁶⁷⁷

Накануне революции возможность низложения Николая допускали не только парламентаристы, но и дуалисты. Об этом думали «лица, стоящие совершенно вне политических интриг, и притом ярые монархисты».⁶⁷⁸ На состоявшемся в середине февраля у выборного члена Прогрессивного блока в Государственном совете В.И.Гурко совещании законодателей слово «дворцовый переворот» не произносили, но мыслью о нем были проникнуты «все собравшиеся». В этом совещании участвовал один из лидеров правой группы А.С.Стишинский.⁶⁷⁹ Таким образом, события конца 1916 — начала 1917 г. довели поляризацию внутри

дуалистов до последнего предела. Одни из них ориентировались на полевевшего А.Ф.Трепова, который выступал за введение парламентаризма хотя бы на время.

Другие, впрочем, их было меньшинство, ориентировались на крайне правого А.А.Римского-Корсакова. Он ратовал за превращение законодательной Думы в законосовещательную. Программа А.А.Римского-Корсакова предусматривала немедленный роспуск нижней палаты «без указания срока нового ее созыва, но с определенным упоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 112) Основных законов и положений о выборах в Государственный совет и Думу».⁶⁸⁰

Программа А.А.Римского-Корсакова, как экстремистская, не встретила сочувствия у Николая. Н.А.Маклаков, отвезший царю 16 января записку с изложением этой программы, был уверен, что он ее «наверно не прочел».⁶⁸¹ Накануне революции у Николая существовало «сомнение насчет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна?»⁶⁸² Неприятие царем черносотенной программы привело к тому, что дальнейшая кристаллизация внутри правой группы реакционного течения не усилила значения его лидера.

Наоборот, и в начале 1917 г. А.А.Римский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой. Будучи членом Государственного совета, он не играл «особенной роли».⁶⁸³ В результате поляризации, захватившей дуалистов, относительное единство правой группы оказалось утерянным. Начало 1917 г. стало временем «раздробления сил правых», которые «разбились на маленькие кружки». Их деятельность «совершенно не получала отражения».⁶⁸⁴

Ситуация, сложившаяся в Государственном совете к февралю, свидетельствовала о том, что «правительственная бюрократия — в большинстве своем — открыто стала на сторону Государственной думы», «конституции и постепенного разрушения самодержавия».⁶⁸⁵ Если летом 1915 г. в открытую оппозицию верховной власти перешли парламентаристы, то зимой 1917 г. это сделали полевевшие дуалисты. Николая и большинство бюрократической элиты разделили политические противоречия. Царь оказался в почти полной изоляции.

7. «Спасение только в Думе».

Великокняжеская фронда (август 1915 — февраль 1917 г.)

Критическую массу, накопившуюся во внутренней жизни России в конце 1916 — начале 1917 г., переполнило обстоятельство, связанное с тем, что политическая поляризация захватила не только бюрократическую элиту, но и императорскую фамилию. Ее знаковые фигуры заняли сторону парламентаристов. Это дало повод говорить о великокняжеской фронде.⁶⁸⁶

Переход в оппозицию великих князей и княгинь облегчили причины, проявившиеся не только во время мировой войны, но и задолго до нее. Первая из них — отчужденность царской семьи от остальной фамилии.⁶⁸⁷

Сыграло роль и неприязненное отношение к Александре Федоровне родственников Николая, начиная с императрицы-матери Марии Федо-

ровны.⁶⁸⁸ Его усиливало почитание венценосцами Г.Е.Распутина. Об истинном характере этого почитания великие князья и княгини, в силу отчужденности царской семьи, знали не больше, чем остальные подданные Николая.⁶⁸⁹

Оппозиционность императорской фамилии детерминировала и более глубокая причина — размывание грани между Романовыми и интеллигенцией, в большинстве своем настроенной либерально. Знаковые фигуры фамилии в начале XX в. сочувствовали либеральным, а не консервативным идеям.⁶⁹⁰

Либеральные взгляды, неопределенные по содержанию, но бесспорные по проявлениям, разделяли, если не полностью, то частично, Мария Федоровна,⁶⁹¹ брат императора Михаил Александрович,⁶⁹² зять принц П.А.Ольденбургский,⁶⁹³ тетя Мария Павловна,⁶⁹⁴ двоюродные дяди Александр⁶⁹⁵ и Николай Михайловичи.⁶⁹⁶ Оплотом великокняжеского либерализма был императорский Яхт-клуб.⁶⁹⁷

Относительно либеральный характер политических воззрений представителей династии в августе 1915 г. заострило неприятие ими увольнения верховного главнокомандующего Николая Николаевича. О необходимости оставления великого князя в Ставке говорили Николаю 5 августа двоюродный брат Кирилл Владимирович и 10 августа сестра Ольга Александровна. Но из этого «ничего не вышло».⁶⁹⁸

С согласия Николая Николаевича другой двоюродный брат императора, Дмитрий Павлович, находившийся в Ставке, отправился в Петроград. Он хотел уговорить Николая оставить великого князя в Могилеве в качестве царского помощника. Беседа 20 августа с Ж.М.Палеологом, Дмитрий обещал объявить императору, что последствия увольнения Николая Николаевича «могут быть неисчислимы, столь же роковые для династии, как и для России».⁶⁹⁹

В тот же день Дмитрий и верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П.Ольденбургский посетили Марию Федоровну. Они просили ее убедить сына не сменять Николая Николаевича, так как «все питают к нему большое доверие».⁷⁰⁰ От перемены главнокомандования принц ожидал «ужасные последствия до народных волнений включительно».⁷⁰¹ Упрашивать Марию Федоровну необходимости не было. Она верила «басням о мнимом немецком шпионаже» и «влиянии Распутина»,⁷⁰² в которых современники видели причины отставки царского дяди.

После завтрака, состоявшегося 21 августа, Мария умоляла сына оставить Николая Николаевича. Но все ее слова «были напрасны».⁷⁰³ Царь пытался доказать матери, что «если будет война продолжаться так, как сейчас, то армии грозит полное поражение».⁷⁰⁴ Намекая на закулисное сопротивление своему решению, он заявил, что «его все обманывают и что ему нужно спасти Россию, это его долг, призвание».⁷⁰⁵ Мать и сын расстались, не поняв друг друга.

Вечером Николай принял Дмитрия. Он попросил императора отказаться от уже принятого решения, относиться «с большим доверием к народному представительству» и обращаться «больше внимание на общественное мнение», иначе «все рухнет».⁷⁰⁶ «Будь спокоен! — заявил Нико-

лай Дмитрию. — Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть». ⁷⁰⁷ Ответом императора стал его отъезд в Могилев.

Упорство Николая объяснялось, помимо прочего, тем, что некоторые великие князья, в частности — Николай Михайлович и Андрей и Борис Владимировичи, поддержали царское решение. ⁷⁰⁸

В то же время, судя по дневниковой записи, 29 сентября Андрей согласился с рассуждениями товарища министра внутренних дел князя В.М. Волконского о необходимости уступок оппозиции. ⁷⁰⁹ Сочувствие, выказанное великими князьями Прогрессивному блоку, оказалось таким, что создало впечатление о причастности родственников императора к заговору против него и его жены. «Великими князьями и знатью, — вспоминал зять Николая князь Ф.Ф. Юсупов, — затеян был заговор с целью отстранения от власти и пострижения императрицы. Распутина предполагалось сослать в Сибирь, царя низложить, а царевича Алексея возвести на престол». ⁷¹⁰

Так или иначе, бесспорно одно — после образования Прогрессивного блока ближайшие родственники Николая стали сознательными сторонниками превращения российской дуалистической монархии в монархию парламентарную, на манер английской. Как «самый большой англофил из всех великих князей» был известен Дмитрий Павлович. Именно он, по совету помощника начальника военно-походной канцелярии царя генерала А.А. Дрентельна, просил Николая в сентябре 1915 г. не посылать телеграмму Г.Е. Львову и М.В. Челнокову, в которой монарх отказывался принять депутацию Земского и Городского съездов. Депутация намеревалась передать императору резолюции в поддержку Прогрессивного блока. ⁷¹¹

Согласно сообщению, сделанному на заседании бюро блока 25 октября 1915 г. М.М. Федоровым, незадолго до того Михаил Александрович говорил, что сочувствует «английским порядкам». ⁷¹² Парламентаристские настроения царского брата всячески поддерживала его жена, графиня Н.С. Брасова. В годы войны она «ударилась в либерализм». Ее салон часто раскрывал двери перед «левыми депутатами». ⁷¹³ Более того, если не сам Михаил, то лица из его окружения ставили на повестку дня низложение Николая. Осенью 1915 г. А.Ф. Керенского посетил друг Михаила, П.М. Толстой. Он заявил, что пришел якобы по просьбе великого князя. Михаил, по словам П.М. Толстого, хотел узнать, «как отнесутся рабочие к тому, что он возьмет власть у брата и станет царем». ⁷¹⁴

Контакты с лидерами оппозиции имели и другие великие князья. Другими Кирилл Владимирович и его супруги, Викторией Федоровны, были думцы и «либеральные сановники». ⁷¹⁵

Дядя Николая, Павел Александрович, и его жена, княгиня О.В. Палей, связи с оппозицией поддерживали через выборных членов Прогрессивного блока в Государственном совете графа Д.А. Олсуфьева и М.А. Стаховича. Перед Павлом они открыто выступали «против императрицы в связи с разоблачением Распутина». ⁷¹⁶

Веру родственников Николая во всемогущество «безответственных влияний» культивировали и парламентаристы. С.Д. Сазонов говорил Марии Павловне 2 февраля 1916 г., что «императрица сумасшедшая, а государь слеп» и «ни он, ни она не видят, не хотят видеть, куда их влекут». ⁷¹⁷

Царские родственники оказывали содействие акциям оппозиции. Так, тетья царя, Ольга Константиновна, в начале февраля 1916 г. отвезла в Ставку письмо А.А. Клопова Николаю, в котором доказывалась необходимость посещения им Думы. ⁷¹⁸

На сближение с оппозицией пошла даже мать императора. Осенью 1915 г. Мария Федоровна говорила А.В. Кривошеину, что «невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общего мнения». Как и лидеры оппозиции, видя в супруге сына главную преграду на пути к образованию «министерства доверия», Мария выразила «грусть и тревогу, что императрица своими личными действиями готовится себе трагическую судьбу». ⁷¹⁹ В начале февраля 1916 г. Мария Павловна просила царицу-мать «открыть глаза» сыну и невестке. Расхождения между матерью и сыном были таковы, что она от этого отказалась. ⁷²⁰

Символом перехода Марии Федоровны в оппозицию стало ее переселение в Киев. Она прибыла туда 3 мая, официально — для устройства госпиталей и посещения раненых. ⁷²¹ На самом деле царица-мать покинула столицу, чтобы не видеть «всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде». ⁷²² В киевском окружении Марии главной темой разговоров была критика Александры Федоровны. Каждый ее поступок «строго осуждался не только в своем кругу, но и в присутствии лиц местного общества». ⁷²³ Это давало обильную пищу оппозиции, лидеры которой постоянно навещали Марию. Так, М.В. Родзянко был у нее 12 июля 1916 г. ⁷²⁴ При общении с оппозиционерами Мария не делала секрета из своего неодобрения внутренней политики сына. Беседа с членами Прогрессивного блока в Думе В.Я. Демченко и А.И. Савенко, она говорила, что «поступкам сына не сочувствует». ⁷²⁵

Более всего кристаллизации великокняжеской фронды содействовал Николай Михайлович. Как активной оппозиционной деятельности его подтолкнула замена С.Д. Сазонова Б.В. Штюрмером. Назначение премьера министром иностранных дел царские родственники ошибочно расценили как торжество Александры Федоровны и Г.Е. Распутина. ⁷²⁶ В этом убеждении Николая Михайловича поддерживал генерал М.В. Алексеев. С ним великий князь общался 16 июля в Ставке. ⁷²⁷ После встречи с начальником штаба Николай Михайлович информировал Марию Федоровну 28 июля, что замена С.Д. Сазонова Б.В. Штюрмером произошла «благодаря мольбам» Александры Федоровны, хотя это и не соответствовало действительности. ⁷²⁸ В письме Николаю, написанном тогда же, великий князь был более осторожен. Он указал императору на отрицательное общественное мнение в отношении увольнения С.Д. Сазонова. ⁷²⁹

Переходя от слов к делу, Николай Михайлович попытался перехватить у Б.В. Штюрмера, подозревавшегося в германофильстве, инициативу в подготовке будущего мирного конгресса. В конце сентября великий князь надеялся возглавить межведомственную комиссию по подготовке конгресса. По мнению Николая Михайловича, в комиссию должны были войти заведомые противники «безответственных влияний», назначенные члены Государственного совета А.Н. Наумов и А.Д. Самарин, члены Прогрессивного блока в Думе Н.Н. Львов и В.В. Шульгин, сочувствовавший кадетам посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой. Секретарем комис-

сии Николай Михайлович хотел назначить начальника Архива МИДа князя Н.В.Голицына или академика А.С.Лаппо-Данилевского.⁷³⁰ Оба они также были близки к кадетам.

Предполагаемый состав комиссии свидетельствовал о том, что великий князь видел в ней гарантию предотвращения вмешательства в решение вопроса о мире не только Б.В.Штюрмера, но и Александры Федоровны. Осенью 1916 г. всевластие царицы, несмотря на его мифичность, было для царских родственников аксиомой.⁷³¹

В октябре, считая Б.В.Штюрмера приспешником Александры Федоровны, Николай и Александр Михайловичи попросили английского посла Д.У.Бьюкенена убедить императора «порвать со Штюрмером ввиду того, что он не пользуется доверием союзных правительств», и вернуть С.Д.Сазонова на прежнее место. Товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов предостерег посла, что говорить о возвращении С.Д.Сазонова «было бы преждевременно».⁷³² Аудиенция Д.У.Бьюкенена у царя состоялась 24 октября. Посол сообщил Николаю по поводу Б.В.Штюрмера, что английские консулы в своих донесениях предсказывают «серьезные волнения в случае, если он останется».⁷³³

Параллельно Николай Михайлович вел наступление на Б.В.Штюрмера с другой стороны. Великий князь 26 октября отредактировал записку, написанную начальником канцелярии Думы Я.В.Глинкой. Записка, которую М.В.Алексеев и Г.Е.Львов намеревались передать императору через А.А.Клопова, мотивировала необходимость немедленной замены Б.В.Штюрмера «министерством доверия».⁷³⁴

Во время пребывания Николая 28–29 октября в Киеве представители императорской фамилии, в лице Марии Федоровны и Александра Михайловича, выступили в пользу уступок оппозиции открыто. За состоявшейся тогда беседой Марии с императором об отставке Б.В.Штюрмера стоял Николай Михайлович.⁷³⁵ Мария и Александр постарались объяснить императору «серьезность положения». «Государь, — описывал его тогдашнее состояние воспитатель наследника П.Жильяр, — был под очень сильным впечатлением высказанных мнений».⁷³⁶

После возвращения Николая в Ставку к оказанию на него морального давления подключился Николай Михайлович. Он передал императору 1 ноября свое письмо, одобренное ранее Марией.⁷³⁷ В нем великий князь высказался за то, чтобы несомненное для него «постоянное вторгательство во все дела темных сил», т.е. Александры Федоровны и Г.Е.Распутина, было устранено. После этого, внушалось императору, «вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных».⁷³⁸ Таким образом, Николай Михайлович поддержал идею «министерства доверия». Во время беседы великий князь останавливался также «на историях со шпионами, фабриках, рабочих, беспорядках, министрах и общем внутреннем положении».⁷³⁹ Содержание заявлений Николая Михайловича было аналогично содержанию речи П.Н.Милюкова, с которой он выступил 1 ноября в Думе.

Лидеры великокняжеской фронды координировали свои демарши не только с лидерами оппозиции, но и с начальником штаба Ставки. Уже 2 ноября произошла встреча Николая Михайловича с М.В.Алексеевым.⁷⁴⁰

Следующим великим князем, принявшим участие в кампании по оказанию морального давления на царя, стал Николай Николаевич, находившийся в Могилеве 7 и 8 ноября. В качестве выхода из положения он указал императору на парламентаризм: «Опомнись, пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне того года я тебе говорил об этом. Ты все медлишь. Смотри, чтобы не поздно было потом. Пока еще время есть, потом уже поздно будет».⁷⁴¹ Наиболее желательным преемником Б.В.Штюрмера Николаю Николаевичу виделся адмирал И.К.Григорович. Кандидатура этого парламентариста была принята на совещании царя, великого князя и М.В.Алексеева.⁷⁴²

Насколько Николай Николаевич увлекся, настаивая на уступках оппозиции, видно из телеграммы его племянника, отправленной великому князю 8 ноября: «После твоего отъезда нашел твой портфель в зале на рояле. Высылаю его с фельдъегерем навстречу тебе из Киева. Счастливого пути».⁷⁴³

После Николая Николаевича за отставку Б.В.Штюрмера и введение парламентаризма в письмах, датированных 11 ноября, выступили перед императором Георгий, брат Николая и Александра Михайловичей, и Михаил. Посылке письма Георгия предшествовала состоявшаяся 10 ноября его беседа с главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом А.А.Брусиловым. Он попросил довести до сведения царя, что «не только можно, но и необходимо дать ответственное министерство».⁷⁴⁴ В письме, написанном на следующий день, Георгий сообщал Николаю, со ссылкой на А.А.Брусилва: «Ненависть к Штюрмеру чрезвычайная. Тогда я старался выяснить, а какие же меры могли бы излечить это состояние?» «На это могу ответить, — писал Георгий, — что общий голос — удаление Штюрмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров».⁷⁴⁵

Тем же днем, что и послание Георгия, т.е. 11 ноября, датировано и письмо царю от его брата. Текст этого письма, составленный компаньоном Михаила, генералом бароном Н.А.Врангелем, был согласован с лидером Прогрессивного блока в Думе В.А.Маклаковым и товарищем министра внутренних дел В.М.Волконским.⁷⁴⁶ Михаил писал о необходимости «министерства доверия».⁷⁴⁷ Письмо царского брата, как и письмо Георгия, опоздало. Увольнение Б.В.Штюрмера произошло 10 ноября.

Наконец, 15 ноября о необходимости уступок оппозиции написал императору другой брат Александра и Николая Михайловичей — Михаил, живший в Англии. «Я искренно надеюсь, Ники, — обращался он к двоюродному племяннику, — что Ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно».⁷⁴⁸

Личные обращения к императору его родственников удались наполовину: Б.В.Штюрмер был уволен, но введения парламентаризма не последовало. Это сделало неизбежным коллективное обращение императорской фамилии к Николаю. Необходимость обращения признавали лидеры Прогрессивного блока. Передавая их мнение, В.М.Волконский говорил Н.А.Врангелю 8 ноября: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей Императорской семьи, in corpore [совместно. — С.К.] заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному

мнению». Подразумевая тех, кто мог бы взять на себя «руководящую роль», В.М.Волконский заметил: «Остановились на великом князе Николае Михайловиче, несмотря на низкий нравственный ценз».⁷⁴⁹

Кандидатура Николая Михайловича для лидеров оппозиции была наиболее приемлемой, поскольку он поддерживал с ними самые тесные отношения. По возвращении из Могилева, писал великий князь императрице-матери 5 ноября, он общался с Н.Н.Львовым и В.В.Шульгиным, а также с А.В.Кривошеиным.⁷⁵⁰ Герцог А.Г.Лейхтенбергский сообщил Александре Федоровне 9 ноября, что Николай Михайлович «распространяет ужасные вещи, все возмущаются его рассказами в клубе, и он постоянно выдается с Родзянко и компанией».⁷⁵¹ Членам Яхт-клуба великий князь объяснял, что «единственное спасение не только России, но и всей Европы — это кадеты».⁷⁵²

Оппозиционная деятельность Николая Михайловича, по мнению царицы, требовала пресечения. «Пожалуйста, — писала она мужу 10 ноября, — заставь Николая Михайловича уехать — он опасный элемент в городе».⁷⁵³ Царь никак не отреагировал на просьбу жены, что свидетельствовало о его примирительных настроениях. Это, казалось бы, должно было способствовать успеху великокняжеского замысла.

Коллективное обращение к Николаю его родственники предполагали сделать путем посылки царю письма. «Семья, — сообщал матери 20 ноября князь Ф.Ф.Юсупов, — хочет написать Дяде коллективный протест».⁷⁵⁴ Инициатором этого был Александр. Он, сообщал Николай Михайлович императрице-матери 19 ноября, выступил за то, чтобы великие князья написали монарху письмо, в котором бы «открыли ему глаза на опасность вмешательства в дела его супруги и выразили чувство личной преданности семьи к нему». Николай Михайлович отказался подписать письмо, не допуская возможности, чтобы великие князья «поднялись на борьбу». В то же время он обосновал еще менее лояльный план, подразумевавший приглашение, по инициативе Марии Федоровны и ее детей, «лучших медицинских светил». После консультации с ними, полагал Николай Михайлович, можно было бы отправить Александру Федоровну «в удаленный санаторий» «для серьезного лечения».⁷⁵⁵ План Николая Михайловича не поддержали, в свою очередь, Александр и Павел. Поэтому возобладала идея личного обращения к Николаю представителя императорской фамилии.

Вместо Николая Михайловича на роль выразителя общефамильного мнения выдвинулся Павел. О настроении лидеров оппозиции он был осведомлен через жену, которой писал М.А.Стахович.⁷⁵⁶ Павел являлся сторонником немедленного введения парламентаризма. Будучи в Ставке, 20 ноября великий князь попросил Николая, чтобы он «дал конституцию».⁷⁵⁷

В конце ноября, исполняя обещание, данное им Александру, Павел собрал во дворце Андрея семейный совет Романовых. На совете было решено, что Павел должен взять на себя «тяжелую обязанность говорить от имени всех».⁷⁵⁸

Параллельно с подготовкой обращения к Николаю упрочивались отношения между великими князьями и лидерами оппозиции. После со-

стоявшегося 26 ноября разговора с Кириллом В.М.Пуришкевич убедился, что великий князь совместно с А.И.Гучковым и М.В.Родзянко «затекает что-то недопустимое в отношении государя».⁷⁵⁹

Николай Михайлович общался с лидерами оппозиции в Яхт-клубе. Царица сообщила мужу 4 декабря, что Николай Михайлович, Н.П.Балашев и Б.А.Васильчиков «заодно в клубе». На следующий день Александра Федоровна, подразумевая возможный приезд Николая Михайловича в Ставку, просила монарха: «будь строг и пробери его за письмо и поведение в городе».⁷⁶⁰ Хотя от наказания Николая Михайловича царь опять уклонился, лидеры оппозиции и царские родственники слепо верили, что Николай находится под влиянием Александры Федоровны, а она является главной преградой на пути к парламентаризму.

Пытаясь нейтрализовать гипотетическое влияние царицы, думцы и «либеральные сановники», посещавшие Кирилла, попросили его жену, Викторю Федоровну, встретиться с Александрой Федоровной. Виктория говорила Александре о необходимости парламентаризма 26 ноября. Великая княгиня указала на А.В.Кривошеина, Г.Е.Львова, Н.Н.Покровского и А.Д.Самарина как лиц, достойных быть «ответственными министрами».⁷⁶¹

В течение 30 ноября и 1 декабря с императрицей общалась ее сестра Елизавета Федоровна. Великая княгиня приехала из Москвы, чтобы, писала она Николаю 29 декабря, «предупредить вас, что все классы — от низших и до высших, и даже те, кто сейчас на фронте, дошли до предела!»⁷⁶² Попытки Виктории и Елизаветы были безуспешны.

Личное обращение Павла к императору произошло 3 декабря. Великий князь объявил, что фамильный совет поручил ему просить его величество «даровать конституцию».⁷⁶³ На все доводы дяди со стороны Николая последовал отказ.

Основную причину неудачи Павла царские родственники видели в Александре Федоровне. Поэтому великие князья и княгини «отвернулись от нее» и начали обсуждать «возможность дворцовой революции». Герцог А.Г.Лейхтенбергский, командовавший одним из казачьих полков, сообщил своей знакомой: «Меня прошупывали на предмет того, не поведу ли я своих казаков против правительства. Я ответил, что не приму никакого участия во всей этой кутерьме и просто сниму с себя командование. Мы стремительно приближаемся к революции».⁷⁶⁴ Если поначалу объектом недовольства царских родственников являлась Александра Федоровна, то лидеры оппозиции разрабатывали планы, нацеленные не только против императрицы, но и императора.

В начале декабря Г.Е.Львов задумал возвести на престол Николая Николаевича, вероятно — в качестве регента. Он должен был назначить «ответственное министерство» во главе с самим Г.Е.Львовым. Об этом замысле знал А.И.Гучков.⁷⁶⁵ Разгон 9 и 11 декабря в Москве съездов оппозиционных организаций способствовал усилению антидинастических настроений их участников.⁷⁶⁶

После разгона Г.Е.Львов уведомил о своей комбинации князя П.Д.Долгорукова, М.М.Федорова, М.И.Челнокова и тифлисского городского голову А.И.Хатисова. Последнему поручили предложить Николаю Нико-

лаевичу присоединиться к заговору.⁷⁶⁷ Между тем неудача Павла утвердила князя Ф.Ф.Юсупова, зятя Александра, и сына Павла — Дмитрия в их намерении убить Г.Е.Распутина. Царские родственники и члены Прогрессивного блока считали старца виновником упорства царицы, а значит — и царя. Намерение Ф.Ф.Юсупова и Дмитрия нашло поддержку у М.В.Родзянко и В.А.Маклакова, сообщившего об этом намерении П.Н.Милюкову.⁷⁶⁸ В свою очередь, В.М.Пуришкевич информировал о предстоящем убийстве старца В.В.Шульгина.⁷⁶⁹

Председатель Думы сказал Ф.Ф.Юсупову: «Выход один — убить негодяя. Но в России нет на то ни одного смельчака. Не будь я так стар, я бы сам его прикончил». «Слова Родзянки, — вспоминал князь, — укрепили меня». М.В.Родзянко и его жена не только одобрили намерение Ф.Ф.Юсупова, но и были посвящены в способы его реализации. По свидетельству князя, они «знали о нашем плане».⁷⁷⁰

Тесные связи с лидерами оппозиции поддерживал и Дмитрий. Он входил в «организацию из крупных офицеров», созданную под эгидой А.И.Гучкова и М.В.Родзянко сыном последнего, офицером Преображенского полка.⁷⁷¹

Состоявшееся в ночь с 16 на 17 декабря убийство старца было чисто политической акцией. Его участники предполагали, что после устранения Г.Е.Распутина произойдет установление парламентаризма.⁷⁷² Однако убийство сделало императора более несговорчивым. Возвратившись из Могилева, Николай заявил А.А.Вырубовой: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгарены кровью мужика».⁷⁷³

Царь одобрил распоряжение супруги о домашнем аресте Дмитрия. Павел 19 декабря попросил Николая освободить сына. Но царь уклонился от этого, сказав дяде, что «не может сейчас дать ему ответ, но пришлет завтра утром». В тот же день Андрей, Кирилл и князь Гавриил Константинович посетили Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова. Гости заверили Дмитрия, что «мы, — записал Андрей в дневнике, — все стоим за него, и он может вполне на нас рассчитывать. Что бы ни случилось — мы будем за него».⁷⁷⁴ Согласно Ж.М.Палеологу, не сославшемуся на источник собственной осведомленности, в конце декабря 1916 г. Андрей, Борис и Кирилл хотели «спасти царизм путем дворцового переворота».⁷⁷⁵ Оппозиционность Владимировичей была такова, что слухи о ней дошли до царя. Николай говорил 3 января 1917 г. флигель-адъютанту А.Н.Линевицу, что Андрей и Борис «часто» собираются у Кирилла, «нескромно» обсуждают «текущие события» и это его, Николая, «огорчает».⁷⁷⁶

Ж.М.Палеолог утверждал, что Андрей, Борис и Кирилл намеревались, опираясь на четыре гвардейских полка, заставить Николая отречься, заточить Александру Федоровну в монастырь и объявить императором их сына Алексея, а регентом — Николая Николаевича. Поход полков на Царское Село, по мысли заговорщиков, должен был возглавить Дмитрий. Поэтому Андрей и Кирилл убеждали Дмитрия «довести до конца дело народного спасения». Но он отказался поднять руку на венценосцев.⁷⁷⁷ Эта информация соотносится с информацией отставного полицейского генерала А.В.Герасимова. В конце декабря ему стало известно о подготовке дворцового заговора, в котором руководящую роль якобы играл Андрей. Почти

все великие князья и близкие к ним офицеры либо примыкали к заговору, либо ему сочувствовали. Заговорщики предусматривали отречение Николая и провозглашение царем Алексея при регентстве Михаила.⁷⁷⁸

Ф.Ф.Юсупов дословно воспроизвел версию Ж.М.Палеолога в эмигрантских воспоминаниях, тем самым как бы подтвердив ее достоверность. Однако от себя Ф.Ф.Юсупов добавил, что Дмитрию предложили «поддержать политическое выступление» не великие князья, а «несколько офицеров». Они заявили, что их полки готовы защитить арестованных.⁷⁷⁹ Очевидно, царские родственники были причастны к заговору, но руководили им не они. Более того, великие князья, зная о промежуточной цели заговора, состоявшей в установлении парламентаризма, могли и не знать о конечной цели заговора, заключавшейся в низложении Николая.

Впрочем, опалы, наложенные царем на Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова, сделали участников великокняжеской фронды восприимчивыми к аргументам лидеров оппозиции в пользу переворота. После революции царские родственники предпочитали об этом не вспоминать. Гавриил отметил только, что в конце 1916 г. «общественное мнение было возбуждено против государя и государыни» и «говорили, что государыню следует заточить в монастырь».⁷⁸⁰ На самом деле говорили и о другом.

Согласно дневниковой записи Ж.М.Палеолога от 23 декабря, накануне выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете И.Х.Озеров и А.И.Путилов говорили Гавриилу, что «единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим» заключается в том, чтобы собрать членов императорской фамилии, лидеров Государственного совета и Думы, представителей дворянства и армии, «торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей». Совершенно не протестуя, Гавриил ограничился тем, что сформулировал несколько возражений практического характера. Рекомендации собеседников он обещал передать родственникам.⁷⁸¹

Все же, в отличие от лидеров оппозиции, участники великокняжеской фронды придавали первенствующее значение моральному воздействию на Николая в пользу Дмитрия. Но это воздействие успеха не имело. Царское письмо, полученное Павлом 21 декабря, содержало отказ от освобождения его сына.⁷⁸² По инициативе Павла у Андрея собрались Александр, Борис, Кирилл и Мария Павловна. Они обсудили, «посылать ли Ники или нет заготовленный ответ». Его проект «все одобрили».⁷⁸³ Было решено, что на следующий день общее мнение передаст императору Александр. Он высказался перед Николаем за «министерство доверия» и уговаривал его отказаться от возбуждения дела против убийц Г.Е.Распутина.⁷⁸⁴ За Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова ходатайствовала по телеграфу и Мария Федоровна. В ответной телеграмме матери Николай сообщал, что «дело будет прекращено теперь же».⁷⁸⁵ Тем не менее царские родственники и лидеры оппозиции сблизилась еще сильнее.

Принимая 24 декабря М.В.Родзянко, Мария Павловна, Андрей и Кирилл заявили, сообщила жена М.В.Родзянко З.Н.Юсуповой, что «спасение только в Думе».⁷⁸⁶ Мария Павловна, по воспоминаниям М.В.Родзян-

ко, говорила «о бездарности правительства», А.Д.Протопопове и императрице, считая «вредным ее влияние и вмешательство во все дела». «Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить», — заявила Мария, подразумевая, конечно, не убийство царицы, а устранение ее с политической арены.⁷⁸⁷ М.В.Родзянко утверждал, что мнение Марии не поддержал. На самом деле председатель Думы солидаризировался с великой княгиней. По свидетельству Андрея, М.В.Родзянко заявил августейшим собеседникам, что «морально он, безусловно, на нашей стороне».⁷⁸⁸

В конце декабря кампания в пользу Дмитрия, наказанного Николаем ссылкой в Персию, достигла наивысшей точки. На состоявшемся у Марии Павловны 29 декабря совещания Романовых его участники по инициативе Николая Михайловича решили обратиться к императору с просьбой о помиловании Дмитрия. Характеризуя настроение родственников, Андрей записал: «Все семейство крайне возбуждено, в особенности молодежь, их надо сдерживать, чтобы не сорвались». Поднимался вопрос об игнорировании новогоднего приема у царя. Николай Михайлович объявил, что «не поедет ни за что в Царское Село, так как не желает целовать руки». Другие Романовы «решили ехать».⁷⁸⁹

В письме, составленном О.В.Палей и подписанном 16 царскими родственниками, они просили Николая «смягчить суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича».⁷⁹⁰ Письмо, несмотря на кажущуюся аполитичность, имело политический подтекст. Он заключался в демонстрации императорской фамилией решимости добиться введения парламентаризма путем устранения от дел императрицы.⁷⁹¹ Политический подтекст письма предопределил отрицательное отношение к нему Николая, запечатленное его резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай».⁷⁹²

Существование у письма политического подтекста подтвердило поведение Николая Михайловича. В конце декабря он являлся сторонником удаления любой ценой царицы и А.Д.Протопопова.⁷⁹³ Более того, Николай Михайлович был осведомлен, что заговор, нацеленный против царя, созрел.⁷⁹⁴ Заговорщики предлагали великому князю стать после свержения Николая первым российским президентом. Накануне нового года Николай Михайлович говорил министру иностранных дел Н.Н.Покровскому: «Какое мне, великому князю, готовиться на старости лет в президенты Российской республики».⁷⁹⁵ Роль, которую Николай Михайлович играл в оппозиционном лагере, была столь значительна, что именно с ним Д.У.Бьюкенен советовался о том, что сказать императору 30 декабря.⁷⁹⁶ Копии письма в пользу Дмитрия Николай Михайлович роздал членам Яхт-клуба. За клубным столом он высказывал «резкие суждения» в адрес «немецкой» политики «Алисы Гессен-Дармштадтской» и сетовал «на безвольность и недалководность» ее мужа.⁷⁹⁷ Монарху стало известно о поведении великого князя. Подразумевая Николая Михайловича, царь говорил А.Н.Линевичу 3 января 1917 г.: «Но этот Бог знает, что себе позволял».⁷⁹⁸ Николай наложил опалу на родственника, приказав ему

31 января отправиться на два месяца, до 1 марта 1917 г., в свое имение Грушевка. Впрочем, Николай Михайлович сам напросился на ссылку.⁷⁹⁹ Тем не менее вину за нее он возлагал на царицу. «Александра Федоровна торжествует, — записал Николай Михайлович 31 декабря, — но надолго ли, стерва, удержит власть?»⁸⁰⁰

Во время происходившего 1 января новогоднего приема представители императорской фамилии приносили царю поздравления. Но прием отличался «исключительной сухостью». Николай молча выслушал поздравления, не удостоив никого «ни единым словом».⁸⁰¹ Масла в огонь подлило то, что царь не послал родственникам рождественские подарки. Вмешательство министра двора графа В.Б.Фредерикса предотвратило готовившийся скандал.⁸⁰² Однако разрыв Николая и Александры Федоровны с императорской фамилией был совершившимся фактом. Это подтвердили и события, происходившие в Тифлисе.

Выполняя поручение Г.Е.Львова и его единомышленников, после новогоднего приема, А.И.Хатисов предложил Николаю Николаевичу присоединиться к заговору и взойти на престол. Городской голова заметил, что начальник главного артиллерийского управления генерал А.А.Маниковский «готов всячески помочь в этом деле с армией».⁸⁰³ Великий князь не арестовал А.И.Хатисова, а пригласил его придти за окончательным ответом через два дня. Поведение Николая Николаевича свидетельствовало об атрофии у него не только родственников, но и верноподданнических чувств.⁸⁰⁴ Давая 3 января 1917 г. отрицательный ответ, Николай Николаевич заявил А.И.Хатисову, что «солдаты, отражающие русский народ, не поймут сложных комбинаций, заставляющих пожертвовать царем, и едва ли будут на стороне заговорщиков».⁸⁰⁵

Отказ от поддержки заговора великий князь мотивировал не присягой, а соображениями чисто прагматического порядка. Мысль о возможности восшествия на престол не покинула Николая Николаевича. В январе его пасынок герцог С.Г.Лейхтенбергский, связанный с А.И.Гучковым, спросил у полковника В.И.Павленкова, командовавшего Запасным батальоном Преображенского полка, как отнесется батальон к «дворцовому перевороту», в ходе которого «на царский престол будет возведен вместо нынешнего государя один из великих князей».⁸⁰⁶ О планах Николая Николаевича царь не знал. Но в начале января ему были известны настроения других родственников. Именно тогда Николаю А.Д.Протопопов доложил содержание перехваченных МВД письма З.Н.Юсуповой сестре царя Ксении Александровне и телеграммы Елизаветы Федоровны. З.Н.Юсупова сожалела, что убийцы Г.Е.Распутина «не довели своего дела до конца и не убрали всех, кого следует». «Теперь, — намекая на царицу, писала З.Н.Юсупова, — остается только “Ее” запретить». Елизавета «благословляла» Ф.Ф.Юсупова. Тем не менее от наложения новых опал Николай воздержался, поскольку «все это, — заявил он А.А.Вырубовой, — так низко, что ему противно этим заниматься».⁸⁰⁷

В то же время Николай не собирался жертвовать Александрой: не только в силу своих чувств к ней, но и потому, что лучше, чем кто бы то ни было, знал истинную цену слухам о германофильстве и всевластии жены.

Когда в начале января К.Д.Нилов умолял императора расстаться с императрицей, Николай заметил: «Императрица иностранка; у нее нет никого, кроме меня, для того, чтоб защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину... Впрочем, все, в чем ее упрекают, неверно. На ее счет распространяют гнусные клеветы; но я сумею заставить ее уважать».⁸⁰⁸

Отказ Николая от удаления жены для императорской фамилии и лидеров оппозиции был равнозначен отказу от установления парламентаризма. В начале 1917 г. поведение царя его родственники, как и оппозиционеры, будучи пленниками массового психоза, объясняли тем, что монарх окончательно подчинился влиянию царицы.⁸⁰⁹ К этому времени Романовых и оппозиционеров соединяла политическая солидарность. Именно в середине января Виктория Федоровна сообщила флигель-адъютанту барону П.Н.Врангелю, что большинство императорской фамилии и, главным образом, семья Марии Павловны признают необходимым «изменить существующий порядок вещей» и в этом отношении с ними единодушен «ряд наиболее видных членов Думы».⁸¹⁰ Политическая солидарность императорской фамилии и лидеров оппозиции сделала великих князей активными союзниками Прогрессивного блока. Это видно на примере царского брата.

В январе 1917 г. Михаил, с которым «договорились» оппозиционеры, «прекрасно понимал необходимость создания ответственного правительства».⁸¹¹ Михаил содействовал подготовке аудиенций у царя деятелям, которые могли представить аргументы в пользу введения парламентаризма. Когда 3 января Михаил посетил М.В.Родзянко, то, выражая мнение родственников, заявил: «Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли». В ответ М.В.Родзянко высказался за дарование «министерства доверия», удаление Александры, созыв законодательных палат и содействие великого князя в подготовке аудиенции председателя Думы у царя. Михаил «со всем согласился».⁸¹² Великий князь обещал, сообщала 7 января жена М.В.Родзянко З.Н.Юсуповой, «все передать государю» и убедить императора принять М.В.Родзянко и его единомышленника А.Д.Самарина.⁸¹³

В результате 7 января Николай принял М.В.Родзянко, а 10-го — А.Д.Самарина. Великий князь помог устроить аудиенцию у царя и А.А.Клопову, который добивался ее в течение полугода. «Я, — писал Михаил брату 19 января, — также хотел Тебе напомнить о старике Клопове, которого Ты согласился принять. Очень прошу это сделать на этих днях, т.е. до отъезда на Ставку».⁸¹⁴ Накануне встречи с императором А.А.Клопов советовался с Михаилом о содержании того, что предполагал изложить Николаю. «Необходимо, — писал А.А.Клопов Михаилу 22 января, — переговорить о некоторых вопросах, а главное о князе Г.Е.Львове».⁸¹⁵ Содействие Михаила А.А.Клопову также было весьма результативным. Его аудиенция у царя состоялась уже 29 января.⁸¹⁶

Тесные контакты с лидерами оппозиции, в том числе с организаторами дворцового переворота, поддерживали и другие участники великокняжеской фронды. По пути к месту ссылки Николай Михайлович 4 января встретился в Киеве с М.И.Терещенко и В.В.Шульгиным. М.И.Терещенко заявил Николаю Михайловичу, что «через месяц все лопнет». Неделю спустя,

12 января, М.И.Терещенко встретился с Александром и Марией Федоровной.⁸¹⁷ Немного позже М.И.Терещенко сообщил Александру о подготовке дворцового переворота, в результате которого царь отречется в пользу Алексея, а верховная власть «будет вручена особому совету». Мотивируя перед великим князем необходимость переворота, М.И.Терещенко ссылался на ложные слухи о желании Александры Федоровны, свергнув супруга, взять власть в свои руки.⁸¹⁸ Подобно Николаю Михайловичу и Николаю Николаевичу, Александр, информированный о заговоре против его племянника, ничего не сообщил о нем ни царю, ни царице.

Молчание царских родственников ярче всего демонстрировало глубину политического раскола между ними и их номинальным главой. Только герцог А.Г.Лейхтенбергский 4 февраля попросил Николая потребовать от всей императорской фамилии вторичной присяги себе. «Напрасно Сандро так беспокоится о пустяках! — отреагировал на эту просьбу царь. — Я не могу обижать мою семью, требуя от них присяги!»⁸¹⁹ Спокойная реакция Николая объяснялась тем, что он и Александра Федоровна не придавали великокняжеской фронде серьезного значения, видя в ней только «семейные интриги». Царь и царица полагали, что «верность народа и армии достаточная гарантия устойчивости трона».⁸²⁰

Оппозиция кучки фрондеров должна была казаться Николаю настоящей бурей в стакане воды. Это обстоятельство предопределило поведение царя и царицы во время их встречи с Александром, состоявшейся 10 февраля. Великий князь пошел на нее по настоянию М.В.Родзянко.⁸²¹ Перед этим, 4 февраля, Александр адресовал племяннику письмо. В нем доказывалась необходимость фактического дарования парламентаризма путем образования «министерства доверия».⁸²²

Главной преградой на пути к парламентаризму Александр и другие царские родственники по-прежнему считали влияние царицы. Чем далее, тем более их вера в пресловутое влияние приобретала, вопреки фактам, прямо-таки гротескные формы.⁸²³ Пребывая в плену массового психоза, Александр умолял императрицу 10 февраля не мешать установлению парламентаризма. «Я, — вспоминал он, явно преувеличивая собственный консерватизм, — объяснил, что, каким бы я ни был врагом парламентских форм правления в России, я был убежден, что, если бы государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Ники и облегчил его задачу».⁸²⁴

Не убедив императрицу, Александр обратился к императору. Великий князь потребовал от Николая увольнения А.Д.Протопопова, дарования «ответственного министерства» и устранения царицы от «управления государством». Явно по совету заговорщиков из группы А.И.Гучкова Александр настаивал «на скорейшем возвращении» царя в Ставку.⁸²⁵ Отвечая великому князю, Николай заметил, что «пока немцы на русской земле, он никаких реформ проводить не будет».⁸²⁶

После Александра царя посетил его брат, который говорил «в том же духе».⁸²⁷ Михаил выполнял рекомендации А.А.Клопова. Он советовал великому князю 7 февраля «влиять на кого следует» в пользу назначения

премьером Г.Е.Львова.⁸²⁸ Михаил, как и Александр, доказывал, что «в армии растет большое неудовольствие по поводу того, что государь живет в Царском и так долго отсутствует из Ставки».⁸²⁹ Миссия Михаила, по видимости, также закончилась ничем.

Отказ императора от немедленного введения парламентаризма навел его родственников на мысль о целесообразности насильственного исторжения у него согласия на это. Подразумевая царя и царицу, Александр писал Николаю Михайловичу 14 февраля после общения с В.И.Гурко, А.И.Гучковым и М.В.Родзянко, что венценосцы «уступят только силе».⁸³⁰ Тем не менее, при всей своей оппозиционности, лидеры великокняжеской фронды не шли далее введения парламентаризма. Первейшую предпосылку этого они видели в изолировании царя от супруги.⁸³¹

Пока представители императорской фамилии, солидарные с оппозиционерами, утверждали себя в непримиримом отношении к венценосцам, царь и царица решили пойти навстречу близким и смягчить наказания убийцам Г.Е.Распутина.⁸³² Но примирение царской семьи с ее родственниками сделала невозможным революция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О политике правительства осенью 1916 г. и реакции на нее со стороны оппозиции см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С.226–240; *он же*. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.605–616; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.195–204; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг ответственного министерства) и «правительства доверия». Л., 1977. С.201–205; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.104–126; Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

² Вельяминов Н.А. Воспоминания о Д.С.Сипягине // РА. М., 1995. Т.6. С.379; Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002. С.78–80. Ср.: Елизавета Федоровна – В.Б.Фредериксу. 18 марта 1908 г. // РГИА. Ф.472. Оп.45. 1908 г. Д.106. Л.362; Допрос Г.Е.Рейна. 29 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.–Л., 1926. Т.5. С.16–18; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николаю II и другие документы. М.–Л., 1927. С.139–140, 153; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.128; Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 6. С.149; Александра Федоровна – Николаю II. 3 июня 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 4 июня 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 5 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.465, 467; Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.310–311.

³ Родзянко М.В. Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.138; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.149.

⁴ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.30; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима... Л., 1925. Т.4. С.253, 470; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.60; Допрос М.В.Родзянко // Там же. М.–Л., 1927. Т.7. С.142; А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве // РП. 1994. Кн.5. С.49; Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // РВ. 1995. Кн.62. С.160; Запись заседания Совета министров 24 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.205.

⁵ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С.136–139.

⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.13, 61.

⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С.101. Ср.: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.141; Родзянко М.В. Крушение Империи. С.138; Заславский Д.О. Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С.27; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1961. Т.2. С.102.

⁸ Николай II – Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.

⁹ Воейков В.Н. Указ. соч. С.101.

¹⁰ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.166.

¹¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62; Николай II – Александре Федоровне. 20 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.513.

¹² Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1924. Т.1. С.119.

¹³ Вырубова А.А. Страницы из моей жизни // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.220. Ср.: Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62.

¹⁴ Показания С.П.Белецкого // Там же. С.470.

¹⁵ «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову // Источник. 1999. № 1. С.38.

¹⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62; Николай II. Дневники императора Николая II. М., 1991. С.600–602; Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.544.

¹⁷ Николай II – Александре Федоровне. 9 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 10 сентября 1916 г. // Там же. С.547; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С.152.

¹⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.154.

¹⁹ Бюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991. С.195–196; Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.179. С.102; Александра Федоровна – Николаю II. 14 и 15 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.552–553. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича–Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.2. С.65.

²⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1., 1924. С.270; Николай II. Дневники императора Николая II. С.603.

²¹ Н.А.Воеводский – Николаю II. 15 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.334. Л.1.

²² Карбачевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. С.154–155.

²³ Заключение Г.П.Пирчича. 2 октября 1917 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.552. Л.114; Показания графа Д.А.Олсуфьева // Там же. Л.25. Ср.: Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1926. Т.6. С.338; Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция 1917 г. // АРР. 1922. Т.6. С.50; *он же*. Крушение Империи. С.128; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.158. См. также: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.280–282; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.187–192; Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С.195–202.

²⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 9 июня, 14, 15, 20, 22 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.473, 552–553, 561, 567.

²⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 25 сентября 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 26 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.573–574, 576–577.

²⁶ Александра Федоровна – Николаю II. 26 сентября 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 26 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября 1916 г. // Там же. С.574–577. Ср.: Врангель Н.А. Дневник // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.55. Л.17; Рутыч Н.Н. Думская монархия. СПб., 1993. С.93.

²⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября и 16 и 17 октября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.577, 588–589.

²⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.91.

²⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.157.

³⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.30. Ср.: Александра Федоровна – Николаю II. 16 октября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.588.

³¹ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова. 22 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.2441. Д.133. Л.202.

³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.494, 495.

³³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.139.

³⁴ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым, устроенное на квартире М.В.Родзянко. 19 октября 1916 г. // Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С.145, 149.

³⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.65–66.

³⁶ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.178.

³⁷ Протопопов А.Д. Из дневника // КА. 1925. Т.10. С.182.

³⁸ Выступление С.А.Куколя–Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т.4. С.163.

³⁹ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.180. Ср.: А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.48.

⁴⁰ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.

- ⁴¹ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.179.
- ⁴² Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.289.
- ⁴³ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода. В 2-х т. М., 1993. Т.1. С.178.
- ⁴⁴ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.180.
- ⁴⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.164.
- ⁴⁶ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21 об.
- ⁴⁷ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120.
- ⁴⁸ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.186.
- ⁴⁹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120. Ср.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.90.
- ⁵⁰ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.144,154.
- ⁵¹ Милоков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.228–229.
- ⁵² Ср.: П.Н.Игнатъев – В.Т.Шевякову. 21 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1129. Оп.1. Д.107. Л.32–32 об.; А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 22 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.13; Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). Под знаком Временного правительства // АРР. 1923. Т.11. С.65; Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. В 2-х т. Берлин, б.г. Т.2. С.86; Лопухин В.Б. Люди и политика (конец XIX – начало XX в.) // ВИ. 1966. № 10. С.121; Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.178; Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.160; Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 4–5. С.22.
- ⁵³ Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992. № 5. С.165.
- ⁵⁴ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф.389. Оп.1. Д.46. Л.86.
- ⁵⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.139.
- ⁵⁶ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.179. С.107.
- ⁵⁷ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.203; Ср.: Гучков А.И. Из воспоминаний А.И.Гучкова // Подвиг. М., 1991. Вып. 38. С.217.
- ⁵⁸ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.137–138. Ср.: Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.146.
- ⁵⁹ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр.48. С.102–103.
- ⁶⁰ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.31.
- ⁶¹ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.148.
- ⁶² Рейн Г.Е. Указ. соч. Т.2. С.86.
- ⁶³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.168.
- ⁶⁴ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.178. Ср.: Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.22.
- ⁶⁵ Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. С.220.
- ⁶⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161.
- ⁶⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.143.
- ⁶⁸ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.342–343.
- ⁶⁹ Ганелин Р.Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С.138,139.
- ⁷⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161.
- ⁷¹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.153–154.
- ⁷² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.14–15.
- ⁷³ Александра Федоровна – Николаю II. 1 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.602.
- ⁷⁴ Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.22.
- ⁷⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.145.
- ⁷⁶ Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.22–23; Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Там же. Т.7. С.289.
- ⁷⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.145; Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.2. С.352–355.
- ⁷⁸ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.289.
- ⁷⁹ Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.156.
- ⁸⁰ Б.В.Штюрмер – М.В.Родзянко. 31 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.233.
- ⁸¹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.228.
- ⁸² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.130–132.
- ⁸³ Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах // РЛ. 1924. Кн.6. С.75; Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С.210–211; Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С.243–244. Текст речи П.Н.Милокова см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.245–253.

- ⁸⁴ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78. Ср.: Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.265; Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.356.
- ⁸⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.72.
- ⁸⁶ Иенатъев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.9. С.283.
- ⁸⁷ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С.232.
- ⁸⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78.
- ⁸⁹ Иенатъев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.283; Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С.190.
- ⁹⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78.
- ⁹¹ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С.15.
- ⁹² Александра Федоровна – Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.
- ⁹³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.–Дюссельдорф, 1993. С.179.
- ⁹⁴ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.82–83.
- ⁹⁵ Витенберг Б.М. Комментарии // Глинка Я.В. Указ. соч. С.287.
- ⁹⁶ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.155–156; Родзянко М.В. Крушение Империи. С.147.
- ⁹⁷ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.156.
- ⁹⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.609.
- ⁹⁹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84.
- ¹⁰⁰ Там же. Ср.: Савич Н.В. Указ. соч. С.174–175.
- ¹⁰¹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84,85.
- ¹⁰² Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 3. С.24.
- ¹⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.133.
- ¹⁰⁴ Выступления Д.С.Шуваева и И.К.Григоровича. 4 ноября 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т.4. С.77–78; Глинка Я.В. Указ. соч. С.157.
- ¹⁰⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.134.
- ¹⁰⁶ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
- ¹⁰⁷ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84–84 об. Ср.: К истории гвоздевины («Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК) // КА. 1934. Т.67. С.90.
- ¹⁰⁸ Николай II – М.В.Родзянко. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.32,43–44.
- ¹⁰⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.609.
- ¹¹⁰ В конце 1916 г. // Было. 1918. № 30. С.150.
- ¹¹¹ Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах. С.73.
- ¹¹² Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С.64.
- ¹¹³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.76–77.
- ¹¹⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 7 и 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.611–612,614. Ср.: Аврех А.Я. Распад третьейимперии системы. С.126.
- ¹¹⁵ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84–85.
- ¹¹⁶ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.149.
- ¹¹⁷ Дякин В.С. Крушение царизма // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.635.
- ¹¹⁸ О назначении А.Ф.Трепова и его отношениях с Думой см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.248–251; он же. Царизм и Первая мировая война. С.620–624; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.217–234; Стяжев В.И. Указ. соч. С.214–219; Аврех А.Я. Распад третьейимперии системы. С.127–145; Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917); Ганелин Р.Ш. После Распутина // Историк и революция. СПб., 1999. С.117–122.
- ¹¹⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.135; «Успокоения нечего ожидать». С.40.
- ¹²⁰ Николай II – А.Ф.Трепову. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.30.
- ¹²¹ Последней временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1965. № 1. С.107.
- ¹²² Александра Федоровна – Николаю II. 10 и 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615–617. Ср.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.152.
- ¹²³ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.433; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.530; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.13.

- ¹²⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 10 и 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.617.
- ¹²⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.118; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.78.
- ¹²⁶ Докладная записка А.Ф.Трепова Ю.А.Икскулю фон Гильденбандту. 17 января 1906 г. // РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.23. Л.337–337 об.; Всеподданнейший доклад Ю.А.Икскуля фон Гильденбандта. 15 февраля 1906 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.7. Д.1118. Л.89; Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.348; Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.136; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.119; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.63; *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.1. С.177–178; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // РП. 1998. Кн. 8. С.99; Запись заседания Совета министров 26 апреля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.329–330. Служебный формуляр А.Ф.Трепова см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С.676–678.
- ¹²⁷ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128–129.
- ¹²⁸ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.170.
- ¹²⁹ *Кривошеин К.А.* А.В.Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России нач. XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С.291.
- ¹³⁰ *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.2. С.219.
- ¹³¹ Николай II – Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.616.
- ¹³² *Врангель Н.А.* Записная книжка // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.54. Л.444 об.
- ¹³³ Николай II – Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.616.
- ¹³⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.149.
- ¹³⁵ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128–129.
- ¹³⁶ *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С.17. См. также: Показания М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.136; *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.287–288.
- ¹³⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.33.
- ¹³⁸ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.15–16.
- ¹³⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.162.
- ¹⁴⁰ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.290.
- ¹⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611.
- ¹⁴² *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.16.
- ¹⁴³ Александра Федоровна – Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.619. Ср.: *Аверех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.148.
- ¹⁴⁴ Копия всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепова от 14 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.1.
- ¹⁴⁵ Николай II – А.А.Макарову. 10 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.96.
- ¹⁴⁶ Допрос А.А.Макарова. 14 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.128.
- ¹⁴⁷ И.Ф.Манасевича-Мануйлова арестовали в августе 1916 г. по обвинению в вымогательстве взятки у товарища директора Соединенного банка И.С.Хвостова, двоюродного брата А.Н.Хвостова. Расследование, проведенное генералами М.Д.Бонч-Бруевичем и Н.С.Батюшиным, показало, что дело И.Ф.Манасевича было спровоцировано А.Н.Хвостовым и его ставленником, директором Департамента полиции генералом Е.К.Климовичем (Справка по делу И.Ф.Манасевича-Мануйлова // РГИА. Ф.525. Оп.2 (217/2715). Д.696. Л.4–4 об.; Показания В.Л.Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.322,323; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.498; Александра Федоровна – Николаю II. 10 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.630–631). Убеждение в невиновности И.Ф.Манасевича разделяли также старец и царица (*Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг. // РА. М., 1998. Т.8. С.218).
- ¹⁴⁸ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.17.
- ¹⁴⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.618–619.
- ¹⁵⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.612.
- ¹⁵¹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161–162.
- ¹⁵² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128. См. также: *Пуришкевич В.М.* Дневник: «Как я убил Распутина». Рига, 1924. С.45; Г.Е.Распутин – Николаю II и Александре Федоровне. 16 ноября 1916 г. // *Распутин Г.Е.* Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье. М., 1990. С.43.
- ¹⁵³ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161–162.
- ¹⁵⁴ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128.
- ¹⁵⁵ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания. М., 1990. С.169.

- ¹⁵⁶ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С.168–169.
- ¹⁵⁷ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919. СПб., 1995. С.335.
- ¹⁵⁸ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.187.
- ¹⁵⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. 619–620. Ср.: К истории последних дней царского режима // КА. 1926. Т.14. С.237–238.
- ¹⁶⁰ *Войков В.Н.* Указ. соч. С.160.
- ¹⁶¹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.170.
- ¹⁶² *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.186–187.
- ¹⁶³ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120.
- ¹⁶⁴ *Войков В.Н.* Указ. соч. С.129.
- ¹⁶⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.
- ¹⁶⁶ П.А.Бадмаев – Николаю II. 15 октября 1916 г. // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.32–33.
- ¹⁶⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.189; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.55.
- ¹⁶⁸ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161.
- ¹⁶⁹ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.35 об.; Николай Михайлович – Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М., 1925. С.89–90; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.181. С.78; *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.63.
- ¹⁷⁰ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.23.
- ¹⁷¹ *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.102.
- ¹⁷² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.353.
- ¹⁷³ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.120; *Симанович А.С.* Указ. соч. С.94,101.
- ¹⁷⁴ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.178.
- ¹⁷⁵ А.Ф.Трепов – А.А.Риттиху. 20 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29844. Л.19–19 об.
- ¹⁷⁶ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.346.
- ¹⁷⁷ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.165.
- ¹⁷⁸ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.186.
- ¹⁷⁹ Текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.311–318.
- ¹⁸⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.16.
- ¹⁸¹ Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.144.
- ¹⁸² Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.349–350.
- ¹⁸³ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.17.
- ¹⁸⁴ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.168. Текст речи Н.Е.Маркова 2-го см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.214–231.
- ¹⁸⁵ *Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 1993. С.146.
- ¹⁸⁶ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.531.
- ¹⁸⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.17.
- ¹⁸⁸ А.Д.Протопопов – Николаю II. Не ранее 22 ноября 1916 г. Черновик // ГАРФ. Ф.582. Оп.1. Д.33. Л.1.
- ¹⁸⁹ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.235,236.
- ¹⁹⁰ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.478.
- ¹⁹¹ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова. 23 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.2441. Д.133. Л.225.
- ¹⁹² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613.
- ¹⁹³ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412–414.
- ¹⁹⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613; В.Б.Фредерикс – А.Ф.Трепову. 30 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.420.
- ¹⁹⁵ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 8 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.421.
- ¹⁹⁶ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // Там же. Оп.12. Д.1818. Л.12–13 об.
- ¹⁹⁷ Выступление С.А.Куколя-Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Т.4. С.163.
- ¹⁹⁸ Николай II – М.В.Родзянко. 7 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.635. Л.84.
- ¹⁹⁹ Николай II – Александре Федоровне. 4 декабря 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 14 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.622,638,643. Ср.: Выписка из письма А.А.Эрна Ю.М.Эрн. 1 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1983. Л.21.
- ²⁰⁰ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.169.
- ²⁰¹ *Друцкой-Соколинский В.А.* Указ. соч. С.246,247.

- ²⁰² Александра Федоровна – Николаю II. 9 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.629
- ²⁰³ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.615; Николай II – Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.636.
- ²⁰⁴ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.16–16 об.
- ²⁰⁵ Николай II – Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.636–637.
- ²⁰⁶ М.В.Родзянко – А.Ф.Трепову. 3 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.422.
- ²⁰⁷ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.16.
- ²⁰⁸ Николай II – Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.636–637.
- ²⁰⁹ Как состоялся декабрьский роспуск Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 30 марта.
- ²¹⁰ С.А.Куколь-Яснопольский – А.Ф.Трепову. 12 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.435–435 об.
- ²¹¹ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.107–108.
- ²¹² *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.138. Ср.: *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.178.
- ²¹³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.159.
- ²¹⁴ *Оболенский А.В.* Указ. соч. С.103; *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С.236.
- ²¹⁵ Николай II – Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.639.
- ²¹⁶ *Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М.–Л., 1926. С.122.
- ²¹⁷ Допрос А.А.Макарова. 14 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.128.
- ²¹⁸ *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.132,159.
- ²¹⁹ Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т.61. С.135.
- ²²⁰ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.524.
- ²²¹ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т.2. С.63; Допрос Н.А.Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Там же. С.321; Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.208; Николай II – Александре Федоровне. 27 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.497.
- ²²² Николай II – Н.А.Добровольскому. 23 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.246.
- ²²³ Допрос Н.А.Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.329; *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.613.
- ²²⁴ *Романов А.Ф.* Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.9; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.524–525; *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. М.–Л., 1929. С.69,70; *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.28. О Н.А.Добровольском см.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* «Человек небрегающий службою». Генерал-прокурор Н.А.Добровольский // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996.
- ²²⁵ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.62–63; Александро-Невская лавра... С.208; Александра Федоровна – Николаю II. 6 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.624. Ср.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.159.
- ²²⁶ Допрос Н.А.Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.329,330–331; Александра Федоровна – Николаю II. 9 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.629.
- ²²⁷ Допрос И.Г.Шегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.433–434.
- ²²⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.643.
- ²²⁹ Николай II – А.С.Танееву. 19 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.334. Л.8.
- ²³⁰ Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916–февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С.24; П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.30.
- ²³¹ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.616; Заседание ЦК 6 января 1917 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1998. Т.3. 1915–1920 гг. С.339.
- ²³² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.26.
- ²³³ Николай II накануне отречения... С.24; Показания графа П.Н.Игнатьева // Падение царского режима. Т.6. С.24.
- ²³⁴ Как произошла отставка графа П.Н.Игнатьева // Биржевые ведомости. 1917. 15 марта.
- ²³⁵ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.92.

- ²³⁶ *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.291.
- ²³⁷ Об отношениях царского правительства и оппозиции на рубеже 1916–1917 гг. см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.265–274; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.622–629; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.246–249; *Старцев В.И.* Указ. соч. С.227–235,242–244,251–262; *Аврех А.Я.* Распад третейской системы. С.145–151; *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпизод царизма. М., 1987. С.14–33; *он же.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С.12–20; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.28–31; *Куликов С.В.* IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917); *Ганелин Р.Ш.* После Распутина. С.123–134.
- ²³⁸ *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С.348–349.
- ²³⁹ *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.110.
- ²⁴⁰ *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. Т.1. С.72–73; *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1,1 об.; Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С.355. В начале 1916 г. Б.В.Штурмер выдвигал кандидатуру Н.Д.Голицына на пост министра внутренних дел (П.Н.Апраксин – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.249. Л.6–14 об.; Слухи // Русские ведомости. 1916. 21 января; Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.118–119). Служебный формуляр князя Н.Д.Голицына см.: *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С.171–173.
- ²⁴¹ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.32; *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С.172.
- ²⁴² *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.161–162.
- ²⁴³ Александра Федоровна – Николаю II. 15 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.640.
- ²⁴⁴ Допрос И.Г.Шегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.433; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.531; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.56.
- ²⁴⁵ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т.2. С.59,68.
- ²⁴⁶ П.А.Бадмаев – Николаю II. 30 ноября 1916 г. // За кулисами царизма... С.33.
- ²⁴⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.25.
- ²⁴⁸ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 20 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.55–55 об.
- ²⁴⁹ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.250–251; *Корнев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // АРР. 1922. Т.7. С.19–20.
- ²⁵⁰ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.250–251.
- ²⁵¹ *Корнев С.А.* Указ. соч. С.19–20; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.351.
- ²⁵² Николай II – А.С.Танееву. 26 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.305. Л.27.
- ²⁵³ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1; *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.194. Ср.: *Андрей Владимирович.* Из дневника Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // КА. 1928. Т.26. С.191; Николай II накануне отречения... С.25.
- ²⁵⁴ Допрос Н.А.Маклакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.286.
- ²⁵⁵ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.79.
- ²⁵⁶ Э.Б.Войновский-Кригер (К назначению его начальником Управления железных дорог) // Голос Руси. 1916. 15 февраля; *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.14,14 об.
- ²⁵⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 6 и 10 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.624,631.
- ²⁵⁸ *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С.345–346. Ср.: *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.59 об.; Справка о сенаторе Н.К.Кульчицком. Не позднее 24 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. 1909 г. Д.3. Л.13–14; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.323.
- ²⁵⁹ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т.2. С.65–66; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.322–323; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.41.
- ²⁶⁰ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1922. Т.2. С.137,139; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1. С.151; *Беннигсен Э.П.* Первые дни революции 1917 г. // Возрождение. 1954. Тетр.33. С.117; *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. М., 2000. С.219–220.
- ²⁶¹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.151; Николай Михайлович – Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Николай II и великие князья... С.90, 92; Допрос генерала А.А.Поливанова. 25 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.85; Допрос М.В.Родзянко // Там же. С.172; *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.18; *он же.* Воспоминания // Там же. 1966. Кн.177. С.101; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.136; *он же.* Царская Россия накануне революции. С.97.

- ²⁶² Александра Федоровна – Николаю II. 13, 14, 15 и 17 августа, 8 ноября и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.530,532-533,535,613,642. См. также: Допрос генерала М.А.Беляева. 17 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.167-168; *Лукомский А.С.* Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. С.121.
- ²⁶³ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.98.
- ²⁶⁴ П.А.Бадмаев – Николаю II. 30 ноября 1916 г. // За кулисами царизма... С.33. Ср.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.159-160.
- ²⁶⁵ Допрос генерала М.А.Беляева. 17 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.158,160,161; Михаил Михайлович – Николаю II. 4 июля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.103-104; Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.47; «Успокоения нечего ожидать». С.37. Ср.: Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.39.
- ²⁶⁶ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.195; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.209.
- ²⁶⁷ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.182. С.90.
- ²⁶⁸ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.2. С.588.
- ²⁶⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 180. С.80,81.
- ²⁷⁰ К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617; *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.197.
- ²⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.618; К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января.
- ²⁷² *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.212.
- ²⁷³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.361.
- ²⁷⁴ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова «Об утверждении петроградского губернского предводителя дворянства». 12 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.241. Д.54. Л.479; Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.139,141.
- ²⁷⁵ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.157-158.
- ²⁷⁶ Правительственный вестник. 1917. 6 января.
- ²⁷⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.491.
- ²⁷⁸ Телеграмма А.Д.Протопопова – И.Н.Соколовскому. Не ранее 1 января 1917 г. Черновик // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.172. См. также: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.164.
- ²⁷⁹ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 1 января 1917 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.33 об.
- ²⁸⁰ А.Д.Протопопов – А.И.Гучкову. 7 января 1917 г. Отпуск // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.157.
- ²⁸¹ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.162-163; *Шульгин В.В.* Дни // *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С.155,157.
- ²⁸² *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.212.
- ²⁸³ Николай II накануне отречения... С.35.
- ²⁸⁴ К истории последних дней царского режима. С.244.
- ²⁸⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.162-163.
- ²⁸⁶ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок») // *Монархия перед крушением.* С.291; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С.145.
- ²⁸⁷ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.130; *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // РЛ. 1925. Кн.7. С.109; *Спиридович А.И.* Указ. соч. 1962. Т.3. С.24.
- ²⁸⁸ Николай II накануне отречения... С.54.
- ²⁸⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.71.
- ²⁹⁰ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок»). С.287.
- ²⁹¹ *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161.
- ²⁹² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.111.
- ²⁹³ Николай II накануне отречения... С.60.
- ²⁹⁴ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ²⁹⁵ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье // ВИ. 1991. № 2–3. С.213,214.
- ²⁹⁶ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ²⁹⁷ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.209.
- ²⁹⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.41.
- ²⁹⁹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.270-272.
- ³⁰⁰ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.180; *Ден Л.* Подлинная царица // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С.57.
- ³⁰¹ А.Д.Протопопов – Э.Ротшильд. 19 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.Р-324. Оп.2. Д.30. Л.2–3; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.94; Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С.187. Благодарю П.А.Трибунского, предоставившего копию письма А.Д.Протопопова.
- ³⁰² *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161.

- ³⁰³ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.265; *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.92-93; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.18.
- ³⁰⁴ Допрос Н.А.Махлакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.292.
- ³⁰⁵ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ³⁰⁶ Памятная записка И.Н.Лодыженского о заседании Совета министров 3 января 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.451.
- ³⁰⁷ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ³⁰⁸ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.359.
- ³⁰⁹ Николай II накануне отречения... С.59.
- ³¹⁰ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.254.
- ³¹¹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.18.
- ³¹² *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.13 об.-14.
- ³¹³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.346.
- ³¹⁴ Доклад князя Голицына Николаю Романову 12 января 1917 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925. С.132-133.
- ³¹⁵ Особый журнал Совета министров 7 февраля 1917 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «По вопросу о выработке Положения о кооперативах» // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.206. Л.128.
- ³¹⁶ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.161.
- ³¹⁷ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.16 об.-17.
- ³¹⁸ Там же. Л.31; Допрос Н.А.Махлакова. 1 мая 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.3. С.98-99; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.259,260.
- ³¹⁹ Циркулярное распоряжение управляющего Министерством юстиции генерал-прокурора Н.А.Добровольского председателям и прокурорам судебных мест от 4 февраля 1917 г. о порядке избрания в качестве меры пресечения лишения свободы // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. С.389-391.
- ³²⁰ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // ВИ. 2002. № 8. С.70. Ср.: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.525; *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.71.
- ³²¹ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.259. Ср.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. С.449.
- ³²² Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д.Протопопова) // СА. 1985. № 1. С.58.
- ³²³ Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21 об.; Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.359; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.22.
- ³²⁴ Записка Петроградского охранного отделения о настроениях кадетов накануне переворота. 29 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.–Л., 1927. С.175. Ср.: *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.6,240-241.
- ³²⁵ А.Д.Протопопов – В.Б.Фредериксу. 4 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.59-60,61.
- ³²⁶ Николай II накануне отречения... С.68.
- ³²⁷ *Базилевский П.А.* Воспоминания // НИОР РГБ. Ф.15. К.4. Д.1. Л.90 об.-91,92. Благодарю П.А.Трибунского, предоставившего свои выписки из воспоминаний П.А.Базилевского.
- ³²⁸ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.26; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162.
- ³²⁹ Журнал № 141 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 4 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. М., 1978. С.172-174,176.
- ³³⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.7.
- ³³¹ Журнал № 143 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 11 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. С.202.
- ³³² Из переписки Николая II с министрами // *Монархия перед крушением.* С.97.
- ³³³ Проект манифеста о роспуске IV Государственной думы // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1003. Л.1,2.
- ³³⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.623; Допрос Н.А.Махлакова. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.208.
- ³³⁵ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.25.
- ³³⁶ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.161.
- ³³⁷ Николай II накануне отречения... С.70.
- ³³⁸ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.216,217.
- ³³⁹ Конференция «союзников» в Петрограде 1917 г. // *Монархия перед крушением.* С.83. О миссии А.Мильнера и Петроградской конференции союзников см.: *Алексеева И.В.* Указ. соч. С.239-251.
- ³⁴⁰ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.167.

- ³⁴¹ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 6. С.10.
- ³⁴² К истории последних дней царского режима. С.245.
- ³⁴³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.167.
- ³⁴⁴ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.163.
- ³⁴⁵ Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С.221.
- ³⁴⁶ Запись беседы с Н.Д.Соколовым // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.95-96; Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. В 2-х ч. М., 1995. Ч.1. С.7,19,20; Дубенский Д.Н. Указ. соч. С.350.
- ³⁴⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.158. Ср.: К истории последних дней царского режима. С.246.
- ³⁴⁸ Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.95-96. См. также: П.Г. Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник (Севастополь). 1917. 15 марта; Савич Н.В. Указ. соч. С.177-178; Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.164; Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.2. С.86; Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.59-60.
- ³⁴⁹ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.3. С.72-73.
- ³⁵⁰ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ПФА РАН. Ф.297. Оп.1. Л.465-466.
- ³⁵¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.93.
- ³⁵² Глинка Я.В. Указ. соч. С.173.
- ³⁵³ Беннигсен Э.П. Первые дни революции 1917 г. С.117.
- ³⁵⁴ Н.Д.Голицын – М.В.Родзянко. 17 февраля 1917 г.; М.В.Родзянко – Н.Д.Голицыну. 23 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.464-465; К истории последних дней царского режима. С.246.
- ³⁵⁵ Рейн Г.Е. Указ. соч. С.169.
- ³⁵⁶ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.170; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.161.
- ³⁵⁷ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
- ³⁵⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.86.
- ³⁵⁹ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
- ³⁶⁰ Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21.
- ³⁶¹ Савич Н.В. Указ. соч. С.210,212,290. Ср.: Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С.356.
- ³⁶² Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.260-261.
- ³⁶³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.168-169. Ср.: Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.388.
- ³⁶⁴ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.60.
- ³⁶⁵ Дубенский Д.Н. Указ. соч. С.348-349.
- ³⁶⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты // ВИ. 1990. № 3. С.139. См. также: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.244-245; он же. Царизм и Первая мировая война. С.616-617; Старцев В.И. Указ. соч. С.20; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.59-60; Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн. 6.
- ³⁶⁷ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99.
- ³⁶⁸ Бубнов А.Д. В Царской ставке. СПб., 1995. С.130. См. также: Воейков В.Н. Указ. соч. С.9.
- ³⁶⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.61; П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 25 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Д.44-45 об.
- ³⁷⁰ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.344.
- ³⁷¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99,100.
- ³⁷² Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.379-380; Николай II. Дневники императора Николая II. С.595-596,597-598,600-602,606-607,611-613.
- ³⁷³ Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
- ³⁷⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99.
- ³⁷⁵ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. С.455.
- ³⁷⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.29.
- ³⁷⁷ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.447.
- ³⁷⁸ Николай II. Дневники императора Николая II. С.601–602; Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.448.
- ³⁷⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.29.
- ³⁸⁰ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.448. См. также: Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. [СПб.], 1921. С.262.
- ³⁸¹ Александра Федоровна – Николаю II. 20 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.561.
- ³⁸² Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
- ³⁸³ Бубнов А.Д. Указ. соч. С.129-130.
- ³⁸⁴ Вырубова А.А. Фрейлина ее величества. С.166.
- ³⁸⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.–Л., 1930. Т.2. С.340.

- ³⁸⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.142-143.
- ³⁸⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.38.
- ³⁸⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.527.
- ³⁸⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
- ³⁹⁰ Из истории борьбы в верхах... С.167.
- ³⁹¹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
- ³⁹² Из истории борьбы в верхах... С.167.
- ³⁹³ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.104; «Успокоения нечего ожидать». С.40.
- ³⁹⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 20 и 21 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.561,563,565.
- ³⁹⁵ Николай II – Александре Федоровне. 22 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.569.
- ³⁹⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
- ³⁹⁷ Оболенский А.В. Указ. соч. С.102,103.
- ³⁹⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.159.
- ³⁹⁹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.98. О диктатуре Б.В.Штюрмера см.: Флоринский М.Ф. «Диктатура» Б.В.Штюрмера и деятельность Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. СПб., 2003.
- ⁴⁰⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 14 августа 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 14 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.531-532.
- ⁴⁰¹ «Успокоения нечего ожидать». С.40.
- ⁴⁰² Александра Федоровна – Николаю II. 14 августа 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 16 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.532,534.
- ⁴⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.146.
- ⁴⁰⁴ Соколов Н.А. Указ. соч. С.289; Николай II. Дневники императора Николая II. С.600.
- ⁴⁰⁵ А.А.Маниковский – Е.З.Барсукову. 26 августа 1916 г. // Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.303.
- ⁴⁰⁶ Соколов Н.А. Указ. соч. С.290; Николай II. Дневники императора Николая II. С.602.
- ⁴⁰⁷ Положения о верховном начальнике продовольственной части // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.205. Л.69-70 об.
- ⁴⁰⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.102.
- ⁴⁰⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.154.
- ⁴¹⁰ Барсуков Е.З. Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексея царю о верховном министре государственной обороны // Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340.
- ⁴¹¹ М.В.Алексеев – Д.С.Шуваеву. 30 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.15. Д.47. Л.3-3 об.
- ⁴¹² «Успокоения нечего ожидать». С.40.
- ⁴¹³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.150,152.
- ⁴¹⁴ «Успокоения нечего ожидать». С.40.
- ⁴¹⁵ Николай II – Александре Федоровне. 20 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.563.
- ⁴¹⁶ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 22 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.13-13 об.
- ⁴¹⁷ Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции об октябрьской конференции партии кадетов. 2 ноября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.148.
- ⁴¹⁸ Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999. С.106.
- ⁴¹⁹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.105,106.
- ⁴²⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С.825; Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. М.–СПб., 1993. Т.12. С.10.
- ⁴²¹ Pares V. The Fall of the Russian Monarchy. N. Y., 1961. P.429; Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.138.
- ⁴²² Соколов Н.А. Указ. соч. С.242.
- ⁴²³ Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11.
- ⁴²⁴ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.103; Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.208.
- ⁴²⁵ Pares V. Op. cit. P.429; Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11.
- ⁴²⁶ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340,307.
- ⁴²⁷ Телеграмма начальника штаба главнокомандующего армий Запфронта начальнику снабжений армий Запфронта. 31 октября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.154.
- ⁴²⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.228.
- ⁴²⁹ Из истории борьбы в верхах... С.168-169.
- ⁴³⁰ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.201.
- ⁴³¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.608-610.

- ⁴³² Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.201; Николай II. Дневники императора Николая II. С.609.
- ⁴³³ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.78.
- ⁴³⁴ Б.В.Шпюрмер — М.В.Алексееву. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.15. 1916 г. Д.51. Л.27-31 об.
- ⁴³⁵ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.121.
- ⁴³⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.610; Пуришкевич В.М. Указ. соч. С.6-7.
- ⁴³⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.610; Николай II — Александре Федоровне. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.610.
- ⁴³⁸ Энгельгардт Б.А. Потонувший мир // ОР РНБ. Ф.1052. Д.3. Л.723.
- ⁴³⁹ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340-341.
- ⁴⁴⁰ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.216-217,221.
- ⁴⁴¹ Бубнов А.Д. Указ. соч. С.89.
- ⁴⁴² Протокол допроса графа Д.Н.Татищева // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.40. Л.3.
- ⁴⁴³ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. С.66.
- ⁴⁴⁴ Николай II — Александре Федоровне. 8 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.613.
- ⁴⁴⁵ Николай II. Дневники императора Николая II. С.611; Григорович И.К. Указ. соч. С.191.
- ⁴⁴⁶ Соколов Н.А. Указ. соч. С.242.
- ⁴⁴⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.611.
- ⁴⁴⁸ Глинка Я.В. Указ. соч. С.163.
- ⁴⁴⁹ Демкин Д.И. Петроградская городская дума в первые дни смуты // РЛ. 1924. Кн.6. С.143; Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.129.
- ⁴⁵⁰ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.174.
- ⁴⁵¹ Николай II — Александре Федоровне. 7 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.612.
- ⁴⁵² Тактика высшего командования в Февральскую революцию // КА. 1929. Т.35. С.213; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С.245; Бубнов А.Д. Указ. соч. С.134; Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.173; «Успокоения нечего ожидать». С.33.
- ⁴⁵³ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.128.
- ⁴⁵⁴ Николай II. Дневники императора Николая II. С.613; Мосолов А.А. Указ. соч. С.16.
- ⁴⁵⁵ В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С.151; Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.129.
- ⁴⁵⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.248.
- ⁴⁵⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.45; Милоков П.Н. Указ. соч. Т.2. С.291.
- ⁴⁵⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.118.
- ⁴⁵⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С.164.
- ⁴⁶⁰ Николай Михайлович. Записки // КА. 1931. Т.49. С.108.
- ⁴⁶¹ Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С.6.
- ⁴⁶² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.26.
- ⁴⁶³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.613.
- ⁴⁶⁴ И.Н.Лодыженский — А.А.Риттиху. 11 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.205. Л.68,71 об.
- ⁴⁶⁵ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.481-482.
- ⁴⁶⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.26.
- ⁴⁶⁷ Приказ армии и флоту 12 декабря 1916 г. № 870 // Русско-польские отношения... С.131. О перспективах решения константинопольского и польского вопросов в конце 1916 — начале 1917 гг. см.: Емец В.А. Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916 — начало 1917 г.) // Россия в XIX—XX вв.
- ⁴⁶⁸ Сторожев В.Н. Дипломатия и революция // Вестник НКВД. 1920. № 4—5. С.80. Ср.: Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.283.
- ⁴⁶⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С.175.
- ⁴⁷⁰ Арапова З.В. Дневник // НИОР РГБ. Ф.12. К.1. Д.9. Л.85-87.
- ⁴⁷¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.623; Ден Л. Указ. соч. С.89.
- ⁴⁷² Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.162-163.
- ⁴⁷³ Вырубова А.А. Фрейлина ее величества. С.197.
- ⁴⁷⁴ Тарсаидзе А.А. Письмо в редакцию // Возрождение. 1951. Тетр.15. С.51.
- ⁴⁷⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.93.
- ⁴⁷⁶ Николай II — М.В.Алексееву. 7 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.635. Л.127.
- ⁴⁷⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.102.
- ⁴⁷⁸ Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
- ⁴⁷⁹ Деникин А.И. Указ. соч. // ВИ. 1990. № 3. С.140.
- ⁴⁸⁰ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.158; Брусилов А.А. Указ. соч. С.259, 260; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С.471.
- ⁴⁸¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.492; Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н.Яхонтовым, [бывшим]

- помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т.18. С.59; Вильчковский С.Н. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседа с генералом С.Н.Вильчковским) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С.147,168; Курлов П.Г. Указ. соч. С.237; Протокол пленарного заседания ЦК 4—5 февраля 1917 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1998. Т.3. 1915—1920 гг. С.344. См. также таблицу 2.
- ⁴⁸² Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.96. См. также: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.492; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С.86; Оболенский А.В. Указ. соч. С.102-103.
- ⁴⁸³ Брусилов А.А. Указ. соч. С.269.
- ⁴⁸⁴ Александр Михайлович. Указ. соч. С.213.
- ⁴⁸⁵ Воейков В.Н. Указ. соч. С.117.
- ⁴⁸⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.107.
- ⁴⁸⁷ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.2. С.86; См. также: Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.164.
- ⁴⁸⁸ Юсунов Ф.Ф. Мемуары в 2-х книгах. До изгнания. 1887—1919. В изгнании. М., 1998. С.167.
- ⁴⁸⁹ П.Г. Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.
- ⁴⁹⁰ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.174.
- ⁴⁹¹ Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.388; Воейков В.Н. Указ. соч. С.120.
- ⁴⁹² Историографию проблемы заговора против Николая II см.: Старцев В.И. «Заговор буржуазии» перед февралем 1917 г. в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Л., 1987. См. также: Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб., 1998.
- ⁴⁹³ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.2. С.168.
- ⁴⁹⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.213.
- ⁴⁹⁵ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7—8. С.205; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.137.
- ⁴⁹⁶ Оболенский А.В. Указ. соч. С.102-103; Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С.349.
- ⁴⁹⁷ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф.389. Оп.1. Д.46. Л.86.
- ⁴⁹⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.45.
- ⁴⁹⁹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.82.
- ⁵⁰⁰ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
- ⁵⁰¹ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.151-152; К истории гвоздешчины («Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК) // КА. 1934. Т.67. С.88-92.
- ⁵⁰² Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
- ⁵⁰³ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.176.
- ⁵⁰⁴ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵⁰⁵ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. С.48-49.
- ⁵⁰⁶ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵⁰⁷ Разъяснение министра внутренних дел Протопопова губернаторам и градоначальникам по поводу безусловного запрещения съездов общественных организаций. 1 ноября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.153-154.
- ⁵⁰⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.174-177. См. также: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.257-258.
- ⁵⁰⁹ Выступление А.Ф.Трепова. 19 ноября 1916 г. // Государственная дума. Стенографический отчет. Сост. 4-й. Сессия 5-я. Пг., 1916—1917. Стб.252.
- ⁵¹⁰ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵¹¹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.308.
- ⁵¹² Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.90.
- ⁵¹³ А.Ф.Трепов — С.А.Кулоло-Яснопольскому. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1848. Л.2,5.
- ⁵¹⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий — Николаю II. 2 декабря 1916 г. // Правые партии. Т.2. С.595-596.
- ⁵¹⁵ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.6-6 об., 10,49.
- ⁵¹⁶ Александр Федоровна — Николаю II. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.638.
- ⁵¹⁷ Особый журнал Совета министров 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.124. Л.83 об.
- ⁵¹⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.93.
- ⁵¹⁹ Журналы № № 121, 122, 123, 128 и 130 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 12, 23 и 30 ноября, 17 и 28 декабря 1916 г. //

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.690,700,711,755,767; Журналы 132, 133, 134, 136 и 140 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 4, 7, 11 и 18 января и 1 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. С.30,45,46,64,97,161.

- ⁵²⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.113.
⁵²¹ Александра Федоровна – Николаю II. 15 декабря 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.641,645.
⁵²² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.4,37,90.
⁵²³ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.31.
⁵²⁴ *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.293.
⁵²⁵ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.321-322.
⁵²⁶ Показания П.Н.Миллюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.350
⁵²⁷ Допрос А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Там же. Т.6. С.278.
⁵²⁸ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.198. Ср.: Допрос А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.279; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С.161,170.
⁵²⁹ *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.469.
⁵³⁰ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта. Ср.: *Лаверычев В.Я.* Указ. соч. С.157.
⁵³¹ Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. – 4 февраля 1917 г. // АРР. 1922. Т.5. С.335. См. также: В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова // Былое. 1918. № 13. С.94.
⁵³² Николай II накануне отречения... С.26; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.201. Ср.: *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.196.
⁵³³ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.196.
⁵³⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий – А.Д.Протопопову. 28 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.87.
⁵³⁵ Н.Н.Тиханович-Савицкий – Николаю II. 30 декабря 1916 г. // Правые партии. Т.2. С.604-606.
⁵³⁶ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.203.
⁵³⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617; *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.194-195.
⁵³⁸ Именной высочайший рескрипт председателю Совета министров князю Н.Д.Голицыну // Правительственный вестник. 1917. 6 января.
⁵³⁹ Циркуляр А.Д.Протопопова от 11 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.782. Л.14-16.
⁵⁴⁰ Н.Н.Тиханович-Савицкий – А.Д.Протопопову. 21 января 1917 г. // Правые партии. Т.2. С.619.
⁵⁴¹ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.161.
⁵⁴² *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.91-92.
⁵⁴³ Сообщение газеты «Утро России» от 20 января 1917 г. // Правые партии. Т.2. С.618.
⁵⁴⁴ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок»). С.289-290.
⁵⁴⁵ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.199-200.
⁵⁴⁶ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта.
⁵⁴⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.44.
⁵⁴⁸ «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами Главного совета СРН – обновленческого и направленных А.А.Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д.Протопопову // Правые партии. Т.2. С.614.
⁵⁴⁹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.309.
⁵⁵⁰ *Тальберг Н.Д.* Очерки истории Императорской России от Николая I до царя-мученика. М., 1995. С.222.
⁵⁵¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.115.
⁵⁵² *Рафес М. [Борисов М.Г.]* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С.179; Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.179.
⁵⁵³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.
⁵⁵⁴ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.49.
⁵⁵⁵ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.150.
⁵⁵⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.
⁵⁵⁷ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
⁵⁵⁸ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.249.
⁵⁵⁹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.87.
⁵⁶⁰ Беседа с членом Государственной думы Н.И.Нечаевым // Воронежский телеграф. 1917. 12 марта.
⁵⁶¹ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.179.

- См. также: *Акаемов Н.Ф.* В преддверии революции // ИВ. 1917. № 7–8. С.154; В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова... С.103-104.
⁵⁶² *Бриз Локкарт Р.Г.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С.151.
⁵⁶³ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
⁵⁶⁴ *Глобачев К.И.* Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
⁵⁶⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.88.
⁵⁶⁶ Письменные объяснения А.Т.Васильева // Падение царского режима. Т.1. С.425.
⁵⁶⁷ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.215.
⁵⁶⁸ *Рафес М. [Борисов М.Г.]* Указ. соч. С.180.
⁵⁶⁹ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
⁵⁷⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89; *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. С.348-349.
⁵⁷¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89.
⁵⁷² Доклад Петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы. 31 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.184.
⁵⁷³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89.
⁵⁷⁴ *Мордвинов А.А.* Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.71.
⁵⁷⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.623.
⁵⁷⁶ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.175.
⁵⁷⁷ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильера, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.145.
⁵⁷⁸ А.И.Гучков – Н.Д.Голицыну. 3 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.13. Д.33. Л.1,3,3 об.
⁵⁷⁹ Записка Петроградского охранного отделения о настроениях в обществе накануне открытия Государственной думы. 29 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.169.
⁵⁸⁰ Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.285,288.
⁵⁸¹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.87.
⁵⁸² Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161-162. О Государственном совете в конце 1916 – начале 1917 г. см.: *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9; *он же.* Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906–1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; *он же.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2; *Бородин А.П.* Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; *он же.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С.158-168.
⁵⁸³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.125,135. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.52-53; Александра Федоровна – Николаю II. 9 и 14 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.525,531.
⁵⁸⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.430.
⁵⁸⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 4 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.621.
⁵⁸⁶ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.76-81. Не исключено, что за письмом И.П.Балашева стоял М.В.Родзянко (Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.153).
⁵⁸⁷ Записка А.А.Клопова. Октябрь 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.47 об.
⁵⁸⁸ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.114.
⁵⁸⁹ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.224,225.
⁵⁹⁰ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта. См. также: *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.192.
⁵⁹¹ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта.
⁵⁹² *Кокоев В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.335,336.
⁵⁹³ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.9.
⁵⁹⁴ С.Е.Крыжановский – Николаю II // РГИА. Ф.1162. Оп.2. 1910 г. Д.24. Л.87.
⁵⁹⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.99.
⁵⁹⁶ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.
⁵⁹⁷ *Кони А.Ф.* Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев) // ПИН. 1924. Вып.1. С.6.
⁵⁹⁸ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова от 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.

- ⁵⁹⁹ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.242-243.
- ⁶⁰⁰ И.А.Куракин – М.А.Шаховской. 27 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1542. Оп.1. Д.131. Л.195 об.
- ⁶⁰¹ Резолюция от 30 ноября 1916 г., принятая на 12-м Съезде объединенных дворянских обществ. Черновик // РГИА. Ф.892. Оп.1. Д.1581. Л.1. О позиции Объединенного дворянства в конце 1916 – начале 1917 г. см.: *Бибин М.А.* Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915–1916 гг. // ВМУ. 1980. Сер.8. История. № 1; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.204-214.
- ⁶⁰² *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.42.
- ⁶⁰³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189.
- ⁶⁰⁴ *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.8.
- ⁶⁰⁵ И.Я.Голубев – П.А.Сабурову. 2 января 1917 г. // РГИА. Ф.1044. Оп.1. Д.354. Л.4.
- ⁶⁰⁶ Из бумаг А.В.Тырковой-Вильямс. Запись рассказа княгини С.Н.Васильчиковой // Возрождение. 1964. Кн.156. С.95.
- ⁶⁰⁷ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С.105.
- ⁶⁰⁸ В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С.153.
- ⁶⁰⁹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.171.
- ⁶¹⁰ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.244.
- ⁶¹¹ *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.288.
- ⁶¹² *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.89.
- ⁶¹³ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта.
- ⁶¹⁴ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.89-90.
- ⁶¹⁵ Там же. С.80-81.
- ⁶¹⁶ *Любимов Л.Д.* Указ. соч. С.53-54.
- ⁶¹⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189,208-209; *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.337.
- ⁶¹⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.80-81.
- ⁶¹⁹ *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.38.
- ⁶²⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189.
- ⁶²¹ П.Н.Игнатъев – А.В.Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.31 об.
- ⁶²² Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 3. С.31.
- ⁶²³ О предьстории этой реформы см.: *Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX – октябрь 1917). СПб., 2000.
- ⁶²⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.643.
- ⁶²⁵ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 24 декабря 1916 г.; Объяснительная записка С.Е.Крыжановского // РГИА. Ф.1148. Оп.12. Д.482. Л.123-124,126,127 об.
- ⁶²⁶ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.162.
- ⁶²⁷ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.
- ⁶²⁸ К истории последних дней царского режима. С.235.
- ⁶²⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.643. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.58,59.
- ⁶³⁰ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Там же. С.426.
- ⁶³¹ Там же. С.430.
- ⁶³² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.134; Александра Федоровна – Николаю II. 14 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.639,644.
- ⁶³³ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.437.
- ⁶³⁴ Николай II – Александре Федоровне. 15 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.641.
- ⁶³⁵ Николай II – Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г. // Там же. С.639.
- ⁶³⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.41,57. См. также: Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.22.
- ⁶³⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.57; Николай II – Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 15 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.639-640,643.
- ⁶³⁸ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.57-58.
- ⁶³⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.182. С.93.
- ⁶⁴⁰ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.426.
- ⁶⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617.
- ⁶⁴² Справка о количественном составе групп Государственного совета. 29 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2 (доп. к т.16). 1917 г. Д.11. Л.8.
- ⁶⁴³ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.4-5,17-18.

- ⁶⁴⁴ Там же. С.18.
- ⁶⁴⁵ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.437,438.
- ⁶⁴⁶ *Таганцев Н.С.* Пережитое. Пг., 1919. С.19.
- ⁶⁴⁷ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.439.
- ⁶⁴⁸ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Т.2. С.587.
- ⁶⁴⁹ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.17.
- ⁶⁵⁰ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.439.
- ⁶⁵¹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.458.
- ⁶⁵² П.А.Бадмаев – Николаю II. 26 декабря 1916 г. // За кулисами царизма... С.35.
- ⁶⁵³ Протокол допроса Г.Г.Чаплинского // Дело М.Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С.214.
- ⁶⁵⁴ Из назначенных сановников присутствующими стали 3 человека.
- ⁶⁵⁵ *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.9.
- ⁶⁵⁶ П.Н.Игнатъев – А.В.Кривошеину. 1 января 1917 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.33 об.
- ⁶⁵⁷ Б.А.Васильчиков – С.Н.Васильчиковой. 4 января 1917 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.990. Л.24.
- ⁶⁵⁸ Б.А.Васильчиков – С.Н.Васильчиковой. 7 января 1917 г. // Там же. Л.26-27 об.
- ⁶⁵⁹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.337-339.
- ⁶⁶⁰ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
- ⁶⁶¹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.459.
- ⁶⁶² *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.173,176.
- ⁶⁶³ Николай II накануне отречения... С.40; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162.
- ⁶⁶⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.619; *Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // ИЗ. 1984. Т.110. С.109-110.
- ⁶⁶⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.156.
- ⁶⁶⁶ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // ВИ. 1996. № 8. С.94.
- ⁶⁶⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.219.
- ⁶⁶⁸ Памятная записка. 22 января 1917 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.52.
- ⁶⁶⁹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.57; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.10.
- ⁶⁷⁰ Всеподданнейший доклад И.Г.Щегловитова. Январь 1917 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.–Л., 1929. С.380.
- ⁶⁷¹ *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161-162.
- ⁶⁷² И.Г.Щегловитов – Н.Д.Голицыну. 26 января 1917 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.23.
- ⁶⁷³ Переписка правых... // ВИ. 1996. № 8. С.94.
- ⁶⁷⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.223.
- ⁶⁷⁵ Записка князя Долгорукова об оценке кадетами текущего момента // Буржуазия накануне Февральской революции. С.164.
- ⁶⁷⁶ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.439.
- ⁶⁷⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.224.
- ⁶⁷⁸ *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.352.
- ⁶⁷⁹ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162-163.
- ⁶⁸⁰ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Т.2. С.586-587. См. также: «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами Главного совета СРН – обновленческого и направленных А.А.Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д.Протопопову // Там же. С.613.
- ⁶⁸¹ Николай II накануне отречения... С.45; Допрос Н.А.Махлакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.288.
- ⁶⁸² Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Там же. С.275.
- ⁶⁸³ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Там же. Т.2. С.427. Ср.: *Куликов С.В.* Берлинский «Рух» и Рейхенгалльский съезд (монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // Русские в Германии (1914–1933). СПб., 1995. С.32.
- ⁶⁸⁴ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
- ⁶⁸⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.119.
- ⁶⁸⁶ Историографию проблемы см.: *Петрова Е.Е.* Император Николай II и великокняжеское окружение накануне Февральской революции. Некоторые проблемы историографии // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999.
- ⁶⁸⁷ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.103,149; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.55; *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С.539,583.
- ⁶⁸⁸ *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л.–М., 1925. С.82; Последний временщик последнего царя... // ВИ. 1964. № 10. С.128; *Мосолов*

А.А. Указ. соч. С.92; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. С.223-268.

- ⁶⁸⁹ *Воррес Й.* Указ. соч. С.299.
- ⁶⁹⁰ *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С.213; *Шереметев С.Д.* Указ. соч. С.611-612.
- ⁶⁹¹ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1922. Т.2. С.170; *Демидова С.И.* Из воспоминаний // ГМ. 1923. № 1. С.170; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.284; *Барк П.Л.* Воспоминания // *Возрождение.* 1966. Кн.174. С.78; *Извольский А.П.* Указ. соч. С.17; *Милоков П.Н.* Указ. соч. Т.2. С.75.
- ⁶⁹² *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.267. См. также: Великий князь под надзором. Официальная справка // *Былое.* 1918. № 31. С.56-57.
- ⁶⁹³ *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.278-279.
- ⁶⁹⁴ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.127; *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С.405. Ср.: *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28.
- ⁶⁹⁵ *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.267.
- ⁶⁹⁶ *Извольский А.П.* Указ. соч. С.179; *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.123; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.88.
- ⁶⁹⁷ *Бобринский А.А.* Дневник // КА. 1928. Т.26. С.140; *Кокоев В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.182. См. также: Алфавитный список почетных, непременных, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов имп. Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912.
- ⁶⁹⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.542; *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.313.
- ⁶⁹⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.208-209.
- ⁷⁰⁰ Дневник императрицы Марии Федоровны // Последние новости (Париж). 1933. 23 июля.
- ⁷⁰¹ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.77.
- ⁷⁰² Там же. С.76; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.158.
- ⁷⁰³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.544; Дневник императрицы Марии Федоровны // Последние новости. 1933. 23 июля.
- ⁷⁰⁴ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.158.
- ⁷⁰⁵ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.76.
- ⁷⁰⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.544; Письма Д.П.Романова к отцу // КА. 1928. Т.30. С.203.
- ⁷⁰⁷ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.314; *Мария Павловна (младшая).* Мемуары. М., 2003. С.194.
- ⁷⁰⁸ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.69-70,72; *Николай Михайлович* – Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.68.
- ⁷⁰⁹ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.97.
- ⁷¹⁰ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.167.
- ⁷¹¹ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.148; *Мария Павловна (младшая).* Указ. соч. С.195.
- ⁷¹² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.52. С.147.
- ⁷¹³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.26.
- ⁷¹⁴ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.135.
- ⁷¹⁵ Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких (газетные материалы) // ИВ. 1917. № 4. С.174-175.
- ⁷¹⁶ Показания С.П.Белешко // Падение царского режима. Т.4. С.264.
- ⁷¹⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28,29.
- ⁷¹⁸ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.145.
- ⁷¹⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // *Возрождение.* 1966. Кн.174. С.78.
- ⁷²⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28,29.
- ⁷²¹ Высокие особы в Киеве // Утро России. 1917. 6 января.
- ⁷²² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.132.
- ⁷²³ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.98.
- ⁷²⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.132.
- ⁷²⁵ Личность Николая II и Александры Федоровны... С.151.
- ⁷²⁶ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.112-113,130.
- ⁷²⁷ *Николай Михайлович* – М.В.Алексееву. 28 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.95.
- ⁷²⁸ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.10.
- ⁷²⁹ *Николай Михайлович* – Николаю II. 26 июля и 13 августа 1916 г. // Николай II и великие князья... С.78-79,80.
- ⁷³⁰ *Николай Михайлович* – Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Там же. С.89-90.
- ⁷³¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.159.
- ⁷³² *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.179.
- ⁷³³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.609; *Николай II* – Александре Федоровне. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615.
- ⁷³⁴ *Витенберг Б.М.* Комментарии // *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.305-306.

- ⁷³⁵ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.13.
- ⁷³⁶ *Жильяр П.* Указ. соч. С.133.
- ⁷³⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.610; *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.84.
- ⁷³⁸ *Николай Михайлович* – Николаю II. 1 ноября 1916 г. // Николай II и великие князья... С.146.
- ⁷³⁹ *Николай II* – Александре Федоровне. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.610.
- ⁷⁴⁰ *Николай Михайлович* – М.В.Алексееву. 28 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.95.
- ⁷⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611; *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.197.
- ⁷⁴² *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.66.
- ⁷⁴³ *Николай II* – Николаю Николаевичу. 8 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.79.
- ⁷⁴⁴ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С.256. См. также: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.203.
- ⁷⁴⁵ *Георгий Михайлович* – Николаю II. 11 ноября 1916 г. // Николай II и великие князья... С.123.
- ⁷⁴⁶ Из истории борьбы в верхах... С.179-180.
- ⁷⁴⁷ Там же. С.170.
- ⁷⁴⁸ *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.154.
- ⁷⁴⁹ *Врангель Н.А.* Дневник // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.55. Л.17 об.-18.
- ⁷⁵⁰ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.15.
- ⁷⁵¹ *Александра Федоровна* – Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.
- ⁷⁵² *Теляковский В.А.* Воспоминания. 1898–1917. [СПб., 1924. С.142.
- ⁷⁵³ *Александра Федоровна* – Николаю II. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615.
- ⁷⁵⁴ К истории последних дней царского режима. С.234.
- ⁷⁵⁵ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.16. Ср.: К истории последних дней царского режима. С.238.
- ⁷⁵⁶ М.А.Стахович – О.В.Палей. 12 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф.613. Оп.1. Д.474. Л.15 об.-16.
- ⁷⁵⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.612; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.239.
- ⁷⁵⁸ *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. С.175.
- ⁷⁵⁹ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.25.
- ⁷⁶⁰ *Александра Федоровна* – Николаю II. 4, 5 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.621,624.
- ⁷⁶¹ Личность Николая II и Александры Федоровны... С.174-175.
- ⁷⁶² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.614; «Слава Богу за все». Письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II // Источник. 1994. № 4. С.37. Ср.: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.21.
- ⁷⁶³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.614; *Палей О.В.* Указ. соч. С.175-176.
- ⁷⁶⁴ *Бьюкенен М.* Мемуары // *Алексеева И.В.* Мириэль Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С.155.
- ⁷⁶⁵ *Берберова Н.Н.* Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986. С.41-42.
- ⁷⁶⁶ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.180.
- ⁷⁶⁷ *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С.41-43. Ср.: «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.16.
- ⁷⁶⁸ *Милоков П.Н.* Указ. соч. Т.2. С.240.
- ⁷⁶⁹ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.152-154.
- ⁷⁷⁰ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.176,215.
- ⁷⁷¹ Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.96.
- ⁷⁷² К истории последних дней царского режима. С.237; *Маляков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. Т.34. С.265; Письма Д.П.Романова к отцу. С.206. Об убийстве Г.Е.Распутина в контексте великокняжеской фронды см.: *Ананьич Б.В., Фриз Г.Ф.* Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович об убийстве Григория Распутина (1920 г.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001; *Куликов С.В.* «Выход один – убить негодя» // Родина. 2003. № 7.
- ⁷⁷³ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.174.
- ⁷⁷⁴ *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.185-187.
- ⁷⁷⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.192.
- ⁷⁷⁶ *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.191.
- ⁷⁷⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.192. Ср.: *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.189.
- ⁷⁷⁸ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С.187.
- ⁷⁷⁹ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.220.
- ⁷⁸⁰ *Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.–Дюссельдорф, 1993. С.210.
- ⁷⁸¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.191-192.
- ⁷⁸² Личность Николая II и Александры Федоровны... С.158.

- ⁷⁸³ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.187.
- ⁷⁸⁴ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.616; Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. – 4 февраля 1917 г. С.334.
- ⁷⁸⁵ *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С.10.
- ⁷⁸⁶ К истории последних дней царского режима. С.242.
- ⁷⁸⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.159.
- ⁷⁸⁸ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.189.
- ⁷⁸⁹ Там же. С.191.
- ⁷⁹⁰ *Палей О.В.* Указ. соч. С.181; *Гавриил Константинович*. Указ. соч. С.216-217.
- ⁷⁹¹ *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // *Станкевич В.Б.* Воспоминания 1914–1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С.261.
- ⁷⁹² *Гавриил Константинович*. Указ. соч. С.216-217.
- ⁷⁹³ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102.
- ⁷⁹⁴ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.21.
- ⁷⁹⁵ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.364. Ср.: Николай Михайлович – Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.69.
- ⁷⁹⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.80-81.
- ⁷⁹⁷ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.17.
- ⁷⁹⁸ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.192.
- ⁷⁹⁹ Там же. С.190-192.
- ⁸⁰⁰ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102-103.
- ⁸⁰¹ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.12.
- ⁸⁰² *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.116.
- ⁸⁰³ *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С.41-42.
- ⁸⁰⁴ Николай Михайлович – Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.68–69; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.135; Т.2. С.223.
- ⁸⁰⁵ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С.318.
- ⁸⁰⁶ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.211; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.27.
- ⁸⁰⁷ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.175-176.
- ⁸⁰⁸ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.215.
- ⁸⁰⁹ Там же. С.213.
- ⁸¹⁰ *Врангель П.Н.* Указ. соч. Ч.1. С.18.
- ⁸¹¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.156; *Брусилов А.А.* Указ. соч. С.260; *Лаверьчев В.Я.* Указ. соч. С.163.
- ⁸¹² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.160-161; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.174.
- ⁸¹³ К истории последних дней царского режима. С.244.
- ⁸¹⁴ Михаил Александрович – Николаю II. 19 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1301. Л.162.
- ⁸¹⁵ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.209.
- ⁸¹⁶ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.621.
- ⁸¹⁷ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102-103; Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 12 января 1917 г. // Российский императорский дом. С.181.
- ⁸¹⁸ Педжет – Э.Грею. 10 февраля 1917 г. // Константинополь и проливы. В 2-х т. М., 1926. Т.2. С.171; *Александр Михайлович*. Указ. соч. С.221; Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 3 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.184.
- ⁸¹⁹ Николай II накануне отречения... С.65; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.195.
- ⁸²⁰ *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания. С.211.
- ⁸²¹ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.622. Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.163.
- ⁸²² Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. – 4 февраля 1917 г. С.333-334.
- ⁸²³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.229-230.
- ⁸²⁴ *Александр Михайлович*. Указ. соч. С.223.
- ⁸²⁵ Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187.
- ⁸²⁶ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.195.
- ⁸²⁷ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.622; Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187.
- ⁸²⁸ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.217.
- ⁸²⁹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.197.
- ⁸³⁰ Александр Михайлович – Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187-188.
- ⁸³¹ Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.386; «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.23.
- ⁸³² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.24,26; Письма Д.П.Романова к отцу. С.203; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.150-151.